

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ СИБИРИ**

№ 4, 2013 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ АГРАРНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Есикова М.М. Аграрная культура крестьянских хозяйств России в конце XIX – начале XX в.: факторы и динамика эволюции	5
Рышков В.М. Обилие рафинированных интеллигентов: органы управления сельским хозяйством Сибири (14 июня 1918 г. – 5 января 1920 г.)	8
Саламатова М.С. Электоральное поведение крестьянства в 1920-е гг.	12
Стасюкевич С.М. Продовольственная политика Советского государства на Дальнем Востоке в 1922–1928 гг.	17
Есиков С.А. Коллективизация сельского хозяйства как средство модернизации	21
Ильиных В.А. Коллективизация деревни: проекты и реальность.	27
Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в СССР в годы первой пятилетки и ее результаты.	34
Лапердин В.Б. Последствия голода 1946–1947 гг. в Омской области	38
Андреев С.Н. Причины и альтернативы реорганизации машинно-тракторных станций 1958 г.	42
Горбачев О.В. Трансформация сельской семьи в Центральном Нечерноземье в 1940–1980-е гг.	46

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Лурье Б.Д., Пищик И.И., Королева Е.В. Об экспертизе памятника крестьянского зодчества из с. Верх-Уймон	52
Журавель О.Д. Предисловия в старообрядческой рукописной традиции	57
Худяков Ю.С. Участие татарских воинов в составе российских войск в военных действиях в Западной Сибири в конце XVI – начале XVII в.	63
Никаноров И.Н. Постановление легендарного старообрядческого собора и сборник «Отеческие завещания»	67
Троев П.С. Побег ссыльных народников из Якутии в последней четверти XIX в.	71
Шишкин В.И. «Государство находится в исключительно критическом положении, поэтому прежде всего является необходимым создание его боевой мощи...»	75
Петров С.Г. Обновленческий церковный раскол в Сибири	79
Куперштох Н.А. Академик А.В. Николаев – организатор исследований по неорганической химии в СО АН СССР.	82
Савицкий И.М. Воздействие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне на природную среду и население Западной Сибири в годы «холодной войны»	87

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Игнаткин П.С. Соционим «иноземцы» применительно к народам Сибири в деловой письменности Московской Руси (вторая половина XVI – начало XVII в.)	92
Коробейникова Н.С. Внебрачная рождаемость в городах Западной Сибири на завершающем этапе Великой Отечественной войны (1944–1945 гг.)	95
Марков Ю.А. Уровень жизни населения Новосибирской области на начальном этапе радикальных экономических реформ	99
Исупов В.А. Международный семинар «Демографические процессы в Азии: история, современность, гипотезы будущего (Новосибирск 31 августа – 3 сентября 2013 г.)	102
Романов Р.Е. Третья Всероссийская молодежная научная конференция «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых»	104
Волосов Е.Н. Книга, которую ждали: рецензия на монографию А.А. Долголюка «Сибирские строители в 1946–1970 гг.». Новосибирск: Параллель, 2013. 476 с.: илл.	107
Памяти Николая Николаевича Покровского (20 июня 1930 – 13 октября 2013)	108
Summary	111

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), чл.-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), доктор *Ч. Даидаваа* (Улан-Батор, Монголия), д-р ист. наук *Н.И. Дроздов* (Красноярск), д-р ист. наук *В.П. Зиновьев* (Томск), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук *О.Н. Катионов* (Новосибирск), д-р ист. наук *Ю.Ф. Кирюшин* (Барнаул), академик РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск), академик РАН *Н.Н. Покровский* (Новосибирск), д-р ист. наук *Н.А. Томилов* (Омск), доктор *Е.Б. Сыдыков* (г. Астана, Республика Казахстан), д-р ист. наук *М.В. Шиловский* (Новосибирск), д-р ист. наук *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *В.А. Ильиных*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреенков*

Канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, д-р ист. наук *С.А. Красильников*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *В.Е. Ларичев*, д-р ист. наук *С.Н. Лютов*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *А.Л. Посадсков*, канд. ист. наук *В.М. Рынков* (зам. гл. редактора), канд. ист. наук *О.Н. Шелегина*

А д р е с р е д а к ц и и: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301, тел. 330–24–31.
<http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редактор *В. И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *И.П. Гемуева*

Подписано к печати 12.12.13. Формат 60×84 1/8. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 14,0. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500 экз. Заказ № 313.

Издательство СО РАН, 630090 Новосибирск, Морской проспект, 2

Russian Academy of Sciences Siberian Branch HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA

N 4, 2013

CONTENTS

PROBLEMS OF AGRARIAN DEVELOPMENT OF RUSSIA

Yesikova M.M. Peasant Farms' Agriculture in Russia in the Late XIX – Early XX Centuries: Factors and Evolutionary Dynamics	5
Rynkov V.M. Abundance of Refined Intellectuals: Administrative Authorities in Agriculture of Siberia (June 14, 1918 – January 5, 1920)	8
Salamatova M.S. Electoral Behavior of the Peasantry in the 1920s	12
Stasyukevich S.M. Food Policy of the Soviet State in the Far East in 1922–1928	17
Yesikov S.A. Collectivization of Agriculture as an Instrument of Modernization	21
Ilyinykh V.A. Collectivization of the Village: Projects and Realities	27
Kondrashin V.V. Soviet Grain Procurement Policy during the First 5-Year Plan and Its Results	34
Laperdin V.B. Consequences of Famine in the Omsk Region in 1946–1947	38
Andreenkov S.N. Reasons and Alternatives for Reorganization of the Machine and Tractor Stations in 1958	42
Gorbachev O.V. Transformation of the Rural Family in the Central Non-Black Soil Zone in 1940s–1980s	46

RUSSIAN HISTORY

Lurye B.D., Pishchik I.I., Koroleva Ye.V. On the Expert Evaluation of the Monument of Peasant Architecture in the Village of Verkh-Uymon	52
Zhuravel O.D. The Prefaces in Old-Believers' Manuscript Tradition	57
Khudjakov, Yu. S. Participation of Tartar Warriors in the Russian Troops in Military Operations in Western Siberia in the Late XVI and Early XVII century	63
Nikanorov I.N. Resolution of the Legendary Old-Believers Assembly and the Corpus of "Paternal Testaments"	67
Troyev P.S. Escape of the Narodnik Exiles from Yakutia in the Last Quarter of the XIX Century	71
Shishkin V.I. "The State is in Extremely Critical Situation, That is Why Creation of Its Combat Power is of Utmost Importance..."	75
Petrov S.G. Renovationist Church Schism in Siberia	79
Kupershtokh N.A. Academician A.V. Nikolaev – Organizer of Scientific Research in Inorganic Chemistry in the Siberian Branch of Academy of Sciences of the USSR	82
Savitskiy I.M. Impact of the Semipalatinsk Nuclear Tests on the Natural Environment and Population in Western Siberia during the "Cold War"	87

REPORTS, SCIENTIFIC LIFE

Ignatkin P. S. The Socionym «Inozemtsy» with Regard to the Siberian Natives in the Office Work of the Moscow State (Second Half of the XVI – Early XVII Centuries)	92
Korobeynikova N.S. Exnuptial Birth Rate in West-Siberian Cities in the Final Stage of the Great Patriotic War (1944–1945)	95
Markov Y.A. Living Standards of the Novosibirsk Region Population in the Early Stage of the Radical Economic Reforms	99
Isupov V.A. International Seminar "Demographic Processes in Asia: History, Modern Times, Future Hypotheses" (Novosibirsk, August 31 – September 3)	102
Romanov R.Ye. III All-Russian Young Scholars' Conference with Elements of Scientific School "Topical Problems of Historical Studies: The Viewpoint of Young Scholars" (Novosibirsk, August 31 – September 3, 2013)	104
Volosov Ye.N. A long awaited book. Rec. ad op.: A.A. Dolgolyuk "Siberian builders in 1946–1970". Novosibirsk: Parallel, 2013. 476 p.: ill. (A.A. Dolgolyuk. Sibirskiye stroiteli v 1946–1970. Novosibirsk, 2013. 476 s.: ill.)	107
In Memoriam of Nikolay Nikolaevich Pokrovskiy (June 20, 1930 – October 13, 2013).	108
Summary	111

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC MAGAZINE
“GUMANITARNIYE NAUKI V SIBIRI”**

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

**Founders: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseev* (Ekaterinburg), Corresponding member of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Doctor *Ch. Dashdavaa* (Ulan Bator, Mongolia), Doctor of historical sciences, Professor *N.I. Drozdov* (Krasnoyarsk), Doctor of historical sciences, Professor *V.P. Zinovyev* (Tomsk), Doctor of historical sciences *V.A. Ilyinyh* (Novosibirsk), Doctor of historical sciences, Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor of historical sciences, Professor *Yu.F. Kuryushin* (Barnaul), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Academician of the RAS *N.N. Pokrovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor, Professor *E.B. Sydykov* (Astana, Kazakhstan Republic), Doctor of historical sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical sciences, Professor *V.I. Shishkin*, doctor of historical sciences *A.H. Elert* (Novosibirsk).

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical sciences *V.A. Ilyinyh*
Executive secretary – Candidate of historical sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical sciences *D.A. Ananyev*, Candidate of historical science *S.N. Andreekov*, Doctor of historical sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical sciences, Professor *V.I. Isaev*, Doctor of historical sciences, Professor *V.A. Isupov*, Doctor of historical sciences, Professor *S.A. Krasilnikov*, Doctor of historical sciences *L.V. Kuras*, Doctor of historical sciences *V.E. Larichev*, Doctor of historical sciences *S.N. Lyutov*, Doctor of historical sciences, Professor *N.P. Mathanova*, Doctor of historical sciences *S.P. Nesterov*, Doctor of historical sciences *A.L. Posadskov*, candidate of historical sciences *V.M. Rynkov* (deputy chief editor).

Editorial address: 630090 Novosibirsk, Ul.Nikolaeva, 8
Institute of History, SBRAS, room no. 301, tel. 8-383-330-24-31
<http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Editorial staff manager: Smirnova, Vera Ivanovna

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of Russian Federation on June 17, 1993, № 0110807

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
630090, Novosibirsk, Morskoy Pr., 2

ПРОБЛЕМЫ АГРАРНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

УДК 338.43(47+57)(091)

М.М. ЕСИКОВА

АГРАРНАЯ КУЛЬТУРА КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.: ФАКТОРЫ И ДИНАМИКА ЭВОЛЮЦИИ

д-р ист. наук,
Тамбовский государственный
технический университет
e-mail: milana.61@mail.ru

Анализируются факторы и динамика агрикультуры в крестьянских хозяйствах России в конце XIX – начале XX в. Установлено, что главными сдерживающими факторами повышения эффективности сельхозпроизводства являлись уравнильные установки общинного крестьянства, базирующиеся на принципах моральной экономики, а также крестьянская бедность. Повышению аграрной культуры способствовали деятельность земской агрономической службы и наращивание технической оснащенности производства. В итоге в начале XX в. произошло увеличение урожайности крестьянских полей, а деревня вплотную подошла к введению многопольных севооборотов.

Ключевые слова: крестьянство, моральная экономика, сельское хозяйство, агротехника, урожайность, агрономическое обслуживание.

Основным противоречием российской деревни в конце XIX – начале XX в. оставалось противоречие между уравнительными установками общинного крестьянства, базирующегося на принципах моральной экономики и этики выживания, и новациями, связанными с реализацией механизма частной собственности и хозяйственной свободы. Пути разрешения этого противоречия представители двух ведущих российских аграрных школ – организационно-производственной и либеральной – видели по-разному. Первые – в развитии кооперации как массового и наиболее приемлемого для общинного крестьянства механизма, вторые – в создании и развитии фермерства как импульса для хозяйственного роста и повышения интенсивности труда. Но все они сходились в понимании роли личности крестьянина как творческого начала, полагая, что решающее слово должно принадлежать воле хозяйствующего субъекта, убеждению, а не принуждению, что пользу принесет только внешнее воздействие в русле существующего хозяйственного движения.

Важно подчеркнуть, что особенности природно-климатических условий не могли не формировать у российского крестьянства весьма противоречивых психологических установок. Кратковременность рабочего сезона основных видов сельскохозяйственных работ, требовавшая тяжелой и одновременно быстрой

физической нагрузки, вырабатывала трудолюбие и быстроту в работе, способность всемерно напрягать физические и моральные усилия в наиболее ответственные периоды. Крестьяне интенсивно работали только во время посева, покоса и жатвы. В остальное время интенсивность и продолжительность их труда была гораздо ниже. При этом жатва считалась исключительно женским делом, а молотья – мужским.

Однако мера трудовых затрат и величина урожая хлебов очень часто не соотносились между собой, что не способствовало выработке тщательности и пунктуальности, а наоборот, вело к низкой дисциплине труда, к нарушениям агрономических требований (т. е. технологической дисциплины), что, в свою очередь, приводило не только к недобору и снижению качества урожая, но и к ухудшению свойств почвы, к ее очевидной деградации.

В своей массе крестьянство не было готово к наиболее эффективному ведению хозяйства, которое носило преимущественно потребительский характер (как метко заметил Б.Н. Митронов, крестьянин был уверен, что время – не деньги, время – праздник [1, с. 317]). Поэтому они были плохими предпринимателями, боялись нововведений и особенно риска, предпочитая традиционные методы ведения хозяйства. Это не означает, что крестьяне были неразвиты и ленивы. Смысл

своей жизни они видели не в накоплении богатства, а в спокойной и праведной жизни. Сказывались здесь и низкий уровень образования, и господствовавшие религиозно-моральные установки.

Одной из основных причин несоблюдения вполне очевидных агротехнических требований крестьянами являлась их бедность. Так, они хорошо осознавали необходимость периодической смены, обновления семян, но из-за отсутствия средств им приходилось отказываться от этого.

Нежелание крестьян использовать нововведения для повышения эффективности хозяйства можно также объяснить их боязнью за свое будущее, нежеланием рисковать. Крестьянская культура сохраняла старые обычаи не в силу своей косности, а в силу инстинкта самосохранения. Новые начинания были чреваты риском разрушения веками проверенной системы производства и быта. Каждый недород отбрасывал весьма шаткое благосостояние крестьянской семьи на несколько лет, а иногда и навсегда. Труд был и смыслом жизни, и проклятием крестьян. Известно немало случаев, когда крестьяне очень внимательно и заинтересованно выслушивали советы агрономов, но ничего не предпринимали для практического применения этих рекомендаций. Но если они видели конкретные результаты применения этих новшеств, то охотно применяли их на своих полях. Если же сельский сход принимал решение о внедрении какого-то нововведения, то крестьяне активно включались в такую работу.

Повышение уровня аграрной культуры, степень воздействия агрономической службы на культуру земледелия в первую очередь наиболее интегрированно проявлялись в урожайности крестьянских полей. Общеизвестно, что радикальных изменений здесь как будто не произошло, поскольку не произошло еще необходимого для этого повсеместного перехода крестьян к многопольным севооборотам, что позволило

бы им обеспечить по меньшей мере удвоение продуктивности своих угодий.

Необходимо также учитывать, что требовалось время для возникновения и развития практической агрономии. Опыт западноевропейских стран подтверждал неизбежность переходного периода к промышленным системам полевого хозяйства; там он занял приблизительно 40–50 лет, а в России – около 40 лет (начавшись в 1880-е гг. с возникновения первых агрономических организаций и вынужденно завершившись в 1914 г.).

Используя такой источник, как урожайная статистика на наделных землях только лишь за четверть века (1888–1913 гг.), можно говорить о наличии во многих губерниях реальных предпосылок для качественного скачка в развитии растениеводства, основанном на многообразии и соответствующем чередовании в севообороте сельскохозяйственных культур. Статистика урожаев за последующие годы уже не может дать объективной картины вследствие того, что именно в период уборки 1914 г. началась всеобщая мобилизация мужского населения в армию. Итоги сельскохозяйственной переписи 1916 г. также нельзя использовать, поскольку полевые работы выполнялись при огромной убыли мужского населения, и многие агрономы также находились в действующей армии.

Статистика урожаев по 47 губерниям Европейской России в начале XX в. выглядела следующим образом (см. таблицу).

Из таблицы видно, что накануне войны Россия находилась на подъеме. При этом надо учитывать, что 1901, 1906 и 1911 гг. были неурожайными для большинства хлебов и, наоборот, 1902, 1904, 1909, 1910, 1912 и 1913 гг. – урожайными, остальные же – годами средней урожайности. Кроме того, таких результатов удалось достичь при фактическом сохранении традиционной системы землепользования.

Валовые сборы за эти же годы по пятилетиям изменялись следующим образом: в 1901–1905 гг. –

Урожайность основных сельскохозяйственных культур в России в начале XX в., пуд. / дес.*

Год	Рожь	Пшеница	Просо	Овес	Ячмень
1901	43,0	34,0	34,7	32,9	37,2
1902	51,4	48,6	62,2	51,9	54,2
1903	50,6	46,4	38,1	41,2	54,0
1904	57,2	51,0	28,5	64,4	51,9
1905	40,4	42,0	33,4	47,7	48,4
1906	34,5	31,3	34,9	33,2	48,9
1907	44,0	33,3	41,9	45,5	48,4
1908	44,4	37,5	34,0	47,2	48,6
1909	51,1	55,4	49,9	61,1	62,6
1910	49,6	47,5	55,6	53,8	57,7
1911	40,7	29,4	36,1	42,6	49,8
1912	58,3	42,5	57,8	55,4	55,3
1913	55,2	58,2	55,0	62,3	63,8

* Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 90.

5 461 233,8 тыс. пуд., в 1906–1910 гг. – 5 895 625,6 тыс., в 1909–1913 гг. – 6 779 270,9 тыс. пуд. В отношении к среднему валовому сбору за 1909–1913 гг. цифры будут следующими: 1901–1905 гг. – 80,5 %, 1906–1910 гг. – 87,0, 1909–1913 гг. – 100,0 % [2, с. 91–92].

Как видим, валовые сборы постоянно увеличивались. Причем, происходило это не за счет роста площади посевов, а благодаря повышению урожайности. По данным Н.Д. Кондратьева, накануне войны на долю крестьянских хозяйств приходилось 85–90 % общих посевных площадей в России. Изучая баланс производства и потребления хлебов и картофеля, он же установил, что избытки в предвоенные годы составили 656 022 тыс. пуд. хлебов и 20 281 тыс. пуд. картофеля. Наибольшая доля этого избытка приходилась на кормовые и продовольственные хлеба. При этом необходимо иметь в виду, что нормы потребления хлебов на душу населения в России были одними из самых низких в Европе.

Анализ урожайной статистики свидетельствует, что деревня, особенно земская, вплотную подошла к введению многопольных севооборотов, так как крестьянами были апробированы нужные для этой цели сельскохозяйственные растения. Причем рожь как менее ценная культура постепенно отходила на второй план, а на смену ей вводились сорта пшеницы. Значительно улучшилось соотношение пропорций сельскохозяйственных культур. Расширились посевы овса, ячменя, гречихи, бобовых и, что особенно важно, картофеля как главной пропашной культуры, без которой практически невозможен полноценная плодозамена в полевом хозяйстве. В подавляющем большинстве губерний урожайность картофеля увеличилась до 300–400 пуд. с десятины. В Нечерноземье, наконец, удалось преодолеть хищническое истощение почвы из-за господства там вплоть до начала XX в. льняной культуры. Причем урожайность последней в связи с этим также заметно повысилась. Устанавливая правильное чередование зерновых, гречихи, бобовых, картофеля и льна, крестьяне в большинстве губерний добились относительного повышения их урожайности и почти приблизились по этому показателю к помещичьим хозяйствам.

В 1909–1913 гг. прослеживается зависимость повышения урожайности яровых на крестьянских полях с увеличением агрономического персонала. Причем наиболее отчетливо она заметна в полярных группах земских губерний, располагавших разным контингентом агрономических работников. С одной стороны, это Вятская, Екатеринославская, Курская, Пермская, Полтавская, Самарская, Харьковская и другие губернии, а с другой – Калужская, Орловская, Пензенская, Таврическая, Тамбовская и Тульская губернии. Примечательно, что в последнюю группу вошли основные черноземные губернии, однако это не помогло им компенсировать слабое развитие в них земских агрономических организаций, в основном из-за засилья в управах и среди гласных представителей поместного дворянства, наиболее консервативно настроенных по

отношению к переменам в крестьянском земледелии. И, наоборот, земские губернии малоплодородного Нечерноземья сыграли более заметную роль в повышении крестьянских урожаев в силу того, что гласные и служащие в них последовательно придерживались основного земского принципа – оказывать помощь всему сельскому населению, а не только его состоятельным слоям.

Вместе с тем на крестьянских полях с озимыми культурами итоги деятельности агрономов сказывались значительно меньше. Урожайность озимой пшеницы и даже ржи у крестьян имела даже тенденцию к отставанию от сбора в помещичьих хозяйствах. И это, как нам представляется, являлось прямым следствием затянувшегося процесса перехода от трехполья к многополью. Как правило, крестьяне плохо подготавливали паровые поля к посевам озимых вследствие нехватки у них лугов и естественных пастбищ. Вынужденные из-за недостатка кормов до последнего момента использовать отдыхавшее поле как своего рода залежь, они часто не имели агрономически правильного черного или чистого пара и в плохо подготовленную почву закладывали семена озимых культур, дававших по этой причине весьма низкие урожаи. Однако это обстоятельство выглядело уже временным, вследствие все более увеличивавшейся агрономической помощи. Переход крестьян к многополью уже в ближайшей перспективе должен был решить и проблему озимых.

Существенные изменения произошли и в области технической оснащенности сельскохозяйственного производства. Крестьяне в составе товариществ и индивидуально приобретали усовершенствованные сельскохозяйственные орудия, а порой и машины. Так, использование сельскохозяйственных машин с начала 1870-х гг. и до 1896 г. увеличилось более чем в 6,5 раза, а к 1912 г. – в 57 раз [3, с. 79]. В целом уровень технической оснащенности российского сельского хозяйства оставался низким, но тенденция к его повышению уже явно просматривалась.

Таким образом, следует в целом высоко оценить значимость мероприятий, проводившихся правительством и общественностью в деле повышения уровня аграрной культуры. За короткий период времени был совершен значительный скачок в увеличении урожайности и валовых сборов зерна. Это означало, что медленно, но неуклонно стали рушиться веками складывавшиеся стереотипы и создаваться условия для формирования самостоятельных хозяйств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мионов Б.Н. Социальная история России. СПб. 1999. Т. 2.
2. Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991.
3. Безгин В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX вв.). М.; Тамбов, 2004.

Статья поступила
в редакцию 15.07.2013.

УДК 94(47).084.3

В.М. РЫНКОВ

**ОБИЛИЕ РАФИНИРОВАННЫХ ИНТЕЛЛИГЕНТОВ:
ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ СЕЛЬСКИМ ХОЗЯЙСТВОМ СИБИРИ
(14 июня 1918 г. – 5 января 1920 г.)***

канд. ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: vadsvet@list.ru

В статье на основе анализа законодательства и архивных документов рассмотрены история становления и взаимодействия центральных и местных органов управления сельским хозяйством в Сибири летом 1918–1919 гг. Основное внимание уделено анализу структуры Министерства земледелия Российского правительства и его кадрового состава. Автор показал несовпадение позиций руководителей министерства и земств, которые в значительной степени определяли проведение аграрной политики на местах, обосновал вывод о чрезвычайной раздутости центральных учреждений и недостаточной связи работы министерства с текущими практическими задачами, стоявшими перед ним.

Ключевые слова: аграрный вопрос, органы государственной власти, Гражданская война, Сибирь.

Долгое время Россия оставалась государством с аграрной экономикой. В Сибири с ее огромными пространствами земля являлась основным богатством и главным ресурсом, и многое зависело от того, как организовано государственное управление земельным фондом. Несмотря на то, что земельные органы в азиатской части Российской империи имели свои особенности, они были включены в общероссийскую ведомственную систему.

В период Гражданской войны восточные регионы России оказались оторваны от центра страны. Это привело к созданию обособленной системы органов государственной власти. В короткий промежуток времени аграрная политика всего государства вырабатывалась в Сибири, хотя существовавшие здесь правительства контролировали только восточные регионы.

В ходе политической борьбы ведомство, ответственное за проведение аграрной политики, побывало в структуре разных государственных образований. 14 июня 1918 г. отдел земледелия появился в составе Западно-Сибирского комиссариата, а 1 июля 1918 г. он был преобразован в Министерство земледелия и колонизации Временного Сибирского правительства. 4 ноября 1918 г. его передали в состав Временного все-российского правительства (Директории) с переименованием в Министерство земледелия. 18 ноября 1918 г. в результате государственного переворота Директория была свергнута. К власти пришел Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак, при котором сформирова-

лось Российское правительство. Его власть распространилась на Прикамье, Урал, Сибирь и Дальний Восток. Правительственный аппарат всех вышеперечисленных правительств располагался в Омске – тогдашней столице Сибири, а затем и всего востока России. В ноябре 1919 г. в связи с отступлением Белой армии Министерство земледелия вместе с другими центральными ведомствами было эвакуировано в Иркутск, где прекратило свое существование в начале 1920 г.

Министерство возглавлял Николай Иннокентьевич Петров (1884–1921), коренной сибиряк, служивший в Переселенческом управлении, преподаватель Омского сельскохозяйственного училища, доцент Омского политехнического института. В переселенческом ведомстве до революции служил и товарищ министра – Андрей Михайлович Ярмош (1876–?), занимавший перед революцией должность заведующего Управлением земледелием и землеустройством Забайкальской области. Другим товарищем министра с 4 ноября 1918 г. был назначен Василий Васильевич Барышевцев (1855–1936) – один из выдающихся организаторов лесного хозяйства в Сибири с двадцатилетним стажем, в прошлом начальник Управления земледелия и государственных имуществ Акмолинской и Семипалатинской областей.

Вопреки своему названию, сохранившемуся по традиции с царских времен, министерство отвечало за все отрасли сельского хозяйства и аграрной экономики. Внутренняя структура отдела земледелия с его превращением в министерство стала быстро ветвиться. Первоначально оно состояло из канцелярии и четырех департаментов: колонизационного, земельного, зем-

*Подготовлено при поддержке РГНФ (проект № 03-01-00100а).

леделия и лесного. Но уже осенью 1918 г. проявилось стремление восстановить дореволюционные бюрократические очертания. В 1919 г. в его состав входили Переселенческое управление, Управление государственным земельным фондом, Управление межевой частью, Земельный департамент, Главное управление государственного коннозаводства, Лесной департамент с корпусом лесничих, Департамент земледелия, отделы рыболовства и охоты, земельных улучшений, сельского строительства, кустарной промышленности, животноводства, сельскохозяйственной экономики и политики, по управлением национальными сельскохозяйственными предприятиями бывшего удельного ведомства, научно-совещательные органы: Земельный совет, лесной специальный комитет¹. Каждое подразделение министерства обладало сложной внутренней структурой и разветвленной сетью местных учреждений, которые возобновили свою деятельность, превращенную установлением советской власти.

Одним из наиболее влиятельных и крупных являлся отдел колонизации министерства, который с июня по декабрь 1918 г. возглавлял А.М. Ярмош, затем – Николай Константинович Федосеев. Преобразование в феврале 1919 г. отдела в Переселенческое управление обозначало восстановление досоветских названия и статуса. В подчинении центрального ведомства находились управления переселенческих районов. Основная задача ведомства сводилась к завершению устройства переселенцев, уже закрепленных за определенными участками, и учету свободных долей колонизационного фонда. В дальнейшем предполагалось прекратить переселение и пустить подготовленные участки для землеустройства местного населения. Причем порядок распределения земель должно было определять земство, в распоряжение которого и следовало передать готовую часть колонизационного фонда. Работы в этом направлении продвигались на местах очень медленно. Основные усилия ведомства были направлены на решение других задач.

Еще в годы Первой мировой войны учреждения, предназначенные для перевозки переселенцев, были приспособлены для транспортировки беженцев и эвакуированных. Теперь создание пунктов приемки и размещения беженцев, обеспечение эвакуации гражданского населения стало главными задачами Переселенческого управления. Попытки разместить прибывающих на землях колонизационного фонда на условиях годичной аренды земель оказались малорезультативными. Зато с весны 1918 г. широкое распространение получил захват колонизационных участков местным сибирским населением. Участвовали в этом не только старожилы, но и переселенцы, многих из которых не устраивали недавно выделенные участки. Недовольство имело под собой объективную почву. Переселенческие земли в таежной полосе оказались не приспособлены для ведения земледельческого хозяйства.

¹ Собрание узаконений Российского правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. 1919. № 2. Ст. 22.

Перестав получать помощь от государства, переселенцы с трудом выживали в суровых условиях. Началась массовая внутрисибирская миграция, отток населения в южносибирские районы. В связи с этим перед управлением встала задача – произвести переучет свободного колонизационного фонда, выявив при этом конкретные участки, подвергшиеся захвату, причины захватов, по возможности легализовав положение самовольно вселившихся на переселенческие участки². В конце 1918 г. руководство отдела констатировало, что Сибирь не готова к приему больших партий новых переселенцев, так как новых свободных и подготовленных участков практически нет³.

Летом-осенью 1918 г. в Сибири происходила серьезная реорганизация структуры земельных органов. В соответствии с постановлением Временного Сибирского правительства от 25 июля 1918 г. вместо земельных комитетов при уездных и губернских земствах создавались земельные советы (в законодательстве использовался термин «по земельным делам советы»)⁴ [1, с. 95–100; 2, с. 193–197]. Они представляли собой коллегию представителей заинтересованных ведомств. В качестве их исполнительного учреждения в составе земских управ формировались земельные отделы. Объединение мероприятий по подготовке земельной реформы в масштабах Сибири возлагалось на Земельный совет и земельный отдел Министерства земледелия и колонизации. После колчаковского государственного переворота этот порядок подготовки реформы распространился и на губернии Урала и Дальнего Востока. Земельный отдел министерства с конца августа 1918 г. возглавил известный сибирский областник, бывший начальник Енисейского губернского управления земледелия и государственных имуществ, Николай Николаевич Козьмин⁵. Был ли организован Земельный совет Министерства земледелия, установить трудно. По крайней мере, ни документальных данных, ни упоминаний в прессе о работе этого подразделения историками не выявлено.

Управлению государственным земельным фондом, возглавляемому Николаем Константиновичем Князевым, на местах подчинялись губернские управления земледелия и государственных имуществ и губернские управления государственным земельным фондом. В их задачи входило определить свободные от аренды казенные оброчные статьи и передать их земствам для распределения среди населения. Министерство нацеливало на максимальную передачу сельскохозяйственных угодий в пользование населению, исключая, однако, их безвозмездную раздачу. Захваты уже арендованных земель должны были пресекаться. Советы возвращали лишь земли, активно эксплуатиро-

² Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 171. Оп. 4. Д. 81. Л. 195.

³ Известия Министерства земледелия. 1919. № 1. С. 8.

⁴ Сибирский вестник (Омск). 1918. 17, 18 авг.

⁵ Эта сторона деятельности известного сибирского историка и этнографа до сих пор не получила должного освещения, хотя его биографии посвящены несколько статей [3; 4]

вавшиеся прежними арендаторами, а остальные уголья в случае их незаконного захвата старались оформить в качестве новой аренды.

Отдел земледелия возглавил Иван Иванович Авчинников (1872–?), в прошлом депутат IV Государственной думы, известный как специалист по земельному вопросу от фракции русских националистов и умеренно правых политиков. С 1916 г. он занимал должность начальника управления земледелия и государственных имуществ. Под его руководством к концу 1918 г. это подразделение развернулось в департамент, включавший отделы растениеводства, животноводства, рыболовства и охоты, сельскохозяйственной экономики и политики, статистики, кустарной промышленности, земельных улучшений (или мелиорации), сельского строительства, Особый отдел по управлению национализированными сельскохозяйственными предприятиями бывшего удельного ведомства, Сельскохозяйственный совет, сельскохозяйственный ученый комитет⁶. На местах подразделениями отдела являлись управления земледелия и государственных имуществ, правительственные агрономы и специалисты по животноводству. В качестве обособленных земельных учреждений регионального уровня выступали Алтайский и Нерчинский земельно-лесной округа (бывшие кабинетские земли). 24 октября 1918 г. Административный совет Временного Сибирского правительства постановил все межевые учреждения, находившиеся в составе Министерства юстиции, передать Министерству земледелия и колонизации⁷.

Лесной отдел, преобразованный в феврале 1919 г. в департамент, с конца августа 1918 г. возглавил В.В. Барышевцев (1862–1936), а с октября – известный земский деятель и ученый-лесовод, тобольчанин Никита Иванович Грибанов (1870–1945), в прошлом начальник управления земледелия и государственных имуществ Тобольской губернии, а в будущем – один из ректоров Омского института сельского хозяйства и лесоводства (1925–1928). Под их руководством отдел быстро разросся и в марте 1919 г. был преобразован в департамент, в свою очередь имевший в своем составе 10 отделений. На местах лесничие подчинялись областным и губернским управлениям земледелия и государственных имуществ.

Не имея возможности осуществлять полноценную охрану леса в связи с сильно увеличившимися самовольными порубками, руководство департамента еще в сентябре 1918 г. инициировало создание в Западной Сибири вооруженных летучих отрядов лесной стражи⁸. Решение об этом Совет министров Российской империи принял только 11 марта 1919 г.⁹, хотя лес продолжал варварски уничтожаться населением¹⁰.

⁶ Известия Министерства земледелия. 1919. № 1. С. 10.

⁷ Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1919. № 21. Ст. 181.

⁸ ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 51. Д. 1187. Л. 5–5об.

⁹ Правительственный вестник (Омск). 1919. 1 мая.

¹⁰ См.: Известия Министерства земледелия. 1919. № 5/6. С. 23; № 7/8. С. 32–34.

Администрация лесничеств, возобновившая взимание штрафов за нарушение лесного устава, подвергалась террору со стороны крестьянства. Вместе с тем само министерство было вынуждено сильно отступать от прежних планов и графиков использования леса, так как транспортный кризис и резкое падение добычи угля заставляли разрешать внеочередную рубку в лесах, ближайших от городов, железных дорог и промышленных предприятий. Чтобы снизить социальную напряженность, руководство департамента продолжило курс Временного правительства на смягчение правил пользования лесом, главным образом за счет расширения практики бесплатной и льготной рубки.

Серьезный конфликт возник вокруг Главного управления государственного коннозаводства, которое первоначально находилось в составе Военного министерства. Это оправдывалось тем, что отрасль обеспечивала поставки обозных и кавалерийских лошадей. Но министр земледелия и колонизации настоял на необходимости рассматривать коневодство как одну из отраслей сельского хозяйства, обеспечить восстановление которой способно только его ведомство. Важнейшим аргументом стал тезис о приоритетной для регионального хозяйства задаче по разведению рабочих лошадей, в разрез с которой строится работа военного ведомства¹¹. Решение о передаче конюшен, конских заводов и рассадников в управление вновь создаваемого отдела коннозаводства Департамента земледелия состоялось 7 октября 1918 г.¹² Очевидно, что созданное ведомство не соответствовало по масштабам своей деятельности главному управлению. Ключевым направлением его работы стали бронирование породистых лошадей от поставок в армию и скупка для разведения рабочих пород под эгидой казны.

Отдел охоты и рыболовства возглавил Виталий Чеславович Дорогостайский (1879–1938), известный к тому времени исследователь оз. Байкал [5]. Отдел начал организацию нескольких заповедников в Сибири, но в целом его влияние на рыболовство и охотничье хозяйство Сибири, находившееся в глубочайшем упадке, было минимальным [6].

При министерстве сформировался и действовал Сельскохозяйственный ученый комитет. Его возглавил директор Омского среднего сельскохозяйственного училища, первый ректор Омского сельскохозяйственного института, Петр Игнатьевич Плодовский (1862–1936), считавшийся крупным специалистом в области зоологии и сельскохозяйственной энтомологии. Деятельность большинства членов комитета имела определенную научную специализацию. В частности, развернула работу энтомологическая лаборатория, занятая сбором научных данных о сельскохозяйственных вредителях, особенно саранчовых¹³.

Обилие рафинированных интеллигентов и высокая концентрация научных работников создавали свое-

¹¹ Известия Министерства земледелия. 1919. № 3/4. С. 4.

¹² Сибирский вестник. 1918. 1 нояб.

¹³ ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 1026. Л. 3–3об.

образную атмосферу в министерстве. Периодически созывавшиеся многоярусные совещания при министерстве больше напоминали не деловую встречу практиков-бюрократов, а научный симпозиум. В сентябре 1918 г. при Министерстве земледелия и колонизации была создана Комиссия по подготовке вопросов для Межведомственного совещания об установлении экономических сношений с границей. В ее составе действовало пять подкомиссий. Чиновники, профессора высшей школы и общественные деятели в течение двух недель обсуждали вопросы, далекие от текущих дел министерства¹⁴.

В феврале состоялось совещание заведующих переселенческими районами. Присутствующие сразу обозначили невозможность нормальной работы переселенческих учреждений в условиях войны и посвятили основную часть заседаний обсуждению перспектив обновления переселенческой политики после победы над большевиками¹⁵. Совещание по делам охоты и рыболовства длилось с 24 февраля по 4 марта 1919 г. и свелось в основном к заслушиванию докладов. Съезд заведующих губернским земельными отделами продолжался с 17 февраля по 11 марта 1919 г. и сопровождался в том числе обсуждением докладов по теоретическим вопросам землепользования¹⁶.

С 1 января по 21 октября 1919 г. издавался официальный еженедельный журнал «Известия Министерства земледелия» под редакцией Сергея Ивановича Акерблома. Журнал выпускался с перебоями, иногда сдвоенными и строенными номерами, был доведен до № 25–27. В журнале публиковались циркуляры, инструкции и иные нормативные документы, информационные статьи о работе министерства в целом и его различных подразделений, а также местных органов, аналитические статьи о земельной политике, главным образом, принадлежащие перу служащих министерства. Кстати, содержание журнала свидетельствует, что статистический учет не был поставлен на соответствующий уровень, несмотря на наличие специального отдела. Научно-аналитические материалы журнала отличает широкое обращение к статистике прошлых лет и почти полное отсутствие текущих статистических данных.

Законодательство сибирской контрреволюции предусматривало передачу части полномочий по управлению государственным земельным фондом земским управам. Отчасти это являлось результатом недавнего образования земств. Причем функции по обслуживанию нужд крестьянства, которые в европейской части страны уже давно взяли на себя земства, в Сибири выполняла казна. Это касалось обслуживания медицинских и ветеринарных учреждений, дорог. Временное Сибирское правительство предусмотрело передачу в распоряжение земств всей инфраструктуры

Переселенческого управления, располагавшейся на участках, близких к полному заселению. Кроме того, земские органы получили право устанавливать очередность наделения земель нуждающегося местного населения из оброчных статей и лесных дач. Часть казенных земель, малоценных по оценке министерства, передавалась в распоряжение земства для расширения крестьянского землевладения.

Но все эти нормы оказались сформулированы в законодательстве слишком обобщенно, не были прописаны сроки и механизмы передачи казенных земель земствам. В результате возникла разная интерпретация. Большинство руководящих работников государственных земельных органов восприняли это как предложение начать переучет имущества. Предстояло определить, насколько заполнены населением те или иные переселенческие участки, какова инфраструктура, передаваемая земствам. С позиций государственных чиновников многие участки следовало объявить ценными и не передавать в пользование крестьянству. К тому же у земств не было средств, чтобы принять в свое ведение новые учреждения. Поэтому был утвержден особый порядок, по которому переданные земствам учреждения казны продолжали финансироваться из бюджета до конца 1918 г.

Что касается земельных угодий, переходивших в распоряжения земств, то с этим возникло еще больше сложностей в связи с тем, что многие участки оказались заселены только на бумаге, а фактически оставались полупустыми, среди остальных выявилось много ценных земель, не подлежавших передаче земствам. В результате к началу 1919 г. земли оставались под контролем государственных органов, а к передаче земствам, которая должна была растянуться на многие месяцы, было назначено намного меньше земель, чем предполагалось. Земства выражали недовольство действиями чиновников на местах, квалифицируя их как саботаж правительственных решений.

Осенью 1919 г. происходило стремительное отступление Белой армии. Всякая связь Министерства земледелия с местными органами была полностью утрачена. С конца октября 1919 г. министерство наряду с другими правительственными структурами эвакуировалось в Иркутск. Еще в августе 1919 г. когда встал вопрос о сокращении штатов для приведения структуры и численности правительственного аппарата в соответствие с сократившейся управляемой территорией, в Министерстве земледелия, как наиболее обеспеченном кадрами и имевшем множество вспомогательных подразделений, планировалось провести наиболее масштабные увольнения¹⁷.

Существуют две разные оценки характера деятельности министерства. Многие современники пишут о том, что в нем были сосредоточены наиболее квалифицированные кадры, и оно выполняло свои задачи более четко, чем другие ведомства. По впечатлениям самарского земского деятеля С.П. Руднева, рабо-

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 34. Л. 200–620.

¹⁵ Известия Министерства земледелия. 1919. № 5–6. С. 24–25; ГА РФ. Ф. Р-159. Оп. 6. Д. 21. Л. 1–73.

¹⁶ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-1002. Оп. 1. Д. 274. Л. 1–39.

¹⁷ Русская армия. 1919. 16 сент.

та этого министерства более слажена и организована, отличалась творческим характером, тогда как в других царил рутинизм [7, с. 262–263]. В то же время другие свидетели тех событий вспоминали о непомерно раздутых штатах центральных учреждений, насчитывавших сотни ничего не делавших чиновников. Учреждения Министерства земледелия, как наиболее полно укомплектованные, служили ярким подтверждением тенденции бюрократизации правительственного аппарата. Руководители ведомства не скрывали, что ориентируются на его дореволюционную структуру, да еще смогли расширить ее за счет ряда учреждений, ранее не принадлежавших министерству. Если учесть, что концепция аграрной политики Временного Сибирского и Российского правительства предполагала передачу значительной части дел земствам, то едва ли оправдано было такое расширение государственного аппарата. Более того, в условиях Гражданской войны в работе министерства доминировала научно-исследовательская составляющая деятельности, выразившаяся в периодических докладах, совещаниях, сборе массы материалов, тщательной подготовке перспективных планов, которым не суждено было реализоваться.

Обе эти оценки отражают отличительные черты работы органов управления сельским хозяйством Сибири и сопредельных регионов при антибольшевистских правительствах. В Омске удалось сосредоточить высококвалифицированные кадры, но в деятельности Министерства земледелия очевиден был перекося в сторону проекторства. Большинство подразделений минис-

терства по своему масштабу не соответствовало малочисленным подчиненным учреждениям. В то же самое время на местах служащие испытывали дефицит информации и элементарных внятных вышестоящих указаний о путях решения сложнейшего аграрного вопроса. Поэтому нередко принимавшиеся решения оказывались результатом местных инициатив, в том числе и идущих вразрез с курсом Министерства земледелия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь–ноябрь 1918 года) / сост. Е.В. Луков, С.Ф. Фоминых, Э.И. Черняк. Томск, 1998. Вып. 1.
2. Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.) : сб. док. и материалов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2007.
3. Решетов А.М. Николай Николаевич Козьмин: основные направления научной деятельности // Репрессированные этнографы. М., 1999. Вып. 1. С. 81–100.
4. Кузьмин Ю.В. Н.Н. Козьмин – историк, этнограф, краевед // Иркутское краеведение 20-х гг. Взгляд сквозь годы. Иркутск, 2000. Ч. 2. С. 101–108.
5. Снытко В.А., Зуляев Ю.А. Виталий Чеславович Дорогостайский как практик и исследователь сибирской природы // Вопросы истории естествознания и техники. 2009. № 4. С. 160–173.
6. Рышков В.М. Охотничье хозяйство Сибири в 1914 – начале 1920-х годов // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития : сб. науч. тр. Омск, 2012. С. 182–186.
7. Руднев С.П. При вечерних огнях. Харбин, 1928.

Статья поступила
в редакцию 20.05.2013

УДК 94(47).084.3/084.6

М.С. САЛАМАНОВА

ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА В 1920-е гг.

канд. ист. наук,
Новосибирский государственный университет
экономики и управления
e-mail: salamatova.m@mail.ru

В статье анализируются основные черты электорального поведения крестьянства в Советской России в 1920-е гг. Поведение крестьян на выборах было неоднородным – варьировалось от протеста до активной поддержки. Степень лояльности крестьян по отношению к советской власти на избирательных собраниях обуславливалась множеством факторов, преимущественно хозяйственно-экономического характера. Наибольшие расхождения у власти и крестьян обнаружились по вопросу формирования состава Советов. Крестьяне при выдвижении кандидатов в депутаты исходили из традиционных представлений о социальной справедливости и трудовой этики, большевики – из идеологических установок.

Ключевые слова: крестьянство, аграрный сектор, нэп, избирательные кампании, советская политическая система, электоральное поведение, гражданская ответственность.

Современные проблемы в электоральной сфере России, связанные с высоким уровнем абсентеизма, политического конформизма, а также с низким уровнем

гражданской ответственности значительного числа российских избирателей, во многом обусловлены историческими особенностями функционирования

советской и российской политических систем. Реконструкция поведенческих аспектов в избирательной сфере в 1920-е гг. позволяет не только исследовать особенности механизма советской политической системы в условиях нэпа, но и проанализировать истоки многих современных электоральных проблем.

Несмотря на обширную отечественную историографию, посвященную выборным кампаниям 1920-х гг., электоральное поведение различных слоев населения еще не стало предметом специального исследования. Советская историография, ограниченная марксистской парадигмой, преимущественно рассматривала выборы в рамках деятельности Советов, руководства коммунистической партии Советами, соотношения социальных групп, классов, классовой борьбы в городе и деревне. При изучении классовых противоречий в деревне в 1920-е гг. в ряде исследований фрагментарно освещался вопрос о поведенческих реакциях на выборах бедняцких, кулацких и середняцких групп крестьянства [1; 2; 3; 4].

Современная отечественная историография, акцентируя внимание на вопросах, связанных с дискриминацией отдельных слоев населения на выборах, нарушениями избирательного законодательства в ходе выборных кампаний и региональными особенностями их проведения, также оставляет за рамками изучения такие проблемы, как формирование электоральной культуры советских граждан, поведение различных групп населения на выборах¹ [5; 6]. Вместе с тем, указанные вопросы имеют ключевое значение для понимания сложившихся электоральных традиций в России.

При всей значимости городов и пролетариата для большевиков именно от ситуации в аграрном секторе в 1920-е гг. зависело благополучие города, устойчивость режима, судьба индустриализации. Исход выборов в значительной мере зависел от поведения 80 % сельского населения страны, поэтому итоги выборов в деревне вызвали пристальный интерес руководства большевиков, а их результаты подвергались детальному анализу и обсуждению, нередко вызывая острые дискуссии².

Выборы в деревне в рассматриваемый период характеризовались рядом особенностей. Прямыми они были только в низовые органы власти (сельсоветы), во все остальные – от волостных Советов до Всероссийского съезда – для крестьян они были многостепенными (количество этапов варьировало от двух до четырех в зависимости от уровня съезда Советов). Значимой

особенностью выборов данного периода являлось неравенство представительства жителей города и деревни в советских органах власти. Конституции РСФСР 1918 г. и 1925 г. предусматривали пятикратное преимущество городского населения над сельским для всех уровней съездов Советов³.

В советской избирательной системе 1918 г. были отменены или существенно демократизированы большинство дискриминационных и технических цензов. В результате в деревне получили право голоса женщины и молодые люди, достигшие 18 лет. Наряду с этим сохранялась цензовость права, часть населения отстранялась от участия в выборах по различным основаниям. Часть зажиточного крестьянства лишалась избирательных прав в силу применения трудового ценза (использование наемного труда, торговля, нетрудовые доходы и т. д.).

К числу особенностей советской избирательной системы также можно отнести открытый характер голосования на избирательных собраниях и короткий срок полномочий депутатов сельсоветов. Так, статья 57 Конституции 1918 г. ограничивала срок полномочий депутатов низовых Советов тремя месяцами, однако данная норма никогда не реализовывалась на практике. В реальности в 1920-е гг. выборы депутатов в сельсоветы проводились раз в год или раз в два года.

Первые избирательные кампании 1920-х гг. в сельской местности характеризовались отсутствием какой-либо унификации избирательного процесса. Избирательные процедуры существенно различались в разных регионах страны. Это касалось норм представительства на выборах, работы избирательных комиссий, определения круга лиц, лишенных избирательных прав, проведения выборных собраний, процедуры голосования и т. д. [7, с. 33]. Выборы начала 1920-х гг. отличались высокой степенью формализма, использованием административного давления на избирателей, диктатом правящей партии. Для власти приоритетной задачей на выборах было избрание лояльных составов Советов. Д.М. Корчагин отмечает, что «к 1924 г. избирательный процесс для властей превратился в упражнение в политической статистике, став максимально формализованным и бюрократизированным»⁴.

Крестьянство на формальное отношение реагировало слабым интересом к выборам и низкой явкой на избирательные собрания. Явка населения на выборы в сельсоветы в 1922 г. составляла 22,3 %, в 1923 г. – 37,2, в 1924 г. – 32,4 % (данные по 40 губерниям, в которых проводились выборы до отмены их результатов) [8, с. 11]. Впрочем, причинами высокого абсентеизма населения в первой половине 1920-х гг. являлись не только самоустранение граждан от голосования и пассивный протест, но и целый комплекс организационно-технических и социальных причин [9, с. 217–220].

Отмена результатов выборов 1924 г. стала итогом анализа ситуации в деревне, предпринятого массово-

¹ Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2003; Морозова Н.М. Лишение избирательных прав на территории Мордовии 1918–1936 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2005; Корчагин Д.М. Советские избирательные кампании 1920-х гг. (на материалах Кубано-Причерноморья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003; Тотюник М.В. Региональный избирательный процесс и формирование системы местных Советов РСФСР в 1920–1924 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Славянск-на-Кубани, 2009.

² ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 106. Д. 239. Л. 2–237.

³ СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582; 1925. № 30. Ст. 218.

⁴ Корчагин Д.М. Указ. соч. С. 17.

го обследования этих выборов [10, с. 14]. Массовый абсентеизм и протесты крестьян на выборах у части большевистского руководства вызвали опасения за устойчивость режима.

В письмах, поступивших от крестьян в ходе выборной кампании 1924 г. во ВЦИК, содержались жалобы на оказываемое давление, формализацию избирательного процесса, многочисленные нарушения избирательных процедур, пренебрежительное отношение к мнению избирателей или представителям крестьянского сообщества. Крестьяне сообщали, что они не желали выступать в роли статистов, одобряющих заранее утвержденный партией список⁵. Вполне типичной являлась жалоба на нарушения проведения выборов в Мальчевский райисполком Донецкого округа Северо-Кавказского края. Рассмотрение жалобы показало, что при выдвижении кандидатов в члены и председатели райисполкома мнение участников райсъезда не учитывалось, кандидатуры были заранее утверждены окружным комитетом РКП(б). Председатель избирательной комиссии в ответ на предложение некоторых делегатов съезда выдвинуть кандидатов в члены райисполкома самому съезду заявил, что делегаты съезда «меньше знают, кого следует из лучших наметить», и предложил принять список комфракции⁶.

Электоральное поведение крестьянства в ходе первых избирательных кампаний было крайне неоднородным. С одной стороны, в ряде регионов, в том числе в Сибири, исследователи отмечали высокий уровень протестных настроений, слабую поддержку советской власти, нежелание участвовать в выборах [11, с. 47, 153]. Протестные настроения преимущественно носили пассивный характер и выражались в форме абсентеизма на выборах и игнорировании требований власти.

Другие источники фиксируют относительно лояльное поведение крестьян на выборах, которое сами крестьяне объясняли общим доверием к победившей советской власти и надеждами на лучшую жизнь с новой властью. В сводках информаторов ВЦИК, различных обследованиях, жалобах крестьян подчеркивается уважение к основателю советского государства, готовность проголосовать за «некудышних кандидатов, чтобы не обидеть советскую власть и Ленина»⁷. Крестьяне жаловались на местных уполномоченных, советских и партийных работников, которые «извращали решения партии», при этом не выступая против власти, считая ее «своей», народной⁸. Данная линия поведения крестьян вполне вписывается в традиционное крестьянское восприятие власти: позитивное – центральной и критическое – местной власти (что неоднократно отмечалось исследователями⁹).

⁵ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 103. Д. 83. Л. 56–94; Д. 86. Л. 27–84.

⁶ Там же. Л. 74.

⁷ Там же. Оп. 105. Д. 79. Л. 17.

⁸ Там же. Д. 212. Л. 87–94.

⁹ Мальцева С.И. Социально-политические преобразования советской власти в западносибирской деревне: отношение к ним крестьянства (1923–1929 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002.

В целом поведение крестьян на выборах в начале 1920-х гг. значительно варьировало по регионам; крестьянство в тех районах, где оно значительно пострадало от Гражданской войны и ничего не приобрело от прихода к власти большевиков, оказывало им минимальную поддержку на выборах. Лояльность поведения на выборах зависела и от степени состоятельности хозяйства крестьян. Зажиточные, а зачастую и средние слои были настроены негативно к советской власти, прежде всего из-за огромного налогового бремени, разорения хозяйства, отсутствия реальной помощи. Бедняцкие слои, ощущая поддержку новой власти, демонстрировали большую лояльность и готовность голосовать за кандидатов, утвержденных местными ячейками партии.

Объявленная политика «оживления Советов» внесла существенные коррективы как в избирательный процесс, так и в электоральное поведение сельских жителей. В директивах высших партийных и советских органов содержались требования «вовлечения широких масс беспартийного крестьянства в советскую работу и превращение Советов в органы, действительно представляющие интересы крестьянства» [12, с. 6]. Применительно к избирательным кампаниям это выразилось в расширении круга избирателей, создании организационно-технических условий для активного участия населения на выборах, уменьшении административного давления со стороны местных партийных и советских работников, в обсуждении на отчетных собраниях практических вопросов, интересовавших крестьян.

Ослабление партийно-государственного регулирования выборов привело к заметному увеличению активности населения, к содержательному насыщению избирательных собраний отчетами, наказами, обсуждению кандидатур, предлагаемых в депутаты. Явка крестьян на выборы в сельсоветы в кампанию 1925/26 г. составила 47,3 %¹⁰. В ходе кампании 1925 г. отмечались факты, когда крестьяне забаллотировали утвержденные партийными ячейками списки кандидатов, предлагая обсудить персональный состав сельсовета или выдвигая своих кандидатов в депутаты¹¹. Это существенным образом изменило составы сельских Советов, в них значительно сократился удельный вес коммунистов и бедноты, увеличилась доля представителей середняков¹².

Несмотря на высокую активность, относительную свободу и неформальность поведения крестьянства в избирательную кампанию 1925 г., высокого уровня конфликтности не наблюдалось. Крестьяне критиковали местных представителей власти, обсуждали текущие хозяйственные проблемы, формировали наказы, но призывов к свержению советской власти или фак-

¹⁰ Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг.: стат. сб. М., 1926. Ч. 1: Городские советы, сельские советы, волсездзы, волисполкомы. С. 13.

¹¹ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 103. Д. 82. Л. 47.

¹² Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. С. 26–28.

тов поддержки оппозиционных партий даже от зажиточной части крестьянства не было.

Типичным поведением на избирательных собраниях представителей местных партийных и советских органов власти были растерянность и самоустранение. Они не понимали, как вести себя в изменившейся ситуации, и оказались не готовы к неконтролируемой активности населения на выборах, выдвижению собственных кандидатов и критике действий властей. Запрет на применение привычного им административного давления на участников выборного процесса выявил неумение работать даже в условиях конкуренции с беспартийным кандидатами. Это вызвало серьезную обеспокоенность высшего советского и партийного руководства, высказывались мнения «о захвате Советов нэпманами и кулаками»¹³. Большевики всерьез опасались, что продолжение политики по либерализации режима и демократизации выборов приведет к большим проблемам с удержанием власти, чем массовый абсентизм начала 1920-х гг.¹⁴

Перед следующими избирательными кампаниями советским руководством была поставлена сложно выполнимая задача «управляемой активности» – привлечь максимум населения на выборы, но при этом обеспечить необходимые составы Советов (с увеличением доли бедняков и коммунистов или их преобладанием). Зачастую не понимая, как достичь желаемого результата, местные работники возвращались к сложившейся практике начала 1920-х гг. – использованию административного ресурса. Хрупкий баланс между властью и населением, достигнутый на выборах 1925 г., разрушился уже к кампании 1928/29 гг. Нагнетание «кулацкой угрозы», прессинг на зажиточную часть крестьянства посредством налогообложения и лишения избирательных прав, активизация бедняцких организаций в деревне изменили ситуацию на выборах с относительно спокойной на агрессивно-напряженную. Эти меры существенно повлияли на составы сельских Советов, позволив избрать в них желательных для власти депутатов¹⁵.

На выборах в деревне 1920-х гг. центральным являлся вопрос о несовпадении представлений крестьян и большевиков о составе Советов. Партийные ячейки, руководствуясь центральными директивами партии, включали в списки кандидатов представителей бедняцко-батрацкой части деревни, женщин и комсомольцев.

Крестьяне видели своими представителями в советах мужчин – глав успешных хозяйств, уважаемых крестьянским сообществом, грамотных, способных отстаивать точку зрения крестьянской общины перед властью (чаще всего это были главы крепких середняцких хозяйств). Мнение крестьян о депутатах во многом определялось представлениями о трудовой этике крестьянства. Крестьяне оценивали своих представителей

в первую очередь в зависимости от их трудолюбия и умения вести хозяйство.

Крестьянин Пиножанской волости Халтуринского уезда Вятской губернии Михаил Замотаев, направивший письмо в газету «Беднота» по итогам выборной кампании в 1927 г., выразил широко распространенное мнение крестьян: «партячейки не вполне умело рекомендуют кандидатов в члены сельсовета, иногда рекомендуют неавторитетных, имеющих единственное качество, что они бедняки или батраки»¹⁶.

Навязывание крестьянам в качестве кандидатов в депутаты представителей маргинальных групп в крестьянском сообществе вызывало острое неприятие. Депутат, тем более председатель сельсовета – представитель местной власти, в глазах крестьян не мог быть неуважаемым, неграмотным, ничего не сумевшим добиться человеком (батрак, бедняк, молодежь).

В отношении женщин срабатывали патриархальные традиции; крестьяне полагали, что хозяйством не может руководить женщина, которая в семье занимала подчиненное положение. К тому же большинство женщин были неграмотны и не имели опыта взаимодействия с властью. Инструкторы ВЦИК, обследовавшие выборы в 46 волостях РСФСР, отмечали, что «крестьянки жалуются, что мужчины их высмеивают и выгоняют с собраний»¹⁷. Представители власти, которые должны были отстаивать женские кандидатуры, разделяли взгляды основной массы крестьян на роль женщин в обществе и не всегда могли это скрыть. Например, председатель Чернявского волысполкома Рязанской губернии, предлагая кандидатуру женщины в депутаты сельсовета, сделал оговорку: «Извините, товарищи, что вам придется проголосовать за женщину»¹⁸.

Само участие в выборах рассматривалось как сугубо мужское занятие (выражаемое фразой «не бабьего ума дело»). Недоумение вызывало само наделение женщины статусом депутата. В докладе председателя Центризбиркома Я.В. Полуяна в 1927 г. констатировалось, что «отношение мужчин к выдвижению женщин в депутаты колеблется от снисходительного до открыто враждебного»¹⁹. Несмотря на то, что женщин под давлением представителей власти избирали в Советы, к ним оставалось скептическое отношение в деревне, декоративный характер таких «депутаток» крестьянам был очевиден.

Аналогичную реакцию вызывало и выдвижение в депутаты комсомольцев и молодежи. Негативная реакция на выдвижение молодежи была обусловлена отсутствием у нее жизненного опыта и собственного хозяйства. Кандидатуры комсомольцев старались осмеять и опорочить на выборах, их обвиняли в пьянстве, хулиганстве, что «они ничего еще не сделали», «у них нет своего хозяйства, из всех забот – по девкам бегать»²⁰. Исключением стали молодые успешные хо-

¹³ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 103. Д. 721. Л. 7.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 19. Л. 80–89.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 104. Д. 23. Л. 327.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 105. Д. 148. Л. 156–156 об.

¹⁷ Там же. Оп. 101. Д. 151. Л. 307.

¹⁸ Там же. Л. 308.

¹⁹ Там же. Оп. 103. Д. 82. Л. 50.

²⁰ Там же. Оп. 103. Д. 82. Л. 74.

зяева, бывшие красноармейцы, к их избранию крестьяне относились более благожелательно, говорили, что «они – грамотные, им и новую жизнь обустроить»²¹.

Неприемлемыми кандидатурами в местные органы власти для большей части крестьян являлись и представители беднейших слоев деревни. Большинство крестьян считало бедняков и батраков «лодырями», в крестьянских жалобах высказывались претензии к советской власти, поддерживавшей в первую очередь бедняков и батраков: «Все их заслуги в том, что они пьют, лодырничают, да завидуют, они свое то хозяйство не могут наладить, что ж они будут делать с сельсоветом?»²². Сотрудник орготдела ВЦИК, проверявший проведение избирательной кампании в Центрально-Черноземной области в 1928 г., отмечал массовое сознательное невключение батраков и бедняков в сельизбиркомы и в списки кандидатов в сельсоветы, под различными предлогами: «а у нас нет подходящих батраков» или «они не изъявили желания»²³.

И.С. Кузнецов, исследуя вопрос о взглядах крестьянства на социальные различия, справедливо отмечает распространенность стереотипа «бедняков-лодырей» и убеждения сельских жителей в том, что благосостояние зависит от умения работать на земле [13, с. 56]. Хотя автор считает, что этот стереотип был не всегда оправдан, хозяйства могли разоряться по различным причинам, тем не менее, стремление власти «превратить маргинализированную, наименее культурную часть сельского населения в политического лидера» вызывало неприятие и непонимание у остальной части крестьянства [13, с. 57].

Идеологические установки большевиков представляли бедняков и батраков максимально близкими к пролетариату социальными слоями, естественными союзниками рабочего класса и опорой диктатуры пролетариата в деревне. Властью предпринимались значительные усилия по превращению бедняцко-батрацких слоев в политический авангард. Эти установки вызывали скептическое отношение не только у остальной части крестьянства, но и у работников земельных органов [14, с. 13]. В результате беднейшие слои деревни оказывались в Советах только благодаря административному нажиму представителей власти.

В связи с особенностями проведения избирательных кампаний в 1920-е гг. крестьяне воспринимали выборы как способ не только избрания представителей в органы власти, но и диалога с властью, возможность обсудить волновавшие проблемы. При этом крестьяне рассчитывали на равноправный диалог с советской властью, надеялись на уважительное отношение к их мнению. Изменение политической ситуации в стране в 1925 г. позволило отчасти реализовать эти чаяния. На выборах собраниях крестьяне задавали представителям власти множество вопросов после их отчетного доклада, обменивались мнениями по проблемам внут-

ренней и внешней политики, высказывали пожелания, критические замечания в адрес власти и т. д. Один из сотрудников ВЦИК весьма точно охарактеризовал поведение крестьян на выборах 1925 г.: «отношение крестьянства к советской власти критически-деловое с практическими предложениями. Преимущественно требования о благоустройстве, улучшениях в разных сферах»²⁴.

Наиболее популярными темами обсуждения на выборных собраниях становились вопросы из области хозяйства, землеустройства, торговли и благоустройства²⁵. Второе место по количеству вопросов занимала внутренняя политика государства: крестьян интересовало все – от наличия ресурсов на индустриализацию до внутривластной борьбы²⁶. Далее следовали темы, связанные с международным положением страны. При этом своеобразное преломление находили самые нелепые слухи²⁷.

На выборах собраниях регулярно поднималась тема социальной справедливости – неравноправия между рабочими и крестьянами, реже – служащими и крестьянами. Крестьяне высказывали упреки: «рабочему классу сейчас живется лучше, чем крестьянину, а про крестьян власть мало вспоминает»²⁸, требовали уравнивания политических и экономических прав с пролетариатом, повышения налогов для рабочих и даже снижения зарплаты рабочим. В этом проявлялось как традиционное соперничество города и деревни, так и болезненно воспринимаемые преференции для рабочих, введенные большевиками после революции. Вопросы и требования крестьян на выборах представляли собой причудливое переплетение традиционных крестьянских представлений о справедливости власти с мнениями о новых советских реалиях и практическими соображениями относительно улучшения их хозяйственной жизни и быта.

* * *

Электоральное поведение крестьянства в 1920-е гг. было неоднородным, варьируя от протеста до активной поддержки властей. Поведение крестьян на избирательных собраниях определялось целым комплексом факторов – внутренней политикой государства, ситуацией в конкретном регионе (экономической, социальной, политической), принадлежностью к определенной социальной группе крестьянства и т. д. Протестные настроения носили преимущественно пассивный характер, крестьяне редко шли на открытый конфликт с властью на избирательных собраниях. В начале 1920-х гг. крестьяне, недовольные формализацией выборного процесса, предпочитали игнорировать выборы, демонстрируя высокий уро-

²⁴ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 103. Д. 82. Л. 46.

²⁵ Там же. Д. 721. Л. 31; Оп. 106. Д. 254. Л. 9–9 об.; Д. 527. Л. 42–47; Д. 529. Л. 26–28, 270–278.

²⁶ Там же. Оп. 106. Д. 254. Л. 9 об.; Д. 527. Л. 42; Д. 523. Л. 24–25.

²⁷ Там же. Д. 254. Л. 9 об.; Д. 527. Л. 39–44.

²⁸ Там же. Д. 529. Л. 278; Д. 523. Л. 24–25.

²¹ Там же. Оп. 106. Д. 242. Л. 132.

²² Там же. Д. 253. Л. 18.

²³ Там же. Д. 242. Л. 136.

вень абсентеизма. Лишь в конце 1920-х гг. прямые провокации власти в ряде случаев приводили к конфликтам зажиточной части с беднейшими слоями и представителями власти на выборных собраниях. В целом вопрос о влиянии различных факторов на электоральное поведение крестьянства в 1920-е гг. нуждается в отдельном и углубленном исследовании.

Наибольшие расхождения на выборах у большевиков и крестьянства выявились по вопросу о составе Советов. Несмотря на социальную неоднородность советской деревни 1920-х гг., крестьян объединяли традиционные представления о социальной справедливости, трудовой этике, которыми в значительной мере и определялся выбор депутатов в органы власти. Крестьяне видели своими представителями глав успешных хозяйств, уважаемых крестьянским сообществом. Большевики, ориентируясь на идеологические установки, выдвигали в Советы женщин, молодежь, представителей беднейших слоев деревни и членов правящей партии, что нередко вызывало неприятие в крестьянской среде. Точкой компромисса становилось включение в Советы представителей, как предлагаемых властью, так и крестьянским сообществом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуцин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне. (1920-е – сер. 1930-х гг.). Новосибирск, 1987.
2. Кукушкин Ю.С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1936 гг.). М., 1968.

3. Куперт Ю.В. Руководство Коммунистической партии общественно-политической жизнью западносибирской деревни в условиях социалистической реконструкции (1926–1937 гг.). Томск, 1982.

4. Лепешкин А.И. Советы – власть трудящихся (1917–1936 гг.). М., 1966.

5. Тихонов В.И., Тяжельникова В.С., Юшин И.Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. Новые архивные материалы и методы обработки. М., 1999.

6. Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). Новосибирск, 2004.

7. Владимирский М.Ф. Организация Советской власти на местах. М., 1921.

8. Гурвич С. Выборная кампания в деревне в 1924 г. // Власть Советов. 1925. № 11. С. 10–12.

9. Саламатова М.С. Абсентеизм в контексте советских избирательных кампаний 1920-х гг. // Вестник НГУЭУ. 2013. № 2. С. 215–224.

10. Итоги работы Совещания по советскому строительству // Власть Советов. 1925. № 15. С. 1–4.

11. Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Очерки истории сибирской деревни. Новосибирск, 1995.

12. Калинин М.И. Основные вопросы нашей внутренней политики // Власть Советов. 1925. № 1. С. 6–7.

13. Кузнецов И.С. Богатые и бедные: взгляды сибирского крестьянства 1920-х гг. на социальные различия // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2002. Т. 1, вып. 3. С. 55–62.

14. Месяцев П.А. Классовое направление аграрной политики и подъем производительных сил в сельском хозяйстве (к вопросу об объектах и методах работы в области агрономии и землеустройства) // Жизнь Сибири. 1925. № 5. С. 11–24.

Статья поступила
в редакцию 19.05.2013

УДК 94(47).084.5

С.М. СТАСЮКЕВИЧ

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1922–1928 гг.

канд. ист. наук,
Дальневосточный государственный аграрный университет,
г. Благовещенск
e-mail: svetasms@inbox.ru

В статье показано формирование агропродовольственной политики Советского государства на Дальнем Востоке, раскрыты ее основные аспекты: отказ от заграничных поставок и достижение самообеспечения региона. Сделан вывод о том, что результатом реализации агропродовольственной политики явился кризис на хлебном рынке региона.

Ключевые слова: хлебный рынок, аграрная политика, продовольственное снабжение, нэп, Дальний Восток.

Аграрная политика советской власти на Дальнем Востоке в 1920-х гг. изучалась преимущественно в плане реализации ее земельной, налоговой, кооперативной и социально-классовой составляющих. Важнейшие аспекты аграрной политики – пути и способы обеспечения населения региона продовольствием –

практически не освещались в работах дальневосточных историков [1; 2]. В настоящей статье предпринимается попытка восполнить этот пробел.

В октябре 1922 г. на Дальнем Востоке закончилась Гражданская война, одним из следствий которой оказалось возникновение продовольственной зависимости

ти региона от иностранных рынков. Советская власть проводила на Дальнем Востоке политику, основанную на принципах «развития самостоятельности окраин, достижения ими самокупаемости и независимости от внешних рынков»¹. Агропродовольственная политика была нацелена на развитие собственного зернового производства и достижение самообеспечения региона хлебом².

Первоочередной задачей советской власти в 1922–1924 гг. было сокращение поставок продовольствия из-за границы и концентрация их в руках государства. Импортные операции сосредоточивались в руках Госторга. Уже с января 1923 г. частным лицам отказывалось в лицензиях на ввоз продовольствия из Маньчжурии. Чтобы содействовать развитию местной мукомольной промышленности, вводились запреты на ввоз в Дальневосточную область (ДВО) муки [3, с. 305–306, 308]. Государственные и кооперативные торгово-заготовительные организации все действия по закупке зерна за границей должны были согласовывать с Дальревкомом. В 1923–1925 гг. пшеница для дальневосточных государственных мельниц в плановом порядке закупалась в Северной Маньчжурии, экстренные ситуации, связанные с перебоями в работе предприятий, также преодолевались за счет импорта зерна³.

В сезон 1923/24 г. был организован завоз продовольствия в Приморье из южных областей России морским путем. Государственное акционерное общество «Хлебопродукт» должно было поставить во Владивосток через черноморские порты 700 тыс. пуд. пшеницы. Однако к марту 1924 г. прибыл только один пароход. Для обеспечения Госмельницы сырьем до прибытия второго транспорта государство вынуждено было закупать зерно в Маньчжурии и Америке. В 1923/24 г. завоз из южных портов на Дальний Восток морем стал возможным исключительно благодаря ножницам цен, когда зерно в Европейской России подешевело настолько, что даже с учетом морской перевозки и накладных расходов цена хлеба оставалась приемлемой для дальневосточного потребителя. Двукратное подорожание кубанского хлеба летом 1924 г. сделало этот вариант поставок экономически крайне невыгодным⁴.

Постановление президиума Дальревкома от 24 октября 1924 г. разрешало ввоз заграничного хлеба лишь в крайних случаях. Отделу внутренней торговли (Дальвнутторгу) поручалось до 5 ноября разработать порядок покрытия хлебного дефицита за счет максимального усиления закупок на внутреннем рынке. Однако полностью отказаться от импорта зерна не получилось.

Решение Дальревкома было принято с запозданием, увеличить отгрузку на Дальний Восток из производящих районов СССР оказалось невозможно⁵. Пленум Дальбюро ЦК ВКП(б) санкционировал поставки продовольствия из-за границы для снабжения восточных районов ДВО. Областной импортный план 1924/25 г. предусматривал закупки зерна в Маньчжурии и Канаде на 6 млн руб., в том числе 3 млн пуд. пшеницы по цене 1,5 руб. за пуд⁶. Заготовительная цена на амурскую пшеницу в то время не превышала 1,3 руб. за пуд⁷. Государственные закупочные цены в Сибири колебались в пределах 0,85–1,06 руб. за пуд [4, с. 135].

В сентябре 1925 г. пленум Дальбюро ЦК ВКП(б) принял категоричное решение о прекращении закупок хлебопродуктов за рубежом и покрытия краевого дефицита целиком за счет завоза сибирского зерна⁸. Поставки зерна для продовольственных нужд Дальнего Востока из Северной Маньчжурии были полностью остановлены с января 1926 г.⁹

Вопрос о замещении маньчжурского хлебного импорта на Дальний Восток завозом из Сибири поднимался с первых дней советизации региона. С 1923 г. туда для налаживания каналов поставок зерна направлялись представители дальневосточных потребляющих организаций. В декабре 1923 г. Дальэконо разработал предложения по снабжению региона хлебопродуктами: Забайкалье должно было обеспечиваться сибирской продукцией, излишки амурского хлеба предусматривалось реализовывать на рынках Приамурья и Приморья. Постановление президиума Дальревкома от 1 февраля 1924 г. утвердило эту схему. Для обеспечения хлебопоставок из Сибири в дальневосточном направлении устанавливался прямой тариф на хлеб в зерне¹⁰. Вместе с тем все промышленные и регулирующие организации ДВО выступали против введения прямого тарифа на муку¹¹.

В первой половине 1920-х гг. завоз сибирского зерна осуществлялся Хлебопродуктом и дальневосточными организациями, ведущими самостоятельные заготовки в сибирских губерниях или работавшими по прямым договорам с сибирскими хлеботоргующими организациями. В 1925/26 г. на Дальний Восток планировалось ввезти 8746,1 тыс. пуд. Несмотря на первоначальные намерения ограничить ввоз только Забайкальем, в реальности более половины сибирского транзита – 4735,6 тыс. пуд. – направлялось в Приморье [5, с. 307]. Такая ситуация возникла потому, что в основной житнице Дальнего Востока – Амурской губернии – вплоть до 1924 г. включительно продолжалось сокращение посевных площадей, а 1923-й и 1925-й

¹ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 937. Оп. 1. Д. 39. Л. 19.

² Там же. Ф. П-335. Оп. 1. Д. 50. Л. 19–21, 25–27.

³ Там же. Ф. Р-58сч. Оп. 1. Д. 15. Л. 230; Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. П-61. Оп. 1. Д. 120. Л. 33; Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-2478. Оп. 1. Д. 107. Л. 38; РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 865. Л. 100.

⁴ ГАПК. Ф. П-61. Оп. 1. Д. 447. Л. 23, 60; Дальневосточный телеграф. 1924. № 160. С. 4; № 165. С. 3.

⁵ ГАХК. Ф. Р-58. Оп. 1. Д. 44. Л. 104.

⁶ Там же. Ф. Р-1151. Оп. 1. Д. 3. Л. 23; РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 283. Л. 57.

⁷ РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 895. Л. 42–43.

⁸ Там же. Оп. 1. Д. 973. Л. 113.

⁹ Народное хозяйство Владивостокского округа в 1925–26 году. Владивосток, 1927. С. 102–103.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 584. Л. 94–95; Д. 832. Л. 36.

¹¹ ГАХК. Ф. Р-58сч. Оп. 1. Д. 48. Л. 105.

годы выдались неурожайными. Губерния едва обеспечивала собственные потребности.

Осенью 1925 г. вследствие кризиса хлебозаготовок в центральных районах страны существенно изменилась государственная политика регулирования хлебного рынка – произошел очевидный поворот в сторону централизации заготовительных операций. В рамках этого процесса с конца октября от самостоятельных заготовок на сибирском рынке и вывоза хлеба из региона отстранялись инорайонные государственные и кооперативные организации. Прекращалась деятельность и дальневосточных заготовителей, в частности в Новониколаевском округе с заготовок была снята Примгосмельница [4, с. 139–140]. Одновременно ряд сибирских торгово-заготовительных организаций перестал выполнять ранее заключенные договоры по отгрузке зерна для Дальнего Востока [5, с. 307]. Прекращение поставок из Сибири спровоцировало в регионе резкий рост цен в начале 1926 г. В губернских городах пшеничная мука по сравнению с 1924/25 г. подорожала на 7 %, ржаная – на 11, в уездных городах – на 22 и 23 % соответственно. Заготовительные цены на пшеницу в среднем по региону повысились на 27,7 %, на рожь – на 19,7 %. В Амурском округе – на 46 и 22 % соответственно [6, с. 5, 12, 13].

Только в феврале 1926 г. было достигнуто соглашение между Дальневосточным краем и Сибирским краем об увеличении хлебных отгрузок, которым устанавливалась ежемесячная норма в 600 тыс. пуд. В апреле дальневосточным регулирующим органам удалось добиться у Наркомторга включения потребности ДВК в республиканский план снабжения, после чего поставки сибирского зерна становятся регулярными [5, с. 307]. Однако к этому времени железнодорожные тарифы повысились на 20–25 %, а хлеботоргующие организации Сибири подняли продажные цены на 20–30 коп. с пуда, что вызвало новый всплеск цен и на Дальнем Востоке¹².

Пережив серьезные потрясения, местные власти опасались, что зависимость снабжения хлебом от организаций, им не подчиненных, будет держать дальневосточников под постоянной угрозой перебоев в снабжении; власти настойчиво пытались добиться возвращения Приморского государственного мукомольного треста в число плановых заготовителей по Сибири¹³. Но с 1926/27 г. поставки зерна на Дальний Восток Наркомторг поручал сибирским и общесоюзным торгово-заготовительным организациям. Основной завоз осуществлялся Хлебопродуктом, Сибкрайсоюзом и Сибторгом. Опасения дальневосточников подтвердились уже осенью 1926 г. В сентябре–октябре сибирский завоз оказался почти в 2 раза меньше, чем за аналогичный период прошлого года: 215,8 тыс. пуд. против 387,5 тыс. пуд. К концу ноября положение не изменилось: Далькрайисполком констатировал уклонение плановых заготовителей Сибири от заклю-

чения твердых договоров с дальневосточными потребителями зерна и поручил Крайторгу поставить перед Наркомторгом вопрос о реализации постановления НКТ РСФСР о плановом завозе намеченных 5,1 млн пуд. хлебопродуктов¹⁴. Несмотря на принимаемые руководством ДВК меры, план поставок хлебопродуктов в 1926/27 г. полностью выполнен не был. Обеспечивать потребности населения и промышленности удалось только за счет ранее накопленных ресурсов и хорошего урожая 1926 г., позволившего значительно увеличить закупки в дальневосточной деревне, но к осени 1927 г. край подошел без собственных хлебных запасов¹⁵.

Расширение посевных площадей, повторный хороший урожай 1927 г. позволили увеличить планы внутренних заготовок в ДВК и снизить количество ввозимых хлебопродуктов. Если в 1925/26 г., по данным Далькрайисполкома, было завезено 6,8 млн пуд., в 1926/27 г. – около 5 млн пуд., то на 1927/28 г. было намечено к ввозу не более 3 млн пуд. [7, с. 37; 5, с. 307].

Перебои с поставками даже такого небольшого по меркам общего потребления количества имели для Дальнего Востока серьезные последствия, послужив спусковым механизмом для возникновения хлебозаготовительных проблем. Сокращение подвоза зерна в Забайкалье заставило уже с 1 декабря 1927 г. нормировать здесь отпуск хлебопродуктов [8, с. 2]. Нехватку хлеба в Читинском и Сретенском округах частично компенсировали, направив сюда амурскую продукцию, но это ухудшило снабжение зерном Приморья, также страдавшего от недопоставок из Сибири. После того как трудности хлебозаготовок в стране в целом стали очевидны для дальневосточной деревни, местное крестьянство начало сокращать сдачу хлеба государству¹⁶. Тем не менее на Дальнем Востоке без особого напряжения было заготовлено рекордное для региона количество зерна – 15 млн пуд., его должно было хватить для обеспечения населения: потребности города оценивались в 9–10 млн пуд.¹⁷

Однако с конца 1927 г. плановые заготовители снизили предложение зерна, поэтому потребительский спрос горожан и населения промысловых районов на пшеничную муку, пшеницу, овес и ячмень не удовлетворялся [8, с. 2]. До весны 1928 г. ситуация отчасти компенсировалась тем, что на Дальнем Востоке крестьяне продолжали свободно реализовывать большие партии зерна на городских базарах. С апреля, когда в регионе начинают применяться репрессивные меры против хлебодержателей, городские рынки опустели. В мае полностью прекратилась отгрузка сибирского зерна для дальневосточных потребителей¹⁸. Перебои с хлебоснабжением стали хроническими.

¹⁴ Государственный архив Амурской области (ГААО). Ф. 376. Оп. 1. Д. 15. Л. 18–19.

¹⁵ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 76. Л. 96.

¹⁶ ГАПК. Ф. П-67. Оп. 1. Д. 145. Л. 1.

¹⁷ ГАХК. Ф. Р-353. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

¹⁸ ГАХК. Ф. П-2, оп. 1, д. 76, л. 365.

¹² РГИА ДВ. Ф. Р-2485. Оп. 1. Д. 21. Л. 10.

¹³ ГАПК. Ф. Р-86. Оп. 1. Д. 4. Л. 31.

Кризис хлебоснабжения заставил вновь начать покупать зерно в соседней Маньчжурии. Уже в июле Благовещенское отделение Дальгосторга закупило в Сахалине 100 тыс. пуд. пшеницы и собиралось завезти еще 200 тыс. пуд. муки¹⁹. В конце месяца Далькрайисполком санкционировал закупку в Харбине дополнительных 300 тыс. пуд. зерна для Благовещенска, Читы, Сретенска и Хабаровска²⁰. В приграничных районах, по информации китайской разведки, действовала сеть агентов, переправлявшая, в том числе контрабандными путями, зерно на советскую сторону. В сентябре 1928 г. гиринский гражданский губернатор Чжан, ожидая, что СССР, находящийся практически в безвыходном положении, приступит к массовым закупкам хлебопродуктов в Китае, ввел строжайший запрет на их вывоз. Под жесткий контроль были поставлены все коммерсанты, задействованные в зерновых операциях. Хлебный экспорт в СССР намеревались разрешить только в случае отмены ограничений для частной китайской торговли на территории советского Дальнего Востока²¹.

Советская же сторона не собиралась открывать внутренний рынок иностранному зерну. 26 сентября дальневосточные окружкомы партии получили телеграмму первого секретаря Далькрайкома ВКП(б) Я.Б. Гамарника, в которой сообщалось: «Импорт хлеба категорически исключен в качестве ближайшей экстренной меры. Наркомторгом даны указания отгрузить нам срочно несколько маршрутов хлеба <...> только в силу особых трудностей, сложившихся сейчас в крае, Москва предложила Сибири в ударном порядке снабдить нас в начале октября <...> в дальнейшем мы не сможем рассчитывать на ударную и значительную помощь Сибири <...> снабжение края будет зависеть по преимуществу от наших хлебозаготовок»²².

Агропродовольственная политика конца 1920-х гг. определялась интересами форсированного индустриального строительства. Власть требовала от всего населения «сознательного ограничения непроизводительного потребления»²³. Выступая перед краевым совещанием работников земельных органов в июле 1928 г., секретарь Далькрайкома ВКП(б) И.Т. Смородин подчеркнул: «Лозунг “ни одного пуда продукции из Сибири для ДВК – все для промышленных районов СССР” – вот <...> лозунг для нашего Края»²⁴.

На Дальнем Востоке ускорение развития золотодобывающей, рыбной, лесной промышленности, поставка армейского контингента на снабжение за счет ресурсов ДВК, необходимость обеспечения переселенцев и населения районов, пострадавших от наводнения, резко увеличили нагрузку на краевые централизованные хлебные фонды. Хлебофуражным балансом

на 1928/29 г. потребности города оценивались в 14,3 млн пуд., размеры крестьянских покупок зерна на внедеревенском рынке – в 12,8 млн пуд. Максимальное самообеспечение зерном предусматривалось первоначальным краевым планом хлебозаготовок в размере 18 млн пуд.²⁵

Климатические условия сельскохозяйственного сезона 1928 г. в регионе сложились крайне неблагоприятно, в результате было собрано всего 49 млн пуд. зерна – на 20 % меньше, чем в 1927 г. Наиболее ощутимо – на 28 % – сократились сборы продовольственных культур. Уже в конце августа стало ясно, что размеры гибели хлебов серьезно недоучтены, и Далькрайплан предложил снизить заготовительное задание²⁶. Решение о сокращении плана хлебозакупа до 14 млн пуд. Далькрайисполком принял только 23 октября. Для нормального снабжения дальневосточников, при условии выполнения сокращенного варианта плана, необходимо было завезти не менее 12,9 млн пуд. зерна из Сибири, но утверждено к поставкам было всего 7 млн пуд. С 1 октября 1928 г. сибирские поставки, снабжение промышленности, транспорта, армии и формирование госхлебфонда на Дальнем Востоке целиком сосредоточивались в руках акционерного общества «Союзхлеб»²⁷.

На обеспечение горожан и армии в октябре-декабре 1928 г. требовалось 3,08 млн пуд., в наличии имелось всего 238 тыс. пуд. В этих условиях были приняты меры жесткой экономии хлебных ресурсов и форсирования заготовок. По всем каналам разворачивалось давление на крестьянство, но планы заготовок не выполнялись. В сентябре было собрано 21,7 % от месячного задания, в октябре – 50, в ноябре – 39, в декабре – 45 %²⁸. В целом на Дальнем Востоке в кампанию 1928/29 г. государство закупило всего 5,27 млн пуд. зерна, или 37,6 % от плана²⁹. Централизованные ресурсы не покрывали и половины краевой потребности в зерне, и в декабре 1928 г. было принято решение о введении на территории всего ДВК нормированного отпуска хлебопродуктов с 1 февраля 1929 г. Фонды, подлежащие распределению, были сокращены для городских потребителей на 20 %, для сельских – на 50 %. В полном объеме предполагалось снабжать только рабочих в промышленно значимых городах и поселках городского типа, номенклатурных работников, армию. Все остальные категории дальневосточников, а это большая часть населения, обеспечивались частично или вообще снимались с централизованного снабжения³⁰.

Таким образом, агропродовольственная политика советского государства на Дальнем Востоке в 1920-х гг. была направлена на его отрыв от маньчжурского хлебного рынка, переориентацию на поставки

¹⁹ ГААО. Ф. П-5. Оп. 1. Д. 224. Л. 82 об.-83; Ф. Р-376. Оп. 1. Д. 15. Л. 119.

²⁰ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 3. Л. 23-24.

²¹ ГАПК. Ф. П-67. Оп. 1. Д. 191. Л. 55-57.

²² Там же. Д. 185. Л. 79.

²³ ГАХК. Ф. Р-353. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

²⁴ ГАХК. Ф. Р-99. Оп. 1. Д. 34. Л. 158.

²⁵ Там же. Ф. Р-353. Оп. 3. Д. 53. Л. 73-74, 120, 170.

²⁶ Там же. Оп. 1. Д. 10. С. 29.

²⁷ Там же. Оп. 3. Д. 53. Л. 88, 170.

²⁸ ГАПК. Ф. П-67. Оп. 1. Д. 185. Л. 109-111.

²⁹ ГАХК. Ф. Р-353. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

³⁰ Там же. Оп. 3. Д. 53. Л. 64-67.

зерна из производящих районов Сибири. Развитие собственного производства должно было обеспечить снижение зависимости региона от завоза продовольствия, и в перспективе – ликвидацию хлебного дефицита. Однако политика монополизации заготовительного рынка, одним из аспектов которой являлось первоочередное обеспечение зернового экспорта и промышленных районов, начала осуществляться тогда, когда Дальний Восток еще не успел восстановить свое зерновое производство и тем более обеспечить его устойчивое развитие. Меры, принимаемые государством для регулирования хлебного рынка в производящих районах страны, привели на Дальнем Востоке к заготовительному и потребительскому кризису.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX–XX вв.: Очерки истории. Владивосток, 1991.

2. Лыкова Е.А., Проскурина Л.И. Деревня Дальнего Востока в 20–30-е гг. XX века: Коллективизация и ее последствия. Владивосток, 2004.

3. Отчет Дальэконо. Экономическому Совету РСФСР. Б. м., 1924.

4. Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.). Новосибирск, 2005.

5. Отчет Дальневосточного краевого исполнительного комитета за 1925–1926 год. Хабаровск, 1927.

6. Обзор конъюнктуры народного хозяйства ДВК за первое полугодие 1925/26 года. Б. м., б. г.

7. Записка о состоянии и нуждах Дальневосточного края. Хабаровск, 1927.

8. Обзор конъюнктуры народного хозяйства ДВК в декабре и первом квартале 1927/28 г. // Приложение к журналу «Экономическая жизнь Дальнего Востока». 1928. № 1.

Статья поступила
в редакцию 29.04.2013

УДК 94(47).084.6

С.А. ЕСИКОВ

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КАК СРЕДСТВО МОДЕРНИЗАЦИИ

д-р ист. наук,
Тамбовский государственный технический университет
e-mail: milana.61@mail.ru

В статье рассматриваются социальные и экономические предпосылки массовой коллективизации. Автор считает, что нэп не создал механизм устойчивого поступательного развития сельского хозяйства. К концу 1920-х гг. посевные площади не достигли довоенного уровня. Анализируются основные альтернативы аграрного развития страны. Сделан вывод, что в конкретно-исторических условиях рубежа 1920–1930-х гг. ни бухаринская, ни чайновско-кондратьевская альтернативы сталинской форсированной коллективизации реальных шансов на претворение в жизнь не имели.

Ключевые слова: крестьянское хозяйство, нэп, кризис хлебозаготовок, сельская кооперация, альтернативы социально-экономического развития, коллективизация, модернизация.

Долгое время отечественная историография тиражировала созданный советскими властями миф о восстановлении довоенных посевных площадей под зерновыми культурами и разрешении на базе нэпа продовольственной проблемы. При этом совершенно замалчивались факты серьезных продовольственных трудностей и даже голода, которые пережило сельское население недородных губерний европейской части СССР в 1924–1925 гг. [1]. Продовольственная ситуация в деревне вновь обострилась весной 1928 г. в результате хлебозаготовок, проведенных с помощью административного принуждения, а в ряде случаев – с помощью прямых репрессий против крестьянства.

Сельское хозяйство, в отличие от промышленности, восстанавливалось более медленными темпами. В годы нэпа производство в аграрном секторе было пред-

ставлено исключительно единоличными крестьянскими хозяйствами, что и сказывалось на темпах восстановления. К 1927 г. удельный вес середняков в стране достиг 62,7 %. Однако укрепление позиций средних слоев крестьянства в социальной структуре деревни не было равнозначно экономическому росту самого хозяйства середняка. Осереднячивание означало нивелировку, поравнение по более низкому уровню обеспеченности средствами производства и прожиточного уровня. Ставка на средние слои деревни на практике оборачивалась признанием приоритета натурального хозяйства перед рыночным, производящим.

С 1926–1927 гг. в стране фактически утвердилась социально-политическая линия, направленная на распределение, а не на производство. Накопление у крестьянской массы приняло натуральные формы в ущерб

денежным и становилось с каждым годом все более вынужденным и нерациональным.

Рынок четко показывал, что быстрая индустриализация за счет крестьянства при сложившихся условиях неосуществима. Товарный хлеб составлял 13 % (по другим данным 20 %) урожая по сравнению с 26 % до войны. В 1927 г. государству удалось заготовить 630 млн пуд. хлеба, тогда как в 1913 г. на рынок поступило 1 300 млн пуд. А в 1928 г. товарная часть зернового производства составила только 48,4 % от уровня 1913 г. [2, с. 143]. Вывоз продуктов сельского хозяйства не мог быть заменен вывозом другой продукции, и этот факт мешал наращиванию внешней торговли. Посевные площади в 1927 г. были на 3–4 % меньше довоенного уровня. В расчете на душу населения они уменьшились более существенно, составляя в целом 90 и 87 % под зерновыми [3, с. 140]. Универсальным показателем уровня развития сельского хозяйства всегда была урожайность зерновых культур. Сравнение урожайности за пять нэповских лет с предвоенным уровнем дает 6,9 ц/га в 1909–1913 гг. против 7,6 ц/га в 1924–1928 гг. [4, с. 284]. Вряд ли все это позволяет говорить о готовности страны к индустриализации.

Мелкое крестьянское хозяйство 1920-х гг. почти полностью основывалось на применении ручного труда. Рабочая сила человека являлась его главной производительной силой. Затраты живого труда в производстве хлебов намного превышали материальные издержки. Ручной труд преобладал в производстве всех сельскохозяйственных культур.

Сельскохозяйственные орудия и машины, постоянное совершенствование и расширение использования которых является решающим средством подъема производительности труда, играли совершенно недостаточную роль в производстве продукции. По данным обследования крестьянских бюджетов 1925/26 г. в Тамбовской губернии, на долю сельхозинвентаря из всей стоимости имущества в хозяйствах с посевом до 4 дес. приходилось 5,6 %, от 4 до 8 дес. – 9,6, свыше 8 дес. – 12,7 %¹. Как видим, удельный вес простейшей техники в производстве сельскохозяйственных культур был мизерным. Затраты живого труда крестьянина и его семьи в десятки раз превышали затраты труда, овеществленного в технике.

Заметные сдвиги в обеспечении сельского хозяйства машинами и орудиями происходили с середины 1920-х гг., когда крестьяне начали ежегодно получать в бюджетном и кредитном порядке значительные суммы денег, которые использовались для укрепления в основном бедняцких и середняцких хозяйств на льготных условиях, а также для развития кооперативов. Однако суть технической политики советского государства заключалась не столько в том, чтобы усилить технические возможности общественного и кооперативного секторов, сколько в том, чтобы закрыть доступ к технике зажиточному крестьянскому хозяйству. Тем

самым техническая политика власти шла вразрез с объективными условиями. Наиболее подготовленными к восприятию технических новаций, использованию техники в производстве была зажиточная часть крестьянства. И именно она отстранялась от участия в этом сложном и ответственном для общества процессе.

Несмотря на усилия, предпринимаемые властями, крестьянское хозяйство было оснащено в техническом отношении крайне низко. Так, в 1928 г. в среднем по Тамбовской губернии на одну соху приходилось лишь 0,58 плуга; на 1 октября 1928 г. в Тамбовском округе насчитывалось 385 тракторов, в Козловском – 240, в Борисоглебском округе – 606². При условии, что все трактора работают с полной нагрузкой (150 га за сезон), они смогли бы обработать лишь 3,2 % имевшейся пашни. В целом по стране в 1928 г. лишь около 1 % площади яровых было вспахано тракторами.

Как известно, экономический рост (т. е. расширенное воспроизводство) при неизменной технологии предполагает, что на каждом новом производственном цикле в процесс вовлекается дополнительное количество материальных ресурсов, созданных, но не потребленных в предыдущих циклах. Другими словами, расширенное воспроизводство невозможно без накопления.

Зерновое производство крестьянских хозяйств полностью соответствовало указанной модели: не менявшиеся на протяжении многих десятилетий способы и орудия обработки земли и ухода за посевами сохранялись и в 1920-е гг. В традиционном крестьянском хозяйстве основную роль играли, как уже отмечалось, средства производства естественного происхождения, прежде всего лошадь как главный источник двигательной энергии. Количество и качество лошадиных сил определяли степень интенсивности и производительности человеческого труда. Поэтому важнейшим показателем производственного накопления в крестьянском хозяйстве является количество рабочего скота в расчете на одного работника.

В течение всего периода нэпа этот показатель демонстрировал отрицательную динамику. Это означало, что крестьянская экономика не только не накопила дополнительный энергетический потенциал, необходимый для ускоренного восстановительного роста, но и потеряла часть потенциала, созданного до революции. Например, в 1920-е гг. в Тамбовской губернии произошло резкое сокращение поголовья лошадей, особенно рабочего возраста, в крестьянских хозяйствах. Даже в 1927 г. достичь дореволюционного уровня не удалось: 296 288 голов против 387 139 в 1917 г.³ Отмечалось сокращение количества лошадей рабочего возраста, приходившегося на 100 дес. посева: в 1917 г. – 21,8 лошади, в 1925 г. – 14,1, в 1926 г. – 14,9⁴. Проанализировав пред-

² Центрально-Черноземная область: Справочная книга. Воронеж, 1929. С. 159–160.

³ Краткий статистический справочник по Тамбовской губернии. С. 66.

⁴ Отчет Тамбовского губкома ВКП(б) XIX губернской партийной конференции. Тамбов, 1927.

¹ Краткий статистический справочник по Тамбовской губернии. Тамбов, 1927. С. 90–91.

военные бюджетные обследования Тамбовской губернии, А.Н. Челинцев пришел к выводу, что на 100 дес. посева требовалось в среднем не менее 16,7 лошади в северной полосе губернии и не менее 17,5 лошади – в центральном и южном районах [5, с. 215–216].

Прогрессивные формы земледелия, такие как многополье со сменой культур и травосеянием, очень трудно проникали в сельское общество с его традиционной чересполосицей, несмотря на то, что государство уделяло агрономическому обслуживанию населения большое внимание. В целом по РСФСР в 1924 г. многопольные севообороты применялись лишь на 7,2 % посевной площади. Они были характерны главным образом для районов производства интенсивных технических культур. В основных же зернопроизводящих районах хлеб растили преимущественно по старинке. В 1927 г. в РСФСР многопольные севообороты применялись уже на 17,3 % посевных площадей, на четвертой части озимых посевов практиковались ранние и улучшенные пары, на трети яровых проводилась вспашка под зябь, выполнялась работа по очистке и сортировке семенного зерна [4, с. 278–279]. По данным Э.М. Щагина, максимальный контингент сельских активистов-производственников («культурных хозяев») исчислялся всего 10–15 тыс. чел. [6].

Приведенные факты могут свидетельствовать лишь об элементарном совершенствовании технологии крестьянского производства, но не о набравшей силу тенденции, а тем более не о том, что в аграрном секторе советской экономики назрел качественный технологический прорыв.

Таким образом, в 1920-е гг. производственный потенциал крестьянских хозяйств повысился незначительно. Обеспеченность человеческого труда рабочим скотом заметно отставала от дореволюционного уровня. Поскольку именно этот показатель наилучшим образом характеризует потенциал увеличения производительности труда в крестьянской экономике, можно утверждать, что довоенная производительность труда в зерновом производстве была при сохранении господства мелкокрестьянского производства недостижима. Падение производительности труда не восполнялось и приростом численности трудоспособного сельского населения. Очевидным был факт кризиса зернового производства в годы нэпа, который проявился в стагнации посевных площадей под зерновыми культурами, в отсутствии в крестьянских хозяйствах производственных возможностей для удовлетворения собственных нужд (не говоря о потребностях города, промышленности и т. д.) и в неспособности достижения даже дореволюционного уровня. Объективно оценивая положение дел в сельском хозяйстве, июльский (1928 г.) Пленум ЦК ВКП(б) совершенно справедливо отметил: «Из всех отраслей сельского хозяйства зерновое хозяйство является наиболее отсталым как в смысле его производительности (урожайности), так и в смысле его товарности» [7, с. 349].

Кризис хлебозаготовок в конце 1920-х гг. был вызван ценовой политикой государства, а не враждебны-

ми действиями крестьян, которые не хотели продавать свой хлеб государству по низким ценам. Чрезвычайные меры стали битвой за контроль над распределением доходов. Сталинское руководство было твердо убеждено, что нэп дал слишком много деревне и слишком мало городу. Великий перелом заложил основы тоталитарной системы, которая должна была изменить распределение доходов, проводя его в ущерб крестьянству.

По всей видимости, прав был В.В. Кабанов, писавший: «Нэпу мог, должен, просто обязан был быть противопоставлен только один метод – а-ля “военный коммунизм”, сравнительно мягкий, что маловероятно, а скорее всего жесткий, как оно и вышло. И никаких альтернатив!» [8, с. 222]. Исследовавший проблему альтернативности в социальном развитии страны Е.А. Никифоров сделал вывод: «У российского социума не было, нет и, если не произойдет спонтанной мутации (т.е. вмешательства иррациональных сил), не будет никаких альтернатив. В российском социуме <...> заложено нечто жестко детерминирующее его историческое существование» [9, с. 204].

Дальнейшую судьбу страны в целом и ее аграрного сектора в частности многие современники, да и нынешние исследователи связывали с всесторонним развитием сельской кооперации. Было здесь и немало иллюзий. Так, В.П. Данилов, следуя, по всей видимости, за Н.И. Бухариным, писал, что советская деревня, может быть только в 1960–1980-е гг., опираясь на реально созданные возможности комплексной механизации и электрификации, подходила бы к практическому к практическому созданию коллективного земледелия [4, с. 15]. При таком понимании процесса кооперирования вопрос о времени его завершения не возникал. Соглашались, что это заключение стояло довольно далеко от реальной жизни. Как же существовала бы деревня в течение тридцати лет с 1930-х до начала 1960-х гг.?

В советской историографической традиции господствовала концепция восхваления «грандиозных успехов» кооперативного движения в стране, подготовившего ее к осуществлению «сплошной коллективизации». Лишь в конце 1980-х гг. историки были поставлены перед необходимостью признать факт разрушения кооперации, а не ее расцвета. Состояние кооперации не было следствием злой воли руководства страны, а вытекало из несовместимости кооперации как категории рыночной экономики с сформировавшимся строем «безрыночного социализма». Главным противоречием строившегося социализма было противоречие между планом и рынком. Оно касалось и кооперации. Кооперация может существовать только в условиях рыночных отношений. План же, как важнейшее средство строительства социализма, был направлен на уничтожение и нэпа, и рынка.

Наиболее ярко отношение большевиков к кооперации проявилось в годы военного коммунизма. Но даже в связи с переходом к нэпу, когда В.И. Ленин признавал «чрезмерное удушение кооперации», он продолжал утверждать, что «свобода и права кооперации <...> оз-

начают свободу и права капитализму». В связи с переходом к нэпу допускалось «известное расширение ее «свободы» и ее прав» (слово «свобода» автор поместил в кавычки) [10, с. 64, 225]. Призыв Ленина к внимательному отношению к кооперации, к пониманию ее огромного значения в социалистическом строительстве не предполагал отказа от намерения преобразовать кооперацию, изменить принципы кооперативной работы в соответствии с пролетарскими представлениями. В знаменитой статье «О кооперации», как известно, речь шла о необходимости «заставить всех поголовно активно участвовать в кооперативных операциях» [11, с. 372]. Кооперация никогда не порывала с индивидуальной свободой, в отличие от «поголовного» коллективизма, который предполагал ленинский строй «цивилизованных кооператоров».

Уже в начальный период нэпа были заложены все основные элементы предстоящей кончины кооперации. Надежда на то, что «дозволенная» кооперация будет вести крестьян к социалистической цели, не оправдалась. Ее развитие шло с трудностями и противоречиями: подавляющая часть восстановившихся после военного коммунизма объединений влила жалкое существование; там же, где достигалось продвижение вперед и кооперация заработала, развитие шло в противоположном от ожидавшегося направлении. В партийно-государственных кругах развернулась дискуссия с целью выяснения причин этого. Большинство ее участников винили «контрреволюционную» природу кооперации. Началась кампания по превращению кооперации в большевистскую, изгнанию так называемых старых кооператоров, которые были специалистами в кооперативном деле.

Кооперация превращалась в государственно-кооперативное предприятие. В этом качестве она утрачивала ранее сильные стороны: инициативность, маневренность, способность заинтересовать население. Из нее изгоняли кооперативный дух. Внутренне она становилась чрезвычайно слабой и снова превращалась, как и в годы военного коммунизма, в придаток государственной системы.

Относительно так называемого курса РКП(б) «лицом к деревне» следует отметить, что он был весьма краткосрочным: с июня 1924 г. (создание комиссии по работе в деревне) и до октября 1925 г. (принятие пленумом ЦК РКП(б) резолюции «О работе партии среди деревенской бедноты»). Курс «лицом к деревне» в части, касавшейся кооперации, представлял собой не реальную систему мер ее поддержки, а в основном словесные упражнения.

Что же касается призывов председателя СНК СССР А.И. Рыкова восстановить демократические выборы правлений кооперативов, прекратить вмешательство в их оперативную деятельность, предоставить им возможность функционирования на основе их уставов, то это вновь были просто слова. Ничего не дало и его выступление на XIV партийной конференции в защиту кооперации от классовой линии, от ущемления интересов крепких крестьянских хозяйств, нуждавшихся в

кооперации. На практике классовая линия на устранение из кооперативов или дискриминацию в них крепких хозяйств продолжала ужесточаться.

Кооперация держалась за счет поддержки государства постольку, поскольку она служила проводником политики партии в деревне, за счет искусственного создания ситуации, когда крестьянин вступал в кооперативы вынужденно, поскольку необходимый товар мог приобрести только в кооперативах и только через них – сбыть произведенный продукт. Никаких возможностей у кооперации не было, она разрушалась.

Были ли в ту пору альтернативные решения? Нам уже приходилось высказываться по поводу бухаринской альтернативы [12, с. 468–479]. Здесь же отметим, что позиция самого Н.И. Бухарина была крайне противоречива и далека от адекватного анализа реальности. С одной стороны, он был против форсирования колхозного строительства, с другой – в своей статье «Заметки экономиста» осенью 1928 г. он отмечал, что партия уже опоздала с постановкой вопроса о создании колхозов и совхозов. Бухарин решительно выступал за ограничение кулака и отказывался видеть, что середняцкое хозяйство не в состоянии решить продовольственную и сырьевую проблему страны в складывавшейся внутри- и внешнеполитической ситуации.

Однако у правой оппозиции имелись и реальные предложения по ослаблению создавшегося в стране продовольственного кризиса, их высказали на апрельском и ноябрьском пленумах (1929 г.) ЦК ВКП(б) Н.И. Бухарин и А.И. Рыков. Суть этих предложений сводилась к закупкам хлеба за рубежом: Бухарин предлагал импортировать 50 млн пуд. зерна, Рыков – 150 млн [13, с. 16]. В действительности речь шла не просто о закупках хлеба, а о методах и темпах индустриализации. Общеизвестно, что правые потерпели поражение. Однако их подходы к разрешению обострявшегося продовольственного кризиса заслуживают внимания, так как позволяют лучше понять дальнейшую логику событий.

В своем выступлении на апрельском (1929 г.) Пленуме ЦК председатель СНК СССР А.И. Рыков причину продовольственного кризиса в стране объяснил, прежде всего, стагнацией зернового хозяйства страны (урожай за последние годы в стране оставался в пределах 72 млн т). Именно в связи с этим возникли трудности с продовольственным обеспечением населения. И проблему эту не решить с наскока. Для этого потребуется время (3–4 года). А пока в качестве временной меры необходим импорт продовольствия, который позволит снизить остроту кризиса в деревне и особенно в городе, где уже действовала карточная система [14, с. 328, 335]. При этом на апрельском и затем на ноябрьском (1929 г.) пленумах ЦК ВКП(б) Рыков предлагал не усугублять ситуацию повторением ошибок хлебозаготовительной кампании 1927–1928 гг., которая проводилась по инициативе И.В. Сталина административно-репрессивными методами и дала незначительный результат с точки зрения количества заготовленного хлеба и ослабления продовольственного кризиса в стране. Отрицательный же эффект этой кампании, по

мнению Рыкова, был несравненно большим, поскольку проявлялся в сокращении посевных площадей, что увеличивало угрозу спада зернового производства. А.И. Рыков выступил за сбалансированное развитие сельского хозяйства, не отрицая необходимости повышения темпов колхозного строительства, но при этом делая ставку на единоличное хозяйство середняков.

Это была реальная альтернатива сталинскому курсу на решение продовольственной проблемы с помощью чрезвычайных мер. Платформа правых, как видим, сводилась к корректировке политики в сторону более последовательного осуществления нэповских принципов в отношениях с деревней, к сознательному снижению в этой связи темпов экономического роста для более гармоничного развития всех секторов народного хозяйства. Иными словами, предлагалось не осуществлять резкий поворот в сторону эксплуатации деревни в качестве внутренней колонии во славу идеалов плановой экономики как основы строительства нового общества. Но эта альтернатива не могла быть реализована, поскольку сталинское большинство уже победило в борьбе за власть.

На апрельском (1929 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) против предложения Рыкова о закупке хлеба за рубежом выступили сам Сталин и его сторонники. Они считали, что трудности с хлебом носят временный характер и обусловлены неурожаем 1928 г., гибелью посевов от недорода в ЦЧО, Украине и на Северном Кавказе. Главной же причиной сложившейся ситуации И.В. Сталин и его окружение считали крестьянское («кулацкое») сопротивление хлебозаготовкам. Именно этот фактор требовал применения чрезвычайных мер [14, с. 453, 480]. Антикрестьянский настрой вождя и его сторонников имел самые негативные последствия, главным из которых сала варварская коллективизация деревни с помощью политики раскулачивания.

На апрельском пленуме сторонники И.В. Сталина связали проблему хлебозаготовок с начавшейся индустриализацией страны. По их мнению, предложения А.И. Рыкова и Н.И. Бухарина ставили под удар саму возможность ее осуществления. Аргументом против предложения правых закупить хлеб за границей прозвучала угроза остановки уже начавшихся строек первой пятилетки из-за прекращения их финансирования. Как известно, на пленуме победила сталинская точка зрения по вопросу о путях выхода из продовольственного кризиса. Поражение правых сделало наступление голода неизбежным. Еще на ноябрьском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) Сталин заявил, что «сельское хозяйство представляет базу развития индустрии и как рынок, поглощающий продукцию индустрии, и как поставщик сырья и продовольствия, и как источник экспортных резервов, необходимых для того, чтобы ввести оборудование для нужд народного хозяйства» [15, с. 252]. С 1929 г. начинается процесс резкого роста хлебозаготовительных планов, а сами хлебозаготовки превращаются в настоящую войну с крестьянством.

Как уже отмечалось, внутри партии большевиков сталинской «революции сверху» в качестве более без-

болезненного варианта проблемы «социалистической модернизации» деревни противостояли взгляды лидеров правого уклона, которые именуются «бухаринской альтернативой». Порой утверждается, что процесс кооперирования крестьянских хозяйств, каким он представлялся Н.И. Бухарину, вообрал в себя основные положения концепции «кооперативной коллективизации», разработанной А.В. Чаяновым. Однако разница во взглядах была принципиальной. На это обращал внимание известный историк-аграрник Э.М. Щагин [6, с. 96, 463]. А.В. Чаянов считал естественным условием жизни и деятельности кооперации наличие рынка, тогда как Бухарин рынок рассматривал в качестве временного явления. Бухарин, как и Ленин, мыслил социалистическое кооперирование деревни исключительно в условиях диктатуры пролетариата. Что же касается Чаянова, то он подлинными успехи кооперирования крестьянства связывал с демократическими порядками, которые должны прийти на смену диктаторскому режиму большевиков. Суть же чаяновской концепции можно выразить его же словами: «По нашему глубокому убеждению идеальным аппаратом сельскохозяйственного производства является совсем не крупная латифундия и не индивидуальное крестьянское хозяйство, а новый тип хозяйственной организации, в которой организационный план расщеплен на ряд звеньев, каждое из которых организовано в тех размерах, которые являются оптимальными для него. Говоря иначе, идеальным нам мыслится крестьянское семейное хозяйство, которое выделило из своего организационного плана все те его звенья, в которых крупная форма производства имеет несомненное преимущество над мелкой и организовало их на равные ступени крупности в кооперативы» [16, с. 3–4].

Результатом такого кооперирования была бы организация всех отраслей, работ и функций крестьянского хозяйства «в той степени крупности и на тех социальных основах, которые к нему подходили». Тем самым рядом с крестьянским хозяйством возникало и отчасти заменяло его «крупное коллективное предприятие кооперативного типа», благодаря чему получалась возможность использования преимуществ крупного производства там, где такие преимущества действительно существовали. Одновременно с повышением производительности труда и уровня аграрной культуры разрешались бы и сложные социальные проблемы. Такая «кооперативная коллективизация», как считали А.В. Чаянова и его единомышленники по организационно-производственному направлению аграрной науки (Н.П. Макаров, А.Н. Челинцев, А.А. Рыбников и др.), должна была осуществляться на добровольной, самодеятельной и сугубо хозяйственной основе.

В сравнении со сталинской насильственной ломкой крестьянского хозяйства реализация чаяновского варианта модернизации деревни означала бы безболезненную эволюционную перестройку аграрного сектора. Однако этот путь не гарантировал крупномасштабной перекачки материальных и трудовых ресурсов из деревни в город в целях форсированной индустриали-

зации. При существовавшем политическом режиме чаяновский вариант был неосуществим. И сам ученый, и его сподвижники четко осознавали это.

Лидеры правого уклона в ВКП(б) Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, М.П. Томский вслед за А.В. Чаяновым, Н.Д. Кондратьевым и другими учеными-аграрниками, как уже отмечалось, были за эволюционный путь развития крестьянского хозяйства с постепенным охватом его всеми видами кооперации. Однако в вопросах аграрно-крестьянской политики «правые» коммунисты в пик ученым-аграрникам высказывались за усиление классового подхода в аграрной политике. Бухарин первым среди членов Политбюро ЦК ВКП(б) почти за полтора месяца до XV партийного съезда выдвинул требование «усилить нажим на капиталистические элементы <...> перейти к форсированному наступлению на капиталистические элементы деревни». Он же после апрельского (1928 г.) Пленума ЦК громил Кондратьева и его сторонников, усмотрев в рекомендациях ученого относительно сбалансированного развития промышленности и сельского хозяйства страны совершенно откровенную кулацкую программу, «решительный сдвиг от индустриализации в сторону окулачивания страны» [17, с. 280-282].

Вместе с горбачевской перестройкой и гласностью у отечественных исследователей стала выстраиваться трактовка, во многом созвучная выводам и убеждениям зарубежных историков о том, что колхозно-совхозная система была нехороша по определению, обрекала советское сельское хозяйство на неэффективность и стагнацию, и жаль, что в истории страны была упущена реальная возможность развивать сельское хозяйство по нэповскому, рыночному пути многоукладности и кооперации. Однако надо учитывать, что экономически СССР на рубеже 1920–1930-х гг. был зависим от западного капитала, западных технологий. И средства на преодоление этой зависимости могли быть изысканы только в крестьянском производстве. Других источников экономического развития, модернизации не существовало. О взаимовыгодном партнерстве с Западом речь не шла и не могла идти. Угроза войны в те годы была реальной, а цены на зерно на рынке в условиях мировой депрессии были невыгодными.

Следует также отметить, что в основе идеи «крестьянской альтернативы» лежало представление о глубокой ненависти большинства крестьян к сталинскому режиму и его политике, о постоянной готовности действовать ему во вред, а себе на пользу. Однако крестьянам (равно как и рабочим, чьи ряды быстро пополнялись выходцами из деревни) слишком дорог был социалистический идеал, те надежды на справедливое будущее, которые питала деревня в отношении советской власти.

Речь идет не о социально-психологических характеристиках представителей высшего, среднего и низшего звеньев партийно-государственного руководства, об этом и прежде писали немало. Речь идет о психологическом состоянии сельских жителей, их внутренней готовности к радикальному повороту в их повседнев-

ном бытии, мощной энергии ожидания перемен к лучшему. О внутренней готовности крестьян к переменам может свидетельствовать и такой факт. В 1926 г. был проведен опрос крестьян, почему они не переходят к прогрессивным севооборотам, а держатся за чересполосицу. С удивительным единодушием крестьяне отвечали, что, мол, жаль полосы переделять, а вот грядет всеобщая социализация – тогда чему быть, тому не миновать. «Начиная с 1917 г., – отмечал В.П. Данилов, – большевистская пропаганда твердила об этой социализации, и нельзя говорить, что крестьяне ее совершенно не ждали. Другое дело, что она приняла такие формы, которых не ожидали не только крестьяне, но и сами большевики, даже накануне коллективизации» [18, с. 28].

К этому следует добавить, что во второй половине 1920-х гг. в советском обществе наблюдался рост антинэповских настроений. Так, бухаринский лозунг «Обогащайтесь!» оказался неприемлемым не только для большевистских руководителей, но и для традиционной крестьянской психологии. Так что политика «сдерживания кулацких поползновений», проводившаяся государством путем прогрессивного налогообложения, была и отражением существовавших в деревне настроений.

Крестьянский идеал в рамках единоличного хозяйствования не шел дальше желания получить от государства дешевый кредит, соединить свои участки в «широкие полосы», или, наконец, выделиться из села в мелкие поселки. Но общая неудовлетворенность экономической ситуацией в деревне к концу 1920-х гг. явно проступала во многих письмах во власть, хотя понимание причин сложившегося положения в них отсутствовало. Вместе с тем идея о возможности справедливого государственного регулирования сверху всего и вся, проистекавшая из утопического представления о назначении верховной власти, прочно засела в народном сознании.

На почве недовольства ситуацией стремление достичь чего-то нового, неведомого, положило начало целой череде бесконечных импровизаций и социальных экспериментов, которые проистекали из разногласий мнений, существовавшей в обществе. Попытки их немедленной реализации обернулись непредсказуемыми событиями, которые именуются «великим переломом».

Общеполитическая обстановка в стране на рубеже 1920–1930-х гг. складывалась таким образом, что у эклектических предложений Н.И. Бухарина и его сторонников относительно дальнейшего развития крестьянского хозяйства весомых шансов на осуществление не оказалось. Поражение правых было предопределено не только контролем И.В. Сталина над мощным партийно-государственным аппаратом, но и большой заманчивостью его установок «форсированного скачка» для партийных низов, части рабочих, а также бедных и некоторой части средних крестьян, для формировавшейся в те годы новой советской интеллигенции, которой старые специалисты представлялись помехой в их карьере. Что же ка-

сается идей и политических планов А.В. Чаянова, Н.Д. Кондратьева и других ученых-аграрников, то сфера их реального общественно-политического воздействия на те или иные слои населения страны была еще более ограниченной, чем у правых.

Реальных шансов на претворение в жизнь ни бухаринская, ни чаяновско-кондратьевская альтернативы сталинской форсированной коллективизации в конкретных условиях страны на рубеже 1920–1930-х гг. не имели. Советская деревня оказалась обреченной на величайшую трагедию – насильственную коллективизацию, благодаря которой сталинскому руководству удалось достичь одной из главных экономических целей: обеспечить гарантированные поставки хлеба по низким ценам. Колхозный строй, наскоро созданный в первой половине 1930-х гг. неизмеримо дорогой, но не напрасной ценой позволил обеспечить усиленную перекачку средств и рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность, тем самым сделав мощный индустриальный скачок накануне войны. Сам же колхозный строй стал неотъемлемой составной частью предельно централизованной экономики мобилизационного типа, которая внесла весомый вклад в победу в Великой Отечественной войне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поляков В.О. Голод 1924–1925 гг. в Поволжье. Волгоград, 2009.
2. Бабашкин В.В. Россия в 1902–1935 гг. как аграрное общество: закономерности и особенности отечественной модернизации. М., 2007.
3. Бруцкус Б.Д. Народное хозяйство Советской России, его природа и его судьбы // Вопросы экономики. 1991. № 10.
4. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977.
5. Челинцев А.Н. Опыт изучения организации крестьянского сельского хозяйства в целях обоснования общественной и кооперативно-агрономической помощи на примере Тамбовской губернии. Харьков, 1919.
6. Шагин Э.М. Очерки истории России, ее историографии и источниковедения (конец XIX – середина XX вв.). М. 2008.
7. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1953. Т. 4.
8. Кабанов В.В. Судьбы кооперации в России // Судьба российского крестьянства. М., 1996.
9. Никифоров Е.А. К проблеме альтернативности в социальном развитии России // Историческое значение нэпа. М., 1990.
10. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 43.
11. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45.
12. Есиков С.А. «Бухаринская альтернатива» сталинскому аграрному курсу // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. М., 2011.
13. Голод в СССР. 1929–1934. М., 2011. Т. 1.
14. Как ломали нэп: Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. М., 2000. Т. 4.
15. Сталин И.В. Соч. Т. 11. М., 1949.
16. Чаянов А.В. Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий. М., 1924.
17. Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988.
18. Современные концепции аграрного развития (теоретический семинар). Обзор подготовлен В.В. Бабашкиным // Отеч. история. 1993. № 2.

Статья поступила
в редакцию 01.08.2013

УДК 94(47).084.6

В.А. ИЛЬИНЫХ

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ ДЕРЕВНИ: ПРОЕКТЫ И РЕАЛЬНОСТЬ*

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: agro@history.nsc.ru

Рассматриваются предпосылки, альтернативы, планы реализации и социально-экономические итоги форсированной коллективизации. Сделан вывод, что поставленные идеологами большевистского режима цели не были достигнуты в силу противодействия со стороны крестьянства, традиционные ментальные основы жизнедеятельности которого не были учтены при разработке планов социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Ключевые слова: коллективизация, проекты аграрного развития, Сталин, колхозная система, историография.

Коллективизация традиционно является одной из центральных проблем отечественной исторической науки. На советском этапе развития профессиональной

историографии ее исследователи в целом следовали официально принятой концепции «социалистической реконструкции деревни». В соответствии с ней причинами перехода к сплошной коллективизации стали: 1) крайняя ограниченность возможностей мелкого крестьянского хозяйства и полная неспособность его

*Статья подготовлена в рамках проекта Президиума РАН № 33.2.2.

кардинально решать социальные проблемы деревни; 2) усиление сопротивления кулачества регулирующей роли пролетарского государства. Составными частями официальной парадигмы являлись еще два принципиальных тезиса: 3) к 1930 г. в деревне были созданы материально-технические и политические предпосылки для ускорения темпов социалистического строительства; 4) коллективизация осуществлялась на основе «ленинского кооперативного плана» (см., напр.: [1; 2; 3]).

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. данная концепция была отвергнута. Обратившиеся к проблеме коллективизации исследователи пришли к выводу, что она не имела ничего общего с «ленинским кооперативным планом», материально-технические предпосылки для ее проведения к концу 1920-х гг. созданы не были, сопротивление зажиточного крестьянства стало ответом на нарастающее налоговое и политическое давление со стороны режима. В рамках данного подхода была сформулирована точка зрения о том, что возможности поступательного развития крестьянского хозяйства на базе нэпа к концу 1920-х гг. не были исчерпаны. Данной точки зрения, в частности, придерживались В.П. Данилов и Н.Я. Гушин (см., напр.: [4; 5, с. 47; 6, с. 130–131]). Таким образом, ведущие ученые-аграрники не видели объективных предпосылок коллективизации, а видели только субъективные, волюнтаристские.

Исходя из этого коллективизация воспринималась как неспровоцированная тотальная акция по ликвидации крестьянства, осуществленная лично Сталиным, который рассматривал крестьянство как единственную силу, реально угрожавшую существованию режима и его личной власти. В рамки данного подхода вписывается и точка зрения о том, что голод 1932/33 г. был организован лично Сталиным, чтобы сломить у крестьян волю к сопротивлению большевистскому эксперименту, заставить их работать на колхозных полях и фермах. В украинской концепции «голодомора – геноцида» объектом террора голодом было не советское крестьянство в целом, а украинское крестьянство как основа нации [7, с. 15].

Однако в 1990-е гг. стала формироваться иная позиция, правда, изначально вне аграрной историографии. Ряд специалистов, анализирующих историю России XX в. в контексте общецивилизационных процессов, полагает, что коллективизация являлась «важной разновидностью модернизации». По их мнению, коллективизация – это стратегическое направление, отечественный формат и метод мобилизации материальных и трудовых ресурсов, базовое основание индустриализации [8].

Историографический процесс в 2000-х гг. привел к выводу о наличии не только субъективных, но и объективных предпосылок коллективизации, в том числе к этому стал склоняться и ряд историков-аграрников. Попытка встраивания аграрного развития России в более широкий исторический контекст породила две аграрные интерпретации теории модернизации. Это

концепция капитализации М.А. Безнина и Т.М. Димони [9] и концепция «аграрного перехода» Г.Е. Корнилова [10].

Сторонники данного подхода считают, что коллективизация являлась, хотя и ни лишенным издержек, этапом объективно необходимой модернизации аграрного строя России. По их мнению, нэп к концу 1920-х гг. исчерпал свои возможности, а крестьянское хозяйство не создавало возможностей для устойчивого поступательного развития аграрной экономики, а тем более для объективно необходимого стране модернизационного рывка.

Реальному, а не мифическому нэпу действительно были присущи имманентные институционные характеристики, которые сдерживали развитие сельского хозяйства. К ним прежде всего относится мелко-товарность крестьянского хозяйства. Именно она стала причиной возникновения в стране в условиях нэпа зерновой проблемы. Высокотоварные помещичьи и крестьянские предпринимательские хозяйства в ходе аграрной революции, акторами которой являлись крестьяне, были ликвидированы. В результате экспорт зерновых из СССР даже в самые урожайные годы не превышал и четверти его дореволюционного объема [11, с. 219], а в неблагоприятные годы хлеба едва хватало для внутреннего потребления.

Доказательством издержек аграрной экономики периода нэпа является и ситуация, сложившаяся в Сибири в сфере промышленного маслоделия. В 1909–1913 гг. регион поставлял 16 % мирового экспорта животного масла и 60 % – российского [12, с. 162]. П.А. Столыпин в 1910 г. заявлял: «Сибирское маслоделие дает золота вдвое больше, чем вся сибирская золотопромышленность»¹. Высокий уровень товарности молочного животноводства обеспечивали зажиточные (многокоровные) крестьянские хозяйства. На смену им в 1920-е гг. пришли мелкотоварные дворы с относительно небольшим количеством коров. В результате достигнутый в 1926/27 г. максимальный за годы нэпа объем товарного производства животного масла в Сибири составил 62 % от уровня 1913 г. [13, с. 256].

Необходимость модернизации аграрной экономики в конце 1920-х гг. была очевидна многим современникам. Данной точки зрения придерживался Н.Д. Кондратьев, предлагавший либеральный путь перестройки сельского хозяйства. Он считал, что необходимо снять ограничители пределов роста крестьянских хозяйств и сделать ставку на развитие наиболее состоятельных из них. Именно в крупных, по существу фермерских, хозяйствах, широко применявших наемный труд, достигались более высокие производительность, товарность и степень накопления капитала. В них интенсивно формируются финансовые ресурсы, которые используются их владельцами для интенсификации производства и внедрения агротехнологических новаций. Что же касается бедноты, то она создает надежную базу для пополнения рядов

¹ Вопросы колонизации. 1911. № 8. С. 357.

сельскохозяйственных и промышленных рабочих, и это также необходимо для развития народного хозяйства [14, с. 17].

Теоретики организационно-производственной школы российской аграрной науки («неонародники»), наиболее видным представителем которой являлся А.В. Чаянов, также не были сторонниками консервации существующих аграрных отношений. Они предлагали провести достаточно радикальную ее перестройку на базе кооперативной коллективизации и агротехнической («зеленой») революции, которые должны были способствовать существенному увеличению товарности семейных (фактически мелкофермерских) крестьянских дворохозяйств [14, с. 18].

Аграрники-марксисты предлагали путь не кооперативной, а производственной коллективизации деревни. По их мнению, объединение крестьян в производственные кооперативы позволяло широко внедрить в сельское хозяйство новейшие технические достижения (тракторы с соответствующим шлейфом орудий, комбайны и другие уборочные машины, доильные аппараты, кормораздатчики, инкубаторы и т. п.), превратить аграрный труд в разновидность индустриального и за счет этого резко повысить его производительность и товарность. Не менее, а может, более важным фактором роста производительности труда в коллективных хозяйствах должно стать его освобождение от эксплуатации [14, с. 18].

Наиболее отработанным в общественной практике мировой цивилизации был способ решения аграрного вопроса, поддерживаемый Н.Д. Кондратьевым. Развитые страны Запада, аграрный строй которых базировался на высокоразвитом капиталистическом фермерском хозяйстве, доказали его эффективность. Однако этот вариант был абсолютно неприемлем для большевистского руководства страной по идеологическим соображениям. Но он был отторгаем и большинством крестьянства, поскольку ломал достижения общинной революции конца 1910-х гг.

Крестьянству была ближе чаяновская модель, хотя в ее рамках также фактически предполагалась ликвидация традиционной крестьянской общины. Следует отметить, что реализация данной модели требовала значительных капитальных вложений, а следовательно, приостановки темпов индустриализации.

Пришедшие к власти в России в 1917 г. большевики в качестве неперемennого условия социалистической реконструкции сельского хозяйства рассматривали его обобществление. Однако после перехода к нэпу решение задачи коллективизации деревни отодвигалось на отдаленную перспективу. Считалось, что «мелкое» крестьянское хозяйство «еще долго» будет оставаться основной организационно-производственной структурой сельского хозяйства. В связи с этим центральные и региональные власти не отвергали предложений представителей организационно-производственной школы и использовали их в текущей аграрной политике и даже в перспективном планировании [15]. Более того, существует точка зрения, что знаменитая статья

В.И. Ленина «О кооперации» написана под непосредственным воздействием чаяновской теории.

Однако в конце 1920-х гг. сталинское большинство в ЦК ВКП(б) пришло к выводу, что мелкотоварное аграрное производство перестало отвечать задачам ускоренной модернизации страны. XV съезд ВКП(б) в качестве основной задачи партии в деревне поставил задачу «объединения и преобразования мелких индивидуальных хозяйств в крупные коллективы». Осуществить коллективизацию планировалось на основе так называемого ленинского кооперативного плана. Производственная кооперация в резолюции XV съезда «О работе в деревне определялась «наилучшей формой экономического массового объединения крестьянства, <...> формой его хозяйственного и культурно-политического перевоспитания». При этом основным методом организации производства и заготовок сельхозпродукции должна была стать осуществляемая кооперацией контрактация [16, с. 299].

Предусмотренные в общегосударственных и региональных планах уровни коллективизации деревни постоянно корректировались в сторону повышения. В разработанном в Госплане СССР первом пятилетнем плане (1928/29–1932/33 гг.) в Сибирском крае предполагалось к 1 октября 1933 г. объединить в колхозы 14,5 % крестьянских хозяйств [17, с. 260]. В принятом 5 января 1930 г. постановлении ЦК «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» планировалось завершить ее в основном в главных зерновых районах (Северный Кавказ, Нижнее и Среднее Поволжье) «осенью 1930 г. или во всяком случае весной 1931 г.», а в других зерновых районах (в том числе в Сибири) – осенью 1931 – весной 1932 г., в незерновых районах (в том числе на Дальнем Востоке) – к весне 1933 г. [18, с. 72]. В регионах, с одобрения Центра, этот процесс решили еще более ускорить. 2 февраля 1930 г. Сибкрайком ВКП(б) по инициативе его первого секретаря Р.И. Эйхе выдвинул задачу завершения коллективизации весной текущего года [19, с. 6–7].

Помимо установок на достижение того или иного уровня коллективизации были разработаны и конкретные проекты модернизации сельского хозяйства на базе его обобществления. В Сибири таким проектом стала аграрная составляющая «Генерального плана развития народного хозяйства Сибирского края» [20, 21, 22].

Организационно-производственная структура будущего сельского хозяйства региона в соответствии с этим проектом должна была представлять собой систему агроиндустриальных комбинатов (АИКов), которые представляли собой объединение хозяйственных ячеек в виде колхозов, совхозов и перерабатывающих предприятий, обладающих совместной управленческой, энергетической, транспортной и другой инфраструктурой. Каждый комбинат имел специализацию, в целом соответствующую специализации сельскохозяйственного района, на территории которого он находился.

Специалистами сельхозсекции Сибплана были разработаны пять подробных проектов АИК, которые рассматривались как типовые [23, с. 72–85]. Так, ведущей отраслью хозяйства Шипуновского АИК Рубцовского округа должно было стать производство пшеницы. На ее отходах следовало развивать птицеводство. В севообороты в качестве пропашной культуры вводилась соя. Отходы ее переработки, сеяные травы, окультуренные сенокосы и естественные выпасы создавали кормовую базу для разведения крупного рогатого скота мясного направления. Менее продуктивные пастбища предназначались для овцеводства. Организационно АИК состоял из базового зерносовхоза, семи крупных колхозов, птицеводческого и овцеводческого хозяйств. На центральной усадьбе совхоза, расположенной на железнодорожной станции, находились большое мельпредприятие, зернохранилище, маслоперерабатывающий (соевый) завод, холодильник, электростанция и ремонтный завод (отдельные мастерские строились и в колхозах).

Объединение колхозов, совхозов и перерабатывающих предприятий в единые производственные комплексы рассматривалось как гарантия существенного наращивания валового и товарного производства сельскохозяйственной продукции. В Генеральном плане намечалось к концу 1930-х – началу 1940-х гг. увеличить посевные площади в 3,9 раза, посевы пшеницы – в 2,4, льна – в 6,4, поголовье крупного рогатого скота – в 3,3, коров – в 3,5, овец – в 2,3, свиней – в 4,1, валовое производство зерновых – в 3,5 раза, молока – в 8 раз, животного масла – в 15 раз [24, с. 262]. Следует отметить, что построение развитого аграрно-индустриального общества в деревне непосредственной целью большевистского руководства не являлось. Наращивание производства должно было привести к многократному увеличению объемов и стоимости сельскохозяйственного экспорта и таким образом обеспечить необходимыми средствами ускоренное развитие тяжелой промышленности.

В конце зимы 1930 г. темпы коллективизации соответствовали самым смелым предположениям. В начале марта в Сибири и в СССР в целом в колхозах числилось более половины крестьянских хозяйств. Результатом «большевистского натиска» стало резкое падение производительных сил сельскохозяйственного производства, особенно ошутимое в животноводстве. С тем чтобы окончательно не уничтожить аграрный сектор экономики, власти скорректировали свою политику по отношению к деревне. Насильственные методы коллективизации были официально дезавуированы. И крестьяне в массовом порядке из колхозов стали выходить.

Отступление режима имело тактический характер. В начале 1931 г. массовая коллективизация возобновилась. К концу года членами колхозов стало 60 % крестьянских дворов в Сибири и 62 % в стране в целом. Таким образом, уже в течение 1931 г. аграрная экономика Сибири и России перестала быть крестьянской, а крестьянское хозяйство – ее базовой производственной ячейкой. 80 %-ный уровень коллек-

тивизация, который определялся как ее «завершение в основном», был достигнут в начале 1935 г. [25, с. 319, 361; 2, с. 196, 314].

Однако грандиозные планы по наращиванию сельхозпроизводства провалились. Коллективизация не только не способствовала подъему сельского хозяйства, но, напротив, в краткосрочной перспективе привела к падению производительных сил, особенно глубокому – в животноводстве. В среднесрочной перспективе к концу 1930-х гг. удалось добиться наращивания по сравнению с концом 1920-х гг. посевных площадей и валовых сборов. Однако восстали поголовье скота так и не удалось. Кроме того, форсированная коллективизация привела к ухудшению качественных показателей производства (урожайности, продуктивности). Вместе с тем обеспечиваемый жестким внеэкономическим принуждением уровень отчуждения сельхозпродуктов («принудительная товарность») существенно вырос. Базовым инструментом сверхнормативного изъятия сельхозпродукции стали колхозы, которые потеряли свою изначальную кооперативную сущность. Колхозы, к которым в качестве фактически бесплатной рабочей силы прикреплялись бывшие крестьяне, с одной стороны, находились под жестким административным, финансовым и технологическим диктатом государства, а с другой – функционировали на принципах самокупаемости, осуществляемой в условиях абсолютно неэквивалентного и принудительного обмена.

Сложные сельхозмашины находились на машинно-тракторных станциях (МТС), которые на возмездной основе, взимаемой в форме натуральной оплаты, занимались производственно-техническим обслуживанием колхозов. Помимо выполнения механизированных работ на МТС возлагалось осуществление так называемой организационной помощи колхозам. Они контролировали практически все стороны колхозной жизни – производство, учет труда, распределение дохода, в директивном порядке определяли агротехнику. Неотъемлемой составляющей колхозной системы были личные приусадебные хозяйства (ЛПХ). Несмотря на мизерные размеры, они являлись для владельцев основным источником существования. Кроме того, значительная часть ресурсов ЛПХ расходовалась на покрытие натурально-денежных обязательств крестьян перед режимом.

Утвердившийся в масштабах всей страны аграрный строй отличался внеэкономическим принуждением, применяемым в качестве основного способа изъятия земельной ренты, и рефеодализацией системы налогообложения деревни, которая заключалась в возврате к сословности обложения, натуральным и отработочным его формам. Таким образом, в ходе сплошной коллективизации в аграрной сфере в СССР сформировалась система, которую некоторые публицисты и даже исследователи определяют как «агрогулаг».

Реальный сталинский аграрный социализм, таким образом, радикально отличался от того, каким он в кон-

це 1920-х гг. представлялся марксистским теоретикам. В связи с этим возникает вопрос, не использовалась ли картина, нарисованная, в частности, в вышеупомянутом «Генеральном плане развития народного хозяйства Сибирского края», как отвлекающая пиар-акция, прикрывающая действительные планы И.В. Сталина, изначально сделавшего ставку на построение «агро-гулага».

В этом абсолютно уверены адепты теории тоталитаризма, которые, если несколько утрировать их взгляды, считают, что Сталин уже в 1922 г. имел четкий поэтапный план действий на ближайшие 20 лет: 1) устранить, в том числе и физически, своих соперников, добиться абсолютной власти в партии и государстве; 2) «загнать» крестьян в «арогулаг»; 3) за счет их ограбления провести милитаризованную индустриализацию; 4) на созданных в ее ходе заводах выпустить тысячи танков; 5) и затем двинуться на них к Ла-Маншу. Причем этот план в значительной степени удался. За исключением того, что Гитлер не стал ждать советской агрессии и напал первым.

Фактически тождественную точку зрения имеют и многие сторонники концепции модернизации. По их мнению, И.В. Сталин изначально видел в создаваемом колхозном строе инструмент внеэкономической перекачки ресурсов из аграрной сферы в индустриальную. Принципиальные отличия двух вышеперечисленных позиций заключается в формулировке конечных целей Сталина: завоевании мирового господства или сохранении суверенитета страны в условиях враждебного окружения. Естественно, что во втором случае танки были необходимы не для агрессии, а для обороны.

Нам представляется, что И.В. Сталин и его окружение в высших эшелонах власти, начиная форсированную коллективизацию, все-таки верили в благотворное влияние массового колхозно-совхозного строительства на сельское хозяйство. И задача осуществления индустриализации за счет фактического ограбления деревни и тем более голодомора первоначально не ставилась.

Вера в успех коллективизации базировалась в том числе и на убеждении, что она будет поддержана абсолютным большинством сельских жителей. В своих ожиданиях ответной реакции крестьянства на коллективизацию власть исходила из догматических представлений о социально-классовой дифференциации деревни. Крестьянство не едино и разделено на три социальные группы: бедняков, середняков и кулаков. Сельский пролетариат и полупролетариат, оставаясь опорой пролетарского государства в деревне, вступит в колхозы и в благодарность за освобождение от «вековечной нужды и кабалы» будет работать в них «не покладая рук». Совмещающее в своей природе черты труженика и собственника среднее крестьянство может колебаться и попасть под влияние кулаков. Кулачество, однозначно определяемое большевистскими теоретиками как сельская буржуазия, «чувствуя неминуемую гибель», будет «ожесточено сопротивляться наступлению социализма в деревне».

Окончательно сломить сопротивление кулачества можно только путем его ликвидации как класса. При этом раскулачивание даст не только политический, но и вполне осязаемый хозяйственный эффект. Колхозам требуется стартовое имущество. И взять его можно у зажиточных крестьян, использовав их потом для освоения новых территорий. Нейтрализация кулацкого влияния на середняков и лишение их собственности позволит в полной мере раскрыть потенциал средних слоев как тружеников.

Однако поведенческая реакция большинства крестьянства на проводимый над ними социальный эксперимент оказалась неожиданной для теоретиков и практиков большевистского режима. Так, после официального провозглашения курса на коллективизацию в деревне начался массовый забой скота, в котором участвовали крестьяне всех социальных групп и политических ориентаций, включая советских активистов [26, с. 472]. Одним из оснований для принятия решения о форсировании колхозного строительства было в том числе и желание властей спасти скот от истребления.

Высокая доля коммун среди колхозов являлась не только следствием установок местных властей на поддержку данной формы колхозного строительства, но и убеждения крестьян в том, что коммунары за счет государственных средств будут, как и рабочие, получать 12 «урожаев» (зарплат) в год. Посланные в деревню уполномоченные отмечали «собезначеское» отношение крестьян не только к коммунарам, но к сельхозартелям. Колхозники были уверены в том, что государство даст им необходимые материальные и финансовые ресурсы, что позволило бы повысить материальное благосостояние, не прикладывая особых трудовых усилий. Однако государство, уверенное в высоком производственном потенциале колхозов, намеревалось получить от колхозной деревни сельхозпродукции больше, чем оно получало до начала массовой коллективизации. При этом невыполнение заготовительных планов воспринималось как проявление «кулацкого саботажа» и пресекалось административными и репрессивными мерами. Колхозы необходимого для государства количества продукции не производили и были вынуждены выполнять планы заготовок за счет своих семенных, кормовых, страховых и потребительских фондов.

Поскольку практически всю производимую продукцию изымало государство, то ресурсы для оплаты труда своих членов у колхозов отсутствовали. Практически ничего не получающие за свой труд колхозники фактически устроили на «общественных» полях и фермах «итальянскую» забастовку [7, с. 131–134]. Кроме «итальянки», массовый характер приобрело бегство из деревни. Широкое распространение получили хищения колхозного имущества, прежде всего хлеба. Сельские жители пытались похитить зерно везде, где отсутствовала охрана, выкашивая его на полях, срезая колосья, собирая на стерне, забирая из скирд, возков, токов и амбаров. При этом массовый характер хищений в начале 1930-х гг. стал производным не только и

не столько от традиционного крестьянского менталитета, а представлял собой попытку крестьян спасти себя и свои семьи от реально грозящего им голода.

В начале 1930-х гг. причины такого поведения власть видела в продолжающемся влиянии на деревню до конца и не «выкорчеванных» из нее кулаков. В связи с этим политика «ликвидации кулачества как класса» продолжилась. Раскулачиванию и депортации подлежали все бывшие (в том числе бежавшие в город) или вновь выявленные кулаки.

Следует отметить, что убежденность в том, что кулачество является особой группой крестьянства, имеющей специфические черты менталитета и экономического поведения, из идеологических установок большевистской партии переключались в современную, причем антибольшевистскую публицистику и историографию. Итогом раскулачивания, по мнению ряда современных критиков сталинской аграрной революции сверху, стало «уничтожение самого трудолюбивого и экономически перспективного слоя в крестьянстве» [27, с. 34]. Если исходить из этой логики, то все незажиточные селяне были лодырями. Конечно, социальные аутсайдеры в деревне были, однако большинство крестьян были зажиточными или бедными не только и не столько в силу степени своего трудолюбия.

С точки зрения теоретиков организационно-производственной школы [28, с. 20–31; 29, с. 471], которую мы разделяем, имущественная дифференциация крестьянства во многом детерминировалась их демографической дифференциацией (различиями отдельных хозяйств по размеру и составу семьи). Малолюдное хозяйство, как правило, являлось маломощным, а многолюдное – более зажиточным. При этом крестьянское семейное дворохозяйство вероятным образом переживало ряд этапов в своем развитии. Молодая семья, состоявшая из мужа, жены и малолетних детей, была относительно бедной. По мере вовлечения в трудовую деятельность детей происходило наращивание ее состоятельности. Женитьба сыновей и появление нескольких молодых семей в составе материнского хозяйства чаще всего приводило к его превращению в зажиточное. Раздел означал возникновение новых, значительно менее состоятельных хозяйств. Таким образом, крестьянин мог за свою жизнь пройти несколько стадий имущественной состоятельности – от бедности до зажиточности и снова до бедности. В условиях нэпа капиталистическое разложение крестьянства прекратилось и зависимость имущественной дифференциации от демографической стала еще более жесткой. Под раскулачивание в своем большинстве попали не те крестьяне, которые были более трудолюбивыми, чем другие, а те, у которых семьи на тот момент были больше.

Таким образом, политика коллективизации и раскулачивания имела идеологическое основание. Однако для И.В. Сталина и его соратников марксистские концепции не были «священной коровой». Внешне оставаясь их приверженцами, они из прагматических оснований или политической целесообразности могли

отказаться от того или иного доктринального положения или по-другому его интерпретировать. Так, материальная, техническая и политическая невозможность в конкретно-исторических условиях соединения сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности через создание АИКов получила идеологическое объяснение. Партия якобы отказалась от их строительства, поскольку в идее агроиндустриальных комбинатов были заложены «грубейшие политические ошибки, заключающиеся в основном в грубом нарушении принципа самостоятельности колхозов и совхозов, в гигантомании, в перепрыгивании через важнейший этап социалистического строительства – этап объединения мелких крестьянских хозяйств в артель-село»².

Лидеры большевистского режима в конечном итоге пришли к выводу, что их планам по социалистической реконструкции деревни противостоят не только кулаки, но и большая часть крестьян. Несмотря на сохранение антикулацкой риторики, с 1932 г. основным объектом репрессивной политики стало крестьянство в целом, против которого были направлены и «закон о колосках», и паспортная система. Следует отметить, что репрессии частично купировали, но не ликвидировали негативные, с точки зрения режима, формы поведения сельских тружеников. Хищения, работа «спустя рукава», невиданная до того бесхозяйственность оставались имманентно присущими родовыми чертами аграрного строя сталинского социализма. Слоган «Не свое – колхозное» на многие годы стал своеобразным *modus vivendi* значительной части членов колхозов.

Показателем пересмотра позиций части правящей верхушки и лично И.В. Сталина на перспективы и методы социалистической реконструкции деревни можно считать и окончательный отказ от рудиментов «ленинского кооперативного плана». В феврале 1932 г. упразднили сельскохозяйственную кооперацию, а ранее закрепленную за ней функцию заготовок передали государственным заготторганизациям [30, с. 90]. В декабре 1932 г. ликвидировали Колхозцентр, а также специализированные, региональные и районные колхозсоюзы [31, с. 890]. Руководство колхозами передавалось в руки Наркомата земледелия СССР и его органов. В конце 1932 – начале 1933 г. была отменена контрактационная система. Вместо нее вводились имеющие налоговый характер обязательные поставки основных видов сельхозпродукции [32, с. 107, 119].

Таким образом, предпринятый большевистским режимом эксперимент не удался в силу противодействия ему со стороны крестьянства, традиционные ментальные основы жизнедеятельности которого не были учтены при разработке планов социалистической реконструкции сельского хозяйства. И когда крестьянство своим экономическим поведением фактически блокировало реализацию агроиндустриального проекта, тогда реальное воплощение этого проекта, а затем и идеологическое обоснование радикально поменяли.

² Жизнь Сибири. 1931. № 1. С. 9.

При этом некоторые из высокопоставленных представителей большевистской политической элиты воспринимали реально существующую колхозную систему как временное отступление от идеальной социалистической модели. Именно этими убеждениями руководствовался Н.С. Хрущев, в 1951 г. предложивший вернуться к воплощению идеи агрогородов³, а после прихода к власти стремившийся перестроить доставшийся ему в наследство аграрный строй. И.В. Сталин, напротив, по нашему мнению, воспринимал сформировавшийся в ходе массовой коллективизации аграрный строй как утвердившийся «всерьез и надолго», поскольку, по его мнению, он применительно к российским условиям оптимально отвечал решению стоящих перед страной геостратегических задач. Именно поэтому он подверг вышеупомянутое предложение Хрущева разгромной критике [33, с. 24–25].

И.В. Сталин, будучи абсолютным правителем СССР, внес решающий вклад в формулирование целей, осуществление и интерпретацию итогов массовой коллективизации. В процессе ее проведения он фактически отказался от ряда марксистских доктринальных установок. Однако многие его внешне прагматические действия имели идеологический фундамент. Диктатор с либеральным контентом в голове (à la Пиночет) поступал бы в подобных обстоятельствах по-другому. Следует также иметь в виду убежденность Сталина в действенности методов реализации политики, которые можно определить как большевистские. При этом речь идет не только о левом радикализме и методах прямого насилия. «Шоковая терапия» и в 1922 г., и в 1992 г. осуществлялась большевистскими методами. В проводимой под руководством И.В. Сталина аграрной политике сочетались прагматизм, догматизм/идеализм и большевизм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трапезников С.П. Ленинизм аграрно-крестьянский вопрос. Изд. 3-е доп., М., 1983.
2. История советского крестьянства. М., 1986. Т. 2: Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937.
3. Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1983.
4. Данилов В.П. Коллективизация: как это было // Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки. М., 1988.
5. Данилов В.П. Введение (истоки и начало деревенской трагедии) // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: документы и материалы: в 5 т. 1927–1939. М., 1999. Т. 1: Май 1927 – ноябрь 1929.
6. Гуцин Н.Я. «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, 1996.
7. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008.
8. Алексеев В.В. Российская революция в контексте теории модернизации (постановка проблемы) // Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории. XVII–XX вв. Новосибирск, 1999.
9. Безнин М.А., Димони Т.М. Капитализация в российской деревне 1930–1980-х годов. Вологда, 2005.
10. Корнилов Г.Е. Аграрная модернизация России в XX в.: региональный аспект // Уральский исторический вестник. 2008. № 2.
11. Ильиных В.А. Коммерция на хлебном фронте (государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921–1927 гг.). Новосибирск, 1992.
12. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков: конец XIX – начало XX. Новосибирск, 1967.
13. Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.). Новосибирск, 2005.
14. Ильиных В.А. Нэп: поиск оптимальной модели реформирования аграрного строя // Экономическая история. 2012. № 1.
15. Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. Очерки истории. Новосибирск, 2008. Раздел IV.
16. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. М., 1984. Т. 4.
17. Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. М., 1929. Т. III.
18. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. М., 1985. Т. 5.
19. Коллективизация сибирской деревни. Январь–май 1930 г. Новосибирск, 2009.
20. Материалы к Генеральному плану развития народного хозяйства Сибирского края. Новосибирск, 1930. Ч. I: Пути развития Сибирского края.
21. Материалы к Генеральному плану развития народного хозяйства Сибирского края. Новосибирск, 1930. Ч. IV: Сельское хозяйство.
22. Материалы к Генеральному плану развития народного хозяйства Сибирского края. Новосибирск, 1930. Ч. IX: Экспорт.
23. Материалы к пятилетнему плану развития народного хозяйства и культурного строительства Сибирского края. Новосибирск, 1930.
24. Сибирь: проекты XX века (начинания и реальность) / Долголюк А.А., Ильиных В.А., Ламин В.А. и др. Новосибирск, 2002.
25. Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. (социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973.
26. Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг. Новосибирск, 2011.
27. Российский гуманитарный энциклопедический словарь. М., 2002. Т. 3.
28. Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства. М., 1925.
29. Огановский Н.П. Закономерность аграрной революции. Саратов, 1911. Т. II.
30. Ильиных В.А. Реорганизация системы сельскохозяйственной кооперации в конце 1920-х – начале 1930-х гг. // Кооперация Сибири: проблемы истории, экономики и социальных отношений. Новосибирск, 2009. Вып. 6.
31. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы в 5 томах. 1927–1939. М., 2001. Т. 3: Конец 1930–1933.
32. Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004.
33. Андреев С.Н. Аграрные преобразования в Западной Сибири в 1953–1954 гг. Новосибирск, 2007.

Статья поступила
в редакцию 07.05.2013

³ Правда. 1951. 4 марта.

УДК 94(47).084.6

В.В. КОНДРАШИН

ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СССР В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

д-р ист. наук,
Пензенский государственный педагогический
университет им. В.Г. Белинского
e-mail: vikont37@yandex.ru

В статье характеризуются причины, механизм, последствия принудительных хлебозаготовок в СССР в годы первой пятилетки. На основе документов Архива Президента РФ и других источников показана роль И.В. Сталина в проведении политики хлебозаготовок, анализируются их региональные особенности и другие важные аспекты.

Ключевые слова: хлебозаготовки, коллективизация, аграрная политика, феномен сталинизма, репрессии, индустриализация, экспорт зерна, голод.

Одной из актуальных и дискуссионных проблем современной российской и зарубежной историографии является феномен сталинизма в истории России XX в. Его объяснение невозможно без глубокого и всестороннего изучения всего доступного исследователям комплекса исторических источников, анализа на их основе ключевых аспектов проблемы. Такая попытка осуществлена автором настоящей статьи, анализирующим хлебозаготовительную политику в СССР в годы первой пятилетки и ее результаты. Эта политика напрямую была связана с причинами утверждения в СССР сталинского режима, его стабилизации в 1930-е гг.

Основным содержанием внутренней политики сталинизма в период его становления была форсированная индустриализация за счет внутренних ресурсов страны. В годы первой пятилетки важнейшим из них стал хлеб. Ради его получения в нужных объемах и в кратчайшие сроки была осуществлена в 1930 г. сплошная коллективизация в основных зерновых районах страны. Затем в этих и других регионах в 1930–1932 гг. были проведены принудительные хлебозаготовки. Этой теме посвящена обширная литература, в том числе уникальные документальные публикации, выполненные в рамках различных международных проектов (см., напр.: [1; 2]). Но специальные и обобщающие работы отсутствуют.

Данная статья в определенной мере восполняет имеющийся пробел. В ней характеризуются причины, механизм, региональные особенности и последствия хлебозаготовительной политики в СССР в годы первой пятилетки на основе анализа разнообразного комплекса источников, в том числе из ранее недоступных для исследователей фондов Архива Президента Российской Федерации (АП РФ). Это тематические папки о хлебозаготовках, представляющие собой рабочие ма-

териалы к решениям Политбюро ЦК ВКП(б) по данной проблеме в 1929–1933 гг., общим объемом более 8 тыс. листов. Среди них представляют интерес докладные записки партийных лидеров регионов о проблемах с хлебозаготовками, оценки этих документов назначенными Сталиным экспертами (руководителями Комитета заготовок при СТО–СНК СССР, Наркомснаба, Наркомзема и т. д.), его переписка по данным вопросам и т. д. На многих документах имеются резолюции и записи вождя, а также его ближайшего окружения (В.М. Молотова, Л.М. Кагановича и др.).

Наряду с документами АП РФ автором статьи изучены и документы других центральных и ведомственных архивов (РГАСПИ, РГАЭ, ГА РФ, ЦА ФСБ, АВП), а также опубликованные материалы. Все эти источники подтверждают и детализируют устоявшийся в историографии вывод о том, что хлебозаготовительная политика сталинского руководства в годы первой пятилетки обеспечивала ресурсами индустриальное развитие страны. Она осуществлялась с помощью административно-репрессивного ресурса государства. В рассматриваемый период заготовки хлеба в стране превратились в принудительные по отношению к советскому крестьянству.

Объективной причиной этого было несбалансированное развитие промышленности и сельского хозяйства в результате последствий Первой мировой войны, революции 1917 г. и Гражданской войны. С одной стороны, они подорвали народное хозяйство, а с другой – привели к возрождению в аграрном секторе экономики крестьянского полунатурального хозяйства. В силу своей низкой товарности, ориентации на удовлетворение собственных нужд крестьянское хозяйство не обеспечивало растущих потребностей промышленного развития страны, внутренних источников для не-

обходимой индустриализации. Ситуация осложнилась неблагоприятными погодными условиями (засухами 1924, 1927 и 1929 гг.), а также ухудшением международной обстановки во второй половине 1920-х гг.

Субъективной причиной усугубления хлебозаготовительных трудностей в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг. стала аграрная политика Советского государства, определяемая острейшей внутрипартийной борьбой за власть между сталинской группировкой и ее оппонентами – «правой оппозицией» [3].

Анализ комплекса источников показал, что программа «правой оппозиции» («бухаринская альтернатива») была неосуществимой, поскольку предусматривала снижение темпов индустриализации. А это было уже невозможно. В 1929 г. «локомотив индустриализации» набрал высокие темпы. Реализация предложений правых означала бы его замедление, поскольку на практике потребовалось бы заморозить основные стройки, распустить рабочих, специалистов, в том числе иностранных, и т. п. Чтобы не допустить этого, требовались «быстрые деньги» (валюта) для закупки оборудования в западных странах, а получить их можно было только за счет внутренних ресурсов. Других каналов их поступления из-за финансовой блокады СССР, неблагоприятной международной обстановки в 1929 г. для его руководства не существовало. Дать «быстрые деньги» могли лишь крупные хозяйства – колхозы, показавшие высокую товарность в период кризиса хлебозаготовок в 1927–1928 гг. Ради их получения сталинское руководство и пошло в 1929–1930-х гг. на коллективизацию в основных зерновых регионах страны. Она была проведена в спешке, с огромными издержками и с применением насилия над крестьянством. Одновременно с помощью принудительных хлебозаготовок в 1929–1932 гг. были получены значительные ресурсы для нужд индустриализации, прежде всего за счет экспорта зерновых культур.

Известно, что наряду с вывозом хлеба в годы первой пятилетки использовались и другие каналы поступления валюты (экспорт леса, пушнины, Торгсин и т. д.). Но они были более трудоемкими с точки зрения объемов, темпов вывоза, времени организации (например, Торгсин). В 1930 г. именно зерновой экспорт (5 млн т) позволил оперативно получить значительные валютные ресурсы для первоочередных нужд. Народная поговорка «Хороша ложка к обеду» очень точно характеризует сложившуюся ситуацию. Всего за годы первой пятилетки из СССР было экспортировано свыше 12 млн т хлебных культур. Вырученные от их продажи деньги составили 442 109 тыс. руб.¹ Иными словами, была выполнена главная задача, ради которой проводились хлебозаготовки и сама насильственная коллективизация, – поддержание и ускорение темпов форсированной индустриализации.

Выявленные нами источники свидетельствуют, что с 1929 по 1932 г. между СССР и ведущими стра-

нами Западной Европы осуществлялось взаимовыгодное экономическое сотрудничество. Массовый завоз в Западную Европу советского зерна вызвал протест конкурентов, поскольку их оттеснили с уже ставших традиционными рынков сбыта сельскохозяйственной продукции. Среди «недовольных» оказались аграрные страны Европы (Румыния, Польша и др.), а также заокеанские поставщики (Аргентина, Австралия и др.). Они выступили единым фронтом против «русского демпинга», чтобы его остановить, создав «аграрный блок»². Но их позиция не получила поддержки главных европейских импортеров зерна. Они заняли сторону Советского Союза в данном конфликте³.

Главным аргументом СССР в пользу его права торговать зерном в Европе была ссылка на дореволюционный опыт, тогда Россия поставляла в европейские страны значительную часть необходимых им зерновых ресурсов (50 % ржи и т. д.)⁴. Сталинское руководство стремилось вернуть СССР прежние позиции царской России в этом вопросе, рассматривая эту задачу в качестве первоочередной. Квота СССР на западноевропейских рынках зерна должна была составить не менее 5 млн т в год. Такая линия последовательно проводилась на международных конференциях по экспорту сельскохозяйственных культур⁵.

Хлеб из Советского Союза поступал в Западную Европу в обмен на валюту и станки. Выгода от этой операции была обоюдной. Фактически СССР помог своим торговым партнерам выйти из экономического кризиса с помощью своих заказов. Они покупали у Советского Союза хлеб за валюту, которая потом возвращалась в качестве оплаты за поставленное промышленное оборудование. Таким образом, промышленно развитые европейские страны, торговавшие с СССР в рассматриваемый период, несут свою долю ответственности за утверждение в Советском Союзе сталинского режима.

Негативные последствия принудительных хлебозаготовок для сельского хозяйства страны и ее населения, в первую очередь крестьянства, абсолютно очевидны. Хлебозаготовки наряду с коллективизацией подорвали животноводство страны, ухудшили продовольственное обеспечение населения, вызвали смертный голод, привели к созданию в СССР малоэффективного сельского хозяйства, в котором работники – колхозные крестьяне – оказались не заинтересованы в добросовестном труде на земле. В долгосрочной перспективе это было чревато серьезными негативными последствиями, подтверждением чему стала вся последующая история сельского хозяйства СССР, так и не сумевшего преодолеть «родовые пятна» сталинской коллективизации.

Негативные последствия коллективизации и хлебозаготовок не были запланированы высшим руко-

² РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 12. Л. 24.

³ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 54. Оп. 1. П. 1. Д. 9. Л. 15–19.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 95, 99.

⁵ АВП РФ. Ф. 54. Оп. 1. П. 1. Д. 4. Л. 159; Д. 9. Л. 8; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 41–42, 111, 120.

¹ Социалистическое строительство СССР : стат. ежегодник. М., 1936. С. 687.

водством. Сталин не хотел и не планировал голода в стране, развала сельского хозяйства, ухудшения материального благосостояния советских людей. Но он стал заложником созданной им и его соратниками административно-командной системы управления народным хозяйством, ориентированной на завышенные с точки зрения реальных возможностей экономики плановые задания. Механизм планирования хлебозаготовок был несовершенным, базировался на волонтаризме исполнителей, которые, выполняя политический заказ власти, «подстегивали» сельскохозяйственное производство завышенными планами госпоставок сельскохозяйственной продукции.

Так, в 1932 г. Наркомзем СССР, отвечавший за «управление сельским хозяйством» страны, в угоду сталинскому курсу на выкачивание любой ценой ресурсов из советской деревни занял заведомо ложную позицию в главном вопросе – о размерах урожая зерновых хлебов⁶. Вопреки мнению специалистов ЦУНХУ СССР руководство Наркомзема указало завышенные цифры урожая. При этом были подвергнуты репрессиям специалисты ЦУНХУ СССР, не согласные с ними.

Таким образом, планы хлебозаготовок в годы первой пятилетки были явно завышены, поскольку основывались на несовершенной статистической базе данных о посевных площадях и урожайности в рассматриваемый период. Кроме того, планирование базировалось на политическом факторе – убежденности сталинского руководства и бюрократического аппарата управления сельским хозяйством в силе своего административно-репрессивного и идеологического ресурса, способного обеспечить выполнение любого плана хлебозаготовок, если от этого зависела судьба «генеральной линии партии».

Бюрократическая неразбериха порождала серьезные проблемы в контроле над ходом выполнения хлебозаготовок и над полученным результатом – заготовленным хлебом, поскольку контроль осуществляли разные ведомства. Например, в докладной записке заместителя председателя ОГПУ СССР И.А. Акулова секретарю ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановичу от 11 ноября 1931 г. констатировалось, что отчетность по хлебозаготовкам у Союзхлеба, Хлебживцентра и Тракторцентра «находится в столь хаотичном состоянии», что «возможно повторение прошлогоднего разрыва между фактическим наличием хлеба и числящимся книжным остатком»⁷. По мнению Акулова, «явно неудовлетворительное состояние отчетности» в указанных учреждениях ставит Центр в ситуацию «невозможности судить о действительном наличии хлеба» в стране. Подтверждением этого заключения стал факт срыва планов хлебозаготовок в системе Тракторцентра из-за неразберихи с учетом посевных площадей⁸.

В том же ряду находились и проблемы так называемых глубинных пунктов, где хранился заготовленный в деревне хлеб. Само их возникновение было связано с растущими планами хлебозаготовок: собранный хлеб не хватало сил и времени вывозить, и он оставался на местах. Нередко при этом необходимые условия для хранения отсутствовали, хлеб гнил и терял свои кондиции⁹. Заготовка огромной массы хлеба не обеспечивалась элеваторами, сухими складскими помещениями, где можно было бы сохранить добытый тяжким трудом крестьян урожай.

Негативную роль в хлебозаготовках периода первой пятилетки сыграли явные просчеты сталинского руководства в области совхозного строительства. По его замыслу, совхозы должны были стать маяками, образцами для колхозников и единоличников в плане организации производства и высокой товарности сельскохозяйственной продукции, они должны были доказать преимущества крупного механизированного производства над мелким, основанным на ручном труде. Но результат получился обратным. В 1930–1932 гг. подавляющее большинство совхозов СССР оказалось не в состоянии выполнить спущенные им планы хлебозаготовок. Например, в материалах специальной комиссии по проверке хозяйственной деятельности совхозов, созданной в 1931 г. по инициативе Сталина, констатировалось: «Совхозы <...> фактически повисли на шее у государства, обманывали его в своей отчетности, требовали господдержки, <...> преуменьшали планы хлебосдачи и отчитывались дутыми цифрами», почти во всех из них «кормилось громадное количество людей», были установлены руководством «высокие нормы продовольствия и до невозможности разбухшие штаты», которые «съедали товарную продукцию»¹⁰. Выходом из ситуации стало сокращение совхозам СССР планов хлебозаготовок за счет повышения плановых заданий колхозам и единоличным хозяйствам. Это еще больше усугубило положение последних, особенно колхозов, поскольку именно они являлись наиболее удобной хозяйственной единицей с точки зрения выкачки ресурсов.

Столкнувшись с трудностями хлебозаготовок и крестьянским сопротивлением им, сталинское руководство пошло по пути насилия над крестьянством, используя всю мощь административно-репрессивного аппарата государства. Для этого были созданы чрезвычайные комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по хлебозаготовкам на Украине, Северном Кавказе и Нижней Волге. С помощью репрессий против крестьянства они обеспечили выполнение планов в указанных районах, нередко выгребая там хлеб «под метелку».

Источники показывают примерно единый механизм репрессий в зерновых районах СССР во второй

⁶ Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3. Оп. 40. Д. 84. Л. 104–117; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 672, РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 769. Л. 124–125.

⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 40. Д. 79. Л. 70–73.

⁸ Там же. Л. 70–73, 114–115, 163.

⁹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 40. Д. 77. Л. 41, 42, 102, 105, 111; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 31. Л. 124; РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 115. Л. 141–148.

¹⁰ АП РФ. Ф. 3. Оп. 40. Д. 78. Л. 33; Д. 79. Л. 151.

половине декабря 1932 – январе 1933 г. В наибольшей степени они коснулись тех колхозов и районов, которые хуже остальных выполняли план хлебозаготовок. При этом национальная принадлежность репрессируемых не имела никакого значения. Таким образом, региональные особенности хлебозаготовок определялись экономической специализацией регионов СССР. В наибольшей степени они коснулись основных зерновых районов страны – Украины, Северного Кавказа, Нижней и Средней Волги, Центрального Черноземья, Южного Урала, Западной Сибири.

Проанализированные документы указывают на решающую роль Сталина в выработке механизма хлебозаготовительной политики в годы первой пятилетки, его персональную ответственность за ее трагические последствия. Именно Сталин связывал все трудности хлебозаготовок с так называемым кулацким саботажем, стимулировал проведение массовых репрессий в советской деревне по его слову. Все планы хлебозаготовок утверждались при непосредственном участии Сталина. Он внимательно следил за ситуацией на местах, давил на региональных руководителей, чтобы они как можно решительнее действовали против «саботажников хлебозаготовок»¹¹. Сталин поддерживал любую инициативу с мест об ужесточении мер по борьбе с «саботажем»¹². При этом он решительно пресекал любые попытки регионов смягчить бремя хлебозаготовок¹³. Планы хлебозаготовок сокращались Центром лишь тогда, когда выяснялось, что, несмотря на мощное давление сверху, они не могли быть выполнены в полном объеме и в установленный срок. Но до этого момента из Центра – лично от Сталина и его ближайшего окружения – шли грозные директивы о необходимости выполнения плана любой ценой, и все попытки местных властей добиться его уменьшения решительно пресекались, несмотря на приводимые ими веские аргументы (недород, угроза остаться без семян и т. д.)¹⁴.

Контроль над ходом хлебозаготовительных кампаний в годы первой пятилетки сталинское руководство осуществляло при помощи специальных уполномоченных по хлебозаготовкам. Под их контролем проводились заготовки на местах, особенно тщательно проверялись отстающие районы. Назначением уполномоченных занимались самые высокие партийные чиновники, в том числе лично Сталин¹⁵.

Успех хлебозаготовительных кампаний обеспечивался действиями советского и колхозного актива, являвшегося социальной базой сталинизма в деревне [4, с. 495–527]. Его усилиями при поддержке руководства сверху удалось добиться превращения кол-

хозов и советской деревни в целом в бесперебойный источник ресурсов для нужд государства. Колхозные активисты в буквальном смысле «дрались за колхозы» в ходе хлебозаготовительных кампаний. При этом нередко они следовали принципу «цель оправдывает средства». Лозунг «Борьба за хлеб, борьба за социализм!», как сообщалось, например, в письме бывшего секретаря Цюрупинского райкома комсомола Павлодарского округа Казахской ССР Метелькова Сталину 4 декабря 1930 г., был понят сельским активом так: «сейчас надо взять, а раз так, то, следовательно, не останавливаясь ни перед какими мерами <...> Лучше перегнуть, чем не догнуть» [1, с. 321–325]. Различные уполномоченные по хлебозаготовкам, опираясь на местных активистов, выгребали зерно из колхозов и единоличных хозяйств, в том числе семенные и продовольственные фонды. И, как правило, делалось это с прямой санкции вышестоящих органов, нередко с участием самого Сталина¹⁶.

Самым трагическим результатом принудительных хлебозаготовок в годы первой пятилетки стал голод 1932–1933 гг. Он ударил по основным житницам СССР. Количество его жертв в конкретных регионах оказалось прямо пропорционально объемам изъятых зерна в счет хлебозаготовок и экспорта. Больше всего людей погибло от голода в тех регионах, откуда было вывезено наибольшее количество хлеба. Сегодня можно утверждать, что на территории РСФСР (вместе с Казахстаном) демографические потери от голода составили около 3–4 млн чел., а всего в СССР (с учетом Украины) – до 7 млн чел. (прямые и косвенные жертвы).

В начале 1933 г. сталинское руководство изменило сложившуюся в годы первой пятилетки систему планирования хлебозаготовок. Из документов видно, что учитывался негативный опыт предшествующих хлебозаготовок и принимались реальные действия по устранению причин, вызвавших голодную катастрофу начала 1933 г.

С этой целью был разработан новый механизм планирования хлебозаготовок. Он принципиально изменил ситуацию в аграрном секторе экономики страны. Теперь для сельхозпроизводителей в соответствии с постановлениями СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 января и 20 июня 1933 г. были установлены твердые ставки по хлебосдаче, не подлежащие пересмотру в сторону повышения [5, с. 122]. Тем самым фактически восстанавливался принцип нэпа, вводился своеобразный продналог взамен действовавшей в конце 1920-х – начале 1930-х гг. практики хлебозаготовок по принципу продразверстки. В 1933 г. поставка зерна государству производилась не по меняющимся планам, а по твердым нормам, установленным законом. Это укрепило хозяйственное положение колхозов, совхозов и единоличников, дало им возможность планировать свои доходы¹⁷.

¹¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 40. Д. 84. Л. 84.

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 36. Л. 260; Ф. 81. Оп. 3. Д. 232. Л. 40.

¹³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 40. Д. 85. Л. 122.

¹⁴ Там же. Д. 77. Л. 24.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 30. Л. 25.

¹⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 40. Д. 77. Л. 28.

¹⁷ Там же. Д. 87. Л. 112–114.

В отличие от ситуации начала 1930-х гг., в 1933 г. сталинское руководство получило более достоверную информацию о размерах урожая зерновых хлебов благодаря созданию Центральной государственной комиссии по урожайности при СНК СССР (ЦГК) – специального органа по контролю над урожаем. В 1933 г. ЦГК, имея свои структуры на местах, своевременно провела работу по установлению реальных размеров урожая зерновых в основных регионах СССР [6, с. 352–353]. Это позволило в свою очередь составить для регионов выполнимые планы хлебопоставок.

Во второй половине 1933 г. благодаря этим и другим мерам определилась тенденция в сторону организационно-хозяйственного укрепления колхозно-совхозного строя.

УДК 94(47).084.8

В.Б. ЛАПЕРДИН

ПОСЛЕДСТВИЯ ГОЛОДА 1946–1947 гг. В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: laperdin2011@mail.ru

В статье рассматриваются последствия голода 1946–1947 гг. на территории Омской области: его влияние на демографическую и социальную сферы общества. Голод привел к негативным изменениям динамики смертности населения и ее состава. Он имел ряд социальных особенностей, поражая наименее защищенные слои населения. После преодоления голода произошла стабилизация социально-демографических процессов.

Ключевые слова: историческая демография, голод, смертность, показатели смертности, социальная политика властей.

Для первых послевоенных лет был характерен демографический кризис, связанный не только с тяжелыми последствиями Великой Отечественной войны, но и вызванный новым социальным потрясением – голодом 1946–1947 гг. В основном голод проявился в Молдавии и на Украине, тем не менее, его влияние ощущалось и в других регионах страны, в том числе и в Западной Сибири. Цель настоящей статьи – рассмотреть демографические и социальные последствия голода 1946–1947 гг. в Омской области. Хронологические рамки исследования включают 1946–1950 гг., это был период складывания предпосылок голода, собственно голода и выхода из него.

Источником для написания статьи послужили документы текущего учета населения, в которых регистрировались случаи смерти и их половозрастные характеристики, позволяющие судить о влиянии послевоенного кризиса на демографическую подсистему общества. Кроме того, при написании статьи использовалась делопроизводственная документация местных органов власти (в частности, Омского обкома и облисполкома). В ней содержатся ценные сведения о ситуа-

ции на местах – в отдельных районах или населенных пунктах области, пораженных голодом.

Вопрос о характере событий тех лет впервые поставил И.М. Волков в опубликованной в 1966 г. статье. Голод отрицался, но при этом автор подчеркивал кризис, приведший к росту смертности [1, с. 26–27]. Первое прямое упоминание о голоде 1946–1947 гг. содержится в коллективной монографии «Крестьянство в годы упрочнения и развития социалистического общества, 1945 – конец 1950-х годов» [2, с. 183]. В современной историографии можно выделить две основные точки зрения на причины возникшего кризиса. Объективные факторы возникновения голода отстаивает И.М. Волков, полагая, что засуха 1946 г. стала для нашей страны одной из сильнейших в XX в [3]. Аналогичную мысль высказал В.В. Кондрашин, утверждавший, что голод 1946–1947 гг. нельзя квалифицировать как «организованный», «поскольку у сталинского режима отсутствовал главный мотив его «организации» – крестьянское сопротивление колхозно-совхозному строю» [4, с. 330]. Противоположной точки зрения придерживаются В.Ф. Зима [5] и В.П. Попов [6], заос-

ЛИТЕРАТУРА

1. Голод в СССР. 1929–1934. М., 2011. Т. 1: 1929 – июль 1932.
2. Голод в СССР. 1929–1934. М., 2012. Т. 2: Июль 1932 – июль 1933.
3. Есиков С.А. Российская деревня в годы НЭПа: к вопросу об альтернативах сталинской коллективизации. М., 2010.
4. Окунда Х. «От сохи к портфелю»: деревенские коммунисты и комсомольцы в процессе раскрестьянивания (1920-е – начало 1930-х гг.) // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 5–7 декабря 2008 г.). М., 2011.
5. Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004.
6. Важнейшие решения по сельскому хозяйству для политотделов МТС и совхозов. М., 1933.

Статья поступила
в редакцию 17.07.2013

тряющие внимание на социальной политике властей, в частности, сокращении карточной системы в 1946 г., завышении планов хлебозаготовок, оставивших колхозников без продуктов питания, сохранении госрезервов зерна и крайне неохотном их разбронировании для оказания помощи голодающим.

На региональном уровне проблема послевоенного голода в СССР до сих пор остается «белым пятном». В литературе существует мнение, что в Западной Сибири голода не было, так как в 1946 г. здесь не наблюдалось засухи. Этой точке зрения противостоят региональные истории. Впервые данную проблему сформулировал В.А. Исупов [7]. Однако его статья ограничивается только постановкой вопроса. В дальнейшем изучение послевоенного кризиса практически не получило развития. На примере Новосибирской области А.А. Бурматовым было показано, что в конце 1946 – первой половине 1947 г. голод поразил сельские районы. По его мнению, голод продолжался в 1948 г. и закончился только в 1949 г. [8]. В третьем выпуске сборника «Политика раскрестьянивания в Сибири» отражен ход предшествовавшей голоду хлебозаготовительной кампании 1946 г. в Новосибирской области, в результате которой из колхозов была изъята значительная доля произведенной продукции [9]. Кроме того, хлебозаготовительная кампания 1946 г. в Новосибирской области описана в статье В.А. Ильиных [10].

Как показывают данные табл. 1, в 1947 г. наблюдалось повсеместное повышение смертности. В РСФСР оно оказалось меньше, чем в целом по Советскому Союзу, включавшему районы, особенно сильно пострадавшие от голода – Молдавию, Украину. В Запад-

ной Сибири кризис проявил себя в меньшей степени. Тем не менее и здесь произошло увеличение показателей смертности. В Омской области смертность увеличилась как в сельской местности, так и в городских поселениях. Уже в 1948 г. произошло снижение ее показателей во всех регионах СССР, однако полностью ситуация стабилизировалась только в 1949 г., когда смертность достигла докризисного уровня. Движение показателей смертности в Омской области соответствует ее общесоюзным тенденциям, что свидетельствует о влиянии послевоенного голода.

Во время голода смертность увеличивалась в основном за счет детей. В 1946 г. в РСФСР из 1 тыс. новорожденных до одного года не дожило 124 ребенка, а в 1947 г. – 170 детей¹. В Западной Сибири, по данным ЦСУ, за этот же период их увеличение произошло с 71 до 121 случая². В том числе в городах Омской области с 96 до 152 смертей, в сельской местности – с 54 до 97³.

Возрастной состав умерших в 1946 г. определялся процессами, происходившими в последние годы Великой Отечественной войны. Низкая рождаемость и невысокие показатели младенческой смертности обуславливали снижение доли детской возрастной группы в структуре смертности. Как показывают данные табл. 2, дети и подростки до 16 лет составляли 37,8 % всех умерших в городах Западной Сибири и 35,3 % в сельской местности (большая их часть это младенцы, не дожившие до одного года). По мере взросления ребенка его выживаемость увеличивалась. В трудоспособном возрасте 16–49 лет в 1946 г. скончались 31,9 % всех умерших в городах и 24,5 % в сельской местнос-

Т а б л и ц а 1

**Динамика смертности населения СССР, РСФСР и Западной Сибири
(число умерших на 1 тыс. чел. населения)***

Год	СССР	РСФСР	Западная Сибирь	Омская область	
				Городские поселения	Сельская местность
1946	15,8	12,3	10,3	12,3	14,0
1947	20,3	17,0	14,1	15,2	16,4
1948	13,6	13,1	12,6	12,6	12,7
1949	12,6	11,7	11,5	9,8	11,2
1950	11,7	11,5	11,9	9,5	11,3

* Составлена по: Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза: 1922–1991. М., 1991. С. 71; Они же. Демографическая история России: 1926–1959 гг. М., 1998. [Электронный ресурс]. URL: www.demoscope.ru/weekly/knigi/andr_dars_khar/adk.html (дата обращения: 09.10.2013); РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 636. Л. 49–50, 106–107, 150–152, 194–195; Д. 696. Л. 52–53, 110–111, 157–159, 198–199; Д. 758. Л. 18, 40, 58–59, 75; Д. 841. Л. 18, 40, 58–59, 77; Д. 909. Л. 18, 41, 60–61, 77; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7401а. Л. 10 об., 30 об.; Д. 7406а. Л. 8 об.; Д. 7412а. Л. 15а об.; Д. 7429. Л. 91 об., 99 об.; Д. 7430. Л. 28 об., 3 об., 70 об.; Д. 7448. Л. 39 об., 52 об., 81 об.; Д. 7464. Л. 45 об., 89 об., 115 об.

¹ Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России: 1926–1959 гг. М., 1998. [Электронный ресурс]. URL: www.demoscope.ru/weekly/knigi/andr_dars_khar/adk.html (дата обращения: 09.10.2013).

² Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 636. Л. 49–50, 106–107, 150–152, 194–195; Д. 696. Л. 52–53, 110–111, 157–159, 198–199; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7401а. Л. 10–10 об., 30–30 об.; Д. 7406а. Л. 8–8 об.; Д. 7412а. Л. 15а – 15а об.; Д. 7429. Л. 91–91 об., 99–99 об.

³ Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 636. Л. 150–152; Д. 696. Л. 157–159.

ти. В возрастной группе старше 50 лет умерло соответственно 29,7 и 38,6 %. Невыясненный возраст остался только у 0,6 % умерших в городах и у 1,6 % в сельской местности.

Голод 1947 г. изменил возрастную структуру смертности, «помолодевшую» под действием экзогенных факторов. Произошел заметный рост смертности в детской возрастной группе. В 1947 г. в городах Западной Сибири дети до 16 лет составляли 47,2 % от умерших, в сельской местности – 47,0 %. Высокая смертность среди детей определила уменьшение доли других возрастов в структуре смертности. В возрасте от 16 до 49 лет скончалось в городах 25,7 %, а в сельской местности 20,3 %. Старше 50 лет соответственно 26,3 и 32,0 %.

Как показывают данные табл. 2, в Омской области наблюдались аналогичные процессы. Произошел резкий рост детской возрастной группы в составе умерших в 1947 г. за счет сокращения трудоспособного возраста и людей старшего возраста. Однако в городских поселениях умерших детей было меньше, чем в сельской. В селах и деревнях доля старшей возрастной группы оказалась значительно выше, что соответствовало региональным тенденциям.

До октября 1946 г. рабочие совхозов находились на пайковом снабжении, но затем были сняты с государственного обеспечения. Министр заготовок СССР Б.А. Двинский в своем письме к А.И. Микояну еще в июле 1946 г. ставил вопрос об экономии хлеба [11, с. 222]. 23 сентября 1946 г. он писал И.В. Сталину: «Я прошу, товарищ Сталин, дать указание немедленно сократить расход по всем статьям. Нельзя иметь такие огромные контингенты снабжения (чуть не полстраны) и такие высокие нормы в исключительно неурожайный год» [Там же]. Б.А. Двинский предлагал экономии хлеба за счет населения. Уже на следующий день, по словам А.И. Микояна, Сталин «поставил этот вопрос смело и круто» [11, с. 223]. 27 сентября 1946 г.

Политбюро утвердило постановление ЦМ СССР и ЦК ВКП(б) «Об экономии в расходовании хлеба». Министерство торговли сократило контингент населения, снабжаемого хлебом по карточкам с 87 до 60 млн чел. (из них 23 млн сельские жители) за счет иждивенцев, рабочих и служащих совхозов [Там же]. На пайк могли рассчитывать только городские жители, а в деревне ими обеспечивалась незначительная часть населения. Если в сельской местности Омской области в сентябре 1946 г. на карточном снабжении находилось 382 тыс. чел., то в октябре – только 50 тыс. чел.⁴ В меньшей степени эта мера отразилась на горожанах. В Омской области было снято с пайкового обеспечения 24 760 городских жителей⁵.

Засуха 1946 г., в наибольшей степени проявившаяся на Украине, Молдавии и ряде областей РСФСР, обошла Западную Сибирь. Поэтому данный регион рассматривался в качестве важного поставщика для формирования хлебных резервов страны. Хлебозаготовительная кампания 1946 г. прошла «ударными» темпами, из колхозов и совхозов изымалась значительная часть произведенной продукции. В итоге колхозники Сибири, как и в других областях страны, получили на заработанные трудодни минимум хлеба. Тем не менее в Западной Сибири ситуация оказалась лучше, чем во многих регионах РСФСР. В расчете на один колхозный двор в 1946 г. было получено колхозниками в целом по РСФСР 1,9 ц зерновых и бобовых, в том числе в Поволжье – 1,3, Центрально-Черноземной области – 1,6, на Урале – 2,8 ц. Больше всех получили крестьяне Западной Сибири – 3,4 ц на один двор [12, с. 136]. Однако усредненные данные не характеризуют положение на местах, так как в одних колхозах крестьяне могли получить больше, а в других – меньше. Председатель Шербакульского райисполкома Омской области С. Конов писал в облисполком о том, что в колхозах района выдано на трудодни 260 г зерна и 62 коп. деньгами, в то время

Т а б л и ц а 2

Возрастной состав умерших в Западной Сибири и Омской области в 1946–1947 гг.*

Год	Городские поселения			Сельская местность		
	0–15 лет	16–49 лет	Старше 50 лет	0–15 лет	16–49 лет	Старше 50 лет
<i>Западная Сибирь</i>						
1946	37,8	31,9	29,7	35,3	24,5	38,6
1947	47,2	25,7	26,3	47,0	20,3	32,0
<i>Омская область</i>						
1946	36,2	33,6	29,2	37,6	24,0	36,4
1947	44,1	26,1	28,8	46,7	20,8	30,9

* Составлена по: ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 461. Л. 1–1 об., 26–26 об., 47–47 об., 67–68 об.; Д. 567. Л. 1–1 об., 22–22 об., 45–46 об., 66–66 об.; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7401. Л. 24–24 об.; Д. 7406а. Л. 15–15 об.; Д. 7412а. Л. 23–23 об., 83–83 об.

⁴ Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 17. Оп. 1. Д. 4721. Л. 76.

⁵ Там же.

как в 1945 г. было выдано 890 г зерна⁶. Похожая ситуация сложилась в совхозах области, которые отдали значительную часть произведенной продукции государству. Так, совхозы Омского союзмолтреста перевыполнили план сдачи зерна государству на 5 263 т, вследствие чего в большинстве совхозов не были созданы фонды общественного питания⁷.

В итоге уже к концу 1946 г. в ряде сельских местностей Омской области сложилась кризисная ситуация. Так, согласно донесению в облисполком секретаря районного комитета ВКП(б) и председателя райисполкома Солдатского района только в двух совхозах – Кошкульском и Маркутлинском – в конце ноября 1946 г. насчитывалось 598 «остронуждающихся», «которым необходимо оказать срочно продовольственную помощь»⁸.

В начале 1947 г. положение ухудшилось. Председатель Шербакульского исполкома писал в марте в облисполком о голодающих колхозниках: «по данным на 01.03.1947 г. таковых насчитывалось инвалидов Отечественной войны 94 чел., семей, мужа которых погибли на фронте[,] 270 чел., семей военнослужащих 119 чел., и от колхозников 331 семьи с количеством 1488 человек»⁹. На начало марта в районе было 40 больных дистрофией¹⁰. Критическое положение сложилось и в других районах области. В Шараповском совхозе Саргатского района в конце февраля 1947 г. отмечен 31 больной дистрофией, общественное питание для рабочих не было организовано, а задолженность по зарплате составляла 262 тыс. руб., кроме того, нарушались условия функционирования карточной системы – хлеб отпускался по распоряжению директора совхоза¹¹. В Алабагинском зерносовхозе Русско-Полянского райсовета в начале марта было учтено 25 больных дистрофией¹². В основном это были семьи погибших на фронте военнослужащих.

Критическое положение в ряде мест сохранялось вплоть до лета 1947 г. По сообщению Солдатского районного комитета, в конце июня в 28 из 41 колхоза «совершенно не имеется хлеба и не имеется у колхозников картофеля»¹³. Районные власти приняли на учет 1 412 семей инвалидов войны, погибших воинов и военнослужащих, которым требовалась немедленная продовольственная помощь. Согласно сообщению председателя исполкома Колосовского райсовета в Омский облисполком от 2 июля 1947 г., в ряде колхозов района на почве недоедания у колхозников наблюдались различные заболевания, в связи с чем районные власти просили выделить для 150 остронуждавшихся семей (в основном это семьи военнослужащих и погибших на войне) 5 т продовольственного зерна¹⁴.

Послевоенный продовольственный кризис в Омской области имел ряд особенностей. Во-первых, голод затронул в основном сельские районы. Городское население, находившееся на пайковом обеспечении, испытывало, по всей видимости, латентную форму голода, выражавшуюся в недоедании и отсутствии в рационах горожан необходимых белков, витаминов и других питательных элементов. На фоне тяжелой эпидемической обстановки это вызвало повышение заболеваемости и смертности в городских поселениях области. Во-вторых, голод в сельской местности носил локальный характер и поражал отдельные населенные пункты. Он имел характер «чересполосицы», проявлялся в одних районах и мог принимать латентную форму в других. Вероятно всего, характерный для Омской области кризис потребления в конце 1946 г. – первой половине 1947 г. приобрел форму голода только в отдельных деревнях и селах. В-третьих, голод носил ярко выраженный социальный характер и проявлялся в основном у наименее социально защищенных групп населения. Подавляющая часть населения находилась на самообеспечении. Однако определенные группы населения не могли существовать без государственной помощи. Это многодетные семьи, матери-одиночки, семьи, чьи кормильцы находились в армии или погибли на фронте, престарелые люди, оставшиеся без помощи детей. Тяжелые последствия войны привели к численному росту этой категории населения. Именно они стали жертвами голода 1946–1947 гг.

Областные власти реагировали на поступающие с мест просьбы о помощи. Однако их действия были ограничены скудными ресурсами и невозможностью разбронировать продовольственные фонды без разрешения Москвы. Именно поэтому Омский облисполком, хотя и оказывал ограниченную помощь жителям наиболее пострадавших населенных пунктов, возлагал на районные исполкомы ответственность за помощь голодающим. Так, 9 апреля 1947 г., в самый разгар продовольственного кризиса, облисполком разослал райисполкомам циркуляр, в котором ответственность за бедственное положение семей погибших на фронте воинов и военнослужащих, не вернувшихся до сих пор из армии, возлагалась на председателей колхозов, директоров совхозов и руководителей учреждений и различных организаций. Им предлагалось до 1 мая 1947 г. проверить материально-бытовые условия таких семей и оказать им помощь за счет имеющихся у колхозов, совхозов и организаций фондов. Проследить за выполнением распоряжения должны были райисполкомы¹⁵. Однако это распоряжение не могло быть приведено в исполнение, потому что именно из-за отсутствия у колхозов и совхозов продовольственных фондов в области имели место случаи голодания крестьян.

Таким образом, голод 1946–1947 гг. имел ряд негативных последствий в Омской области. Он про-

⁶ ГИАОО. Ф. 437. Оп. 24. Д. 21. Л. 24.

⁷ Там же. Д. 20. Л. 24.

⁸ Там же. Д. 8. Л. 136.

⁹ Там же. Д. 21. Л. 24.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 20.

¹² Там же. Л. 22–22 об.

¹³ Там же. Л. 53.

¹⁴ Там же. Л. 52.

¹⁵ Там же. Л. 32.

явился в ряде сельских районов и приобрел ярко выраженный социальный характер, поразив наименее социально защищенные группы населения. В целом для населения области, как городского, так и сельского, он имел латентную форму. На фоне тяжелой эпидемической обстановки это привело к росту заболеваемости и смертности. Голод был преодолен к середине 1947 г., хотя проблемы со снабжением населения продуктами питания оставались. Тем не менее, показатели смертности вследствие инертности демографических процессов достигли докризисного уровня только к 1949 г. При этом произошло резкое увеличение смертности среди детей, смертность «помолодела». После преодоления кризиса наступил период стабилизации демографических процессов, характеризующийся постепенным снижением показателей смертности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков И.М. Колхозная деревня в первый послевоенный год // Вопросы истории. 1966. № 1.
2. История советского крестьянства. М., 1988. Т. 4: Крестьянство в годы упрочнения и развития социалистического общества. 1945 – конец 1950-х годов.

3. Волков И.М. Деревня СССР в 1945–1953 годах в новейших исследованиях историков (конец 1980-х – 1990-е годы) // Отеч. история. 2000. № 6.
4. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008.
5. Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996.
6. Попов В.П. Причины сокращения численности населения РСФСР после Великой Отечественной войны // СОЦИС. 1994. № 10.
7. Исупов В.А. «Черное пятно» в истории Сибири // Изв. Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия истории, философии и филологии. Новосибирск, 1990. Вып. 1.
8. Бурматов А.А. Голод в Новосибирской области (1946–1948 гг.) // Моя Сибирь: Вопросы региональной истории и исторического образования : сб. науч. тр. Новосибирск, 2002.
9. Политика раскрестьянивания в Сибири. Новосибирск, 2003. Вып. 3: Налогово-податное обложение деревни. 1946–1952 гг.
10. Ильиных В.А. Хлебозаготовительная кампания 1946 г. в Новосибирской области // Иркутский историко-экономический ежегодник 2013. Иркутск, 2013.
11. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. 1945–1953 : сб. док. М., 2002.
12. Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х годов. М., 1992.

Статья поступила
в редакцию 25.08.2013

УДК 94(47).084.8/084.9

С.Н. АНДРЕЕНКОВ

ПРИЧИНЫ И АЛЬТЕРНАТИВЫ РЕОРГАНИЗАЦИИ МАШИННО-ТРАКТОРНЫХ СТАНЦИЙ 1958 г.

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск,
E-mail: andreennkov_sn@mail.ru

В статье анализируются важные проблемы аграрно-хозяйственной истории СССР 1950-х гг., связанные с разработкой и осуществлением государственных мер по повышению уровня механизации сельскохозяйственного производства. Автор проанализировал меры правительства по развитию МТС, проекты их реформирования в середине 1950-х гг. и попытался определить мотивы ликвидации станций в конце 1950-х гг. В статье отражены основные мнения исследователей о причинах реформы МТС и впервые в историографии освещается ее альтернативный вариант, отклоненный, с нашей точки зрения, по политическим соображениям.

Ключевые слова: машинно-тракторные станции, колхозы, реорганизация МТС, аграрная политика, Н.С. Хрущев, сельское хозяйство.

Целесообразность изучения темы обуславливается традиционно активным интересом исследователей к истории аграрных преобразований 1953–1964 гг. Важным их аспектом являлся демонтаж системообразующих структур сталинского аграрного строя, в число которых входили машинно-тракторные станции (МТС). Эти государственные предприятия создавались в годы сплошной коллективизации для проведения с помощью принадлежавших им машин и тракторных

бригад механизированных работ в колхозах. Сельхозартели, обладавшие только простым конно-ручным инвентарем, дорого платили за услуги станций и не имели права отказаться от них. Функции МТС на практике оказались намного шире – на них был возложен контроль над производством, учетом трудовых затрат, распределением доходов, соблюдением агротехники. В 1933–1934 и 1941–1943 гг. при станциях функционировали политотделы. Работники МТС, по сравнению с

колхозниками, имели более высокий социальный статус, что, в частности, выражалось в гарантированной государством оплате их труда.

Принятие февральским (1958 г.) Пленумом ЦК КПСС постановления о реорганизации МТС и передаче их техники и кадров колхозам [1, с. 392–401] обуславливалось убежденностью Н.С. Хрущева в том, что сельхозартели готовы к самостоятельному использованию сложных сельхозмашин и не нуждаются больше в услугах станций, что наличие «двух хозяев» на одной земле не позволяет эффективно хозяйствовать и становится нетерпимым. Реформа была проведена в сжатые сроки. Выкуп техники МТС не стал для колхозов добровольной акцией, как планировалось, а превратился в обязательную скоротечную операцию, вогнавшую их в долги. Сельхозартели так и не смогли должным образом распорядиться полученными от МТС резервами, значительная их часть была потеряна. Уже в 1961 г. была создана государственная структура «Союзсельхозтехника», на которую была возложена ответственность за производственно-техническое обслуживание хозяйств, их интенсификацию.

В историографии не существует единой точки зрения на причины ликвидации МТС. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. авторы, как правило, опираясь на партийно-правительственные решения, доказывали объективную необходимость проведения этой реформы (см., напр.: [2; 3]). Со второй половины 1960-х и до конца 1980-х гг. многие исследователи, также придерживаясь мнения властей, давали ей критические оценки. М.А. Вылцан, например, отмечал: «...путь совершенствования системы “колхозы – МТС” был бы, вероятно, более эффективным, чем ликвидация самой системы с имевшими место издержками» [4, с. 238]. С конца 1980-х гг. реорганизация МТС в основном стала рассматриваться как позитивное и необходимое мероприятие, благодаря которому был ликвидирован важный механизм тоталитарного государства. При этом внимание акцентировалось на том, что реформа не дала ожидаемого эффекта из-за ошибок при ее проведении (см., напр.: [5; 6]). В настоящее время появляются работы, в которых целесообразность ликвидации МТС вновь подвергается сомнению. В.Н. Томилин в своей монографии [7] показал, что с позиций логики административно-командной экономики МТС были вполне эффективными предприятиями. Невысокое качество выполняемых ими работ зависело в первую очередь от нехватки и низкой квалификации персонала, а также ограниченного набора техники. Корень этих проблем он видел в экстенсивном типе хозяйствования, особенно усилившемся в период целинной кампании.

Действительно, МТС были структурой нерыночной системы хозяйствования, что определяло специфику их деятельности. Технику, топливо, запчасти, а также средства для премиальных выплат персоналу они получали от государства соразмерно результатам реализации плана тракторных работ, объемы которых исчислялись в условных «гектарах мягкой пахоты». Экономия средств в отчетных документах МТС фиксировалась как прибыль, а их перерасход – как убыток.

Прибыльными в этом смысле оказывались многие станции. За услуги МТС колхозы обязаны были рассчитываться с государством в основном собственной продукцией (натуроплата). До 1954 г. наиболее урожайные хозяйства платили за работы МТС больше остальных. Стоимость всего объема сдаваемой государству натуроплаты, как правило, была меньше суммы его затрат на содержание МТС. В 1930-е – начале 1950-х гг., когда фонд финансирования сельского хозяйства был небольшим, убытки МТС, как и совхозов, компенсировались благодаря экономии средств, которую обеспечивали низкие заготовительные цены на продукцию колхозов. Объемы ее обязательной сдачи по этим расценкам могли наращиваться путем навязывания высокоурожайным хозяйствам сверхплановых поставок.

Вместе с тем руководство страны понимало, что недобор натуроплаты МТС связан с низкой урожайностью колхозной пашни, во многом обусловленной недостатками в работе станций. Главным из них обоснованно считалась незаинтересованность МТС в развитии колхозного производства, что проявлялось, в частности, в их стремлении выполнить план по «мягкой пахоте» за счет проведения наиболее «легких» работ (вспашка, боронование, косовица зерновых и др.). «Сложные» виды работ (посадка и уборка овощей, стогование, силосование и др.) проводились в минимальных масштабах. Поэтому уровень механизации в зерновом производстве колхозов был выше, чем в других отраслях растениеводства и животноводстве. Попытки разрешить указанные проблемы предпринимались неоднократно. Например, в 1947 г. было принято решение, согласно которому план МТС признавался выполненным, если осуществлялся весь объем работ в надлежащем качестве и в установленные сроки. Только при этих условиях руководителям МТС выдавалась премия. Механизаторы при выполнении плана урожайности должны были по гарантийному минимуму получать по 3 кг зерна на трудодень, а в случае невыполнения – по 2 кг [8, с. 411]. Однако добиться желаемого результата так и не удалось.

После смерти И.В. Сталина пришедшие к власти функционеры попытались добиться подъема сельхозпроизводства за счет развития у колхозников материальной заинтересованности в труде на общественных полях и фермах. Для этого были запущены механизмы, обеспечивавшие рост доходности колхозов. 21 августа 1953 г. было принято решение о повышении заготовительных и закупочных цен на животноводческую продукцию. Цены на молоко поднялись соответственно в 2,2 и 1,5 раза, на крупный рогатый скот – в 4,8 и 2,1, на свиней – в 2,9 и 1,6 раза. Заготовительная цена на яйца не изменилась, зато закупочная поднялась в 2,1 раза. Правительство посчитало необходимым увеличить расходы государства на закупку зерновых культур. Госзакуп зерна стал оплачиваться в 9 раз выше [9, с. 120]. В соответствии с постановлением сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС [10, с. 20–61] с 1954 г.

сдача государству продукции в порядке обязательных поставок и натуроплаты МТС стала осуществляться только по твердым ставкам, одинаковым для всех хозяйств одного района и дифференцированным по климатическим зонам. Благодаря этому высокодоходные колхозы должны были избавиться от необходимости выполнения повышенных заготовительных планов и получить возможность реализовывать товарные излишки по более высоким закупочным ценам. С колхозов списывалась задолженность по обязательным поставкам и натуроплате МТС.

На пленуме говорилось о необходимости повышения качества и масштабов деятельности МТС. Они должны были завершить механизацию работ в полеводстве, широко развернуть механизацию трудоемких процессов в животноводстве и в производстве картофеля и овощей. В целях формирования в МТС устойчивого кадрового контингента все сезонные колхозники-механизаторы получали статус штатных рабочих станций. Увеличивался гарантированный минимум оплаты их труда. В МТС планировалось направить большое количество инженерно-технических работников и специалистов сельского хозяйства. В 1954–1957 гг. хозяйствам намечалось поставить не менее 500 тыс. тракторов. В 1954–1956 гг. в МТС должно было вернуться масштабное строительство зданий для ремонта и хранения техники, а также жилых объектов. На эти цели выделялись значительные средства.

После сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК партии на работу в МТС в качестве землеустроителей, агрономов, ветеринаров и зоотехников были направлены тысячи выпускников аграрных вузов и сотрудников сельскохозяйственных органов, в том числе упраздненных районных управлений сельского хозяйства. На эти должности, а также на посты инженеров, механиков, заведующих ремонтными мастерскими в МТС переходили работники промышленных предприятий. Однако многие из них так и не смогли адаптироваться к новым условиям труда. Например, в Новосибирской области с 1 октября 1953 г. по 1 января 1955 г. из общего числа направленных в указанный период специалистов (1 460 чел.) по причине невыполнения должностных обязанностей, в том числе из-за пьянства, были уволены 59 чел. В целом кадры со средним и высшим образованием в МТС долго не задерживались. С 1 октября 1953 г. по 1 августа 1955 г. в МТС Новосибирской области сменились: 61 директор, 94 главных инженера, 43 главных агронома, семь главных зоотехников, шесть главных ветврачей, 91 заведующий ремонтными мастерскими – всего 302 чел., из них 199 – из-за отсутствия профильного образования¹.

С октября 1953 г. по февраль 1956 г. в штаты МТС было зачислено около 2 млн колхозников-механизаторов. В восточных районах СССР с весны 1954 г. контингент рабочих кадров МТС пополнялся за счет граждан, прибывших на освоение целинных и залежных земель. Основную массу целинников составляла моло-

дежь, не имевшая опыта работы в сельском хозяйстве. Целинные хозяйства получили львиную долю сельхозтехники. Только за 1954–1956 гг. им было отгружено более 200 тыс. тракторов (в 15-кратном исчислении), или треть от общих поставок сельскому хозяйству за данное время [11, с. 222]. На целине машинный парк быстро выходил из строя, нехватка тракторов, комбайнов, сельхозмашин была заметной. В старопахотных районах СССР дефицит техники также ощущался, но в основном из-за ее недопоставок.

Увеличение вложений государства в развитие МТС с экономической точки зрения себя не оправдывало. В 1954 г. план сдачи зерна МТС страны выполнили на 71 %, картофеля – на 48, мяса – на 63, денежных средств – на 68 %, в 1955 г. – соответственно на 73, 52, 72 и 70 %². В 1954 г. МТС зоны Урала поставили государству по натуроплате столько же хлеба, сколько в 1940 г., а в 1955 г. – только 79 % от этого уровня. При этом с 1940 по 1955 г. тракторный парк уральских МТС увеличился в 2 раза, объем тракторных работ и затрат на их производство – в 3 раза, размеры основных средств производства – в 5 раз³. Ситуация усугублялась тем, что компенсационные механизмы – низкооплачиваемые обязательные поставки и практика дополнительного обложения высокодоходных колхозов – в полной мере уже не работали.

Проверки деятельности МТС, проводившиеся в 1954–1955 гг., позволили выявить в работе их персонала множество недостатков. С одной стороны, руководителям станций инкриминировались перерасход горючего, запчастей, ремонтных материалов, средств на зарплату управленческих кадров, административно-хозяйственные нужды и командировки, несвоевременное погашение кредиторских и дебиторских задолженностей, невыполнение планов платежей в бюджет по проектным работам и пр. С другой стороны, им ставилось в вину нежелание бороться за увеличение объемов натуроплаты. Зачастую счета за работы МТС вручались колхозам с большим опозданием, в связи с чем последние платили за них продукцией, оставшейся после выполнения плана обязательных поставок и госзакупок. Нередко зачислять в счет натуральной оплаты было попросту нечего. Из-за такой практики колхозная продукция обходилась государству слишком дорого. Систематические недопоставки натуроплаты, безусловно, были обусловлены также уменьшением ее объемов из-за неполного, несвоевременного и некачественного исполнения станциями договорных обязательств перед колхозами. Многие МТС, как и прежде, стремились выполнить план по «мягкой пахоте» за счет осуществления легких и, соответственно, недорогостоящих работ.

Судьба МТС, по сути дела, была решена уже в 1955 г., когда стал разрабатываться план введения для колхозов единых цен, благодаря чему они получали возможность возместить все свои производственные

² РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 15. Д. 1235. Л. 39; Д. 1267. Л. 57.

³ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 46. Д. 66. Л. 62.

¹ ГАНО. Ф. Р-1406. Оп. 1. Д. 1996. Л. 3, 3 об., 11.

издержки. Таким образом, сельхозартелели стали рассматриваться как приоритетный объект для вложения средств. При этом объемы ассигнований на развитие МТС стали сокращаться. Уже в августе 1955 г. на баланс колхозов стали переводить агрономов и зоотехников МТС [12, с. 182–187]. В августе 1956 г. правительство приняло решение о сокращении бюджетных расходов на зарплату механизаторам станций. Оплата их труда возлагалась на колхозы. Рассчитывать на государственные доплаты рабочие станций могли только в том случае, если в сельхозартелели выдача денег на трудодень была ниже гарантийного минимума [7, с. 236]. Сократились ассигнования на строительство в МТС. В 1954 г. в РСФСР на сооружение в них ремонтных мастерских, гаражей, жилых домов, общежитий, школ и других зданий был израсходован 1 млрд 710 млн руб., в 1955 г. – 1 млрд 336 млн, в 1956 г. – 1 млрд 305 млн, в 1957 г. – 557 млн руб.⁴ Эти факторы усиливали отток кадров механизаторов из МТС.

На XX съезде КПСС перед станциями была поставлена задача – за пятилетку снизить себестоимость тракторных работ на 16 % и значительно уменьшить затраты государства на центнер натуроплаты. В 1956 г. должен был начаться перевод МТС на хозрасчет [10, с. 565]. Реализация этих планов имела позитивные примеры. Так, в 1956 г. Александровской МТС Мошковского района Новосибирской области благодаря укрупнению тракторных бригад, использованию автопередвижных мастерских, круглогодичному ремонту техники и применению бригадного и индивидуального учета расходования средств удалось получить прибыль в 43 тыс. руб. (в 1955 г. имел место убыток в 150 тыс. руб.), понизить себестоимость гектара пахоты и центнера натуроплаты зерновых на 61 коп. и 2 руб. 69 коп. соответственно⁵. Но в целом использование экономических приемов повышения производительности МТС не стало повсеместной практикой. Более распространенным способом решения этой проблемы стало укрупнение МТС. Многие станции ликвидировались, а их ресурсы передавались на баланс совхозов, повсеместное создание которых становилось важным направлением аграрной политики. В 1956–1957 гг. число МТС в стране в целом сократилось на 10 %⁶.

Верховное руководство рассматривало и другие пути решения проблемы. В декабре 1955 г. в Президиум ЦК КПСС поступила записка начальника планово-финансового отдела Главного управления МТС Урала К.Д. Карпова, в которой обосновывалась целесообразность объединения фондов МТС с неделимыми и паевыми фондами колхозов, рабочих и служащих станций с колхозниками для создания хозрасчетных государственно-кооперативных сельхозпредприятий под названием соцхозы (социалистические хозяйства). Их организация позволяла сократить управленческий аппарат, устранить разногласия по производ-

ственным вопросам, ликвидировать неравенство в оплате труда между работниками МТС и колхозниками, создать у них стимулы к труду. Важно, что в рамках соцхозов можно было сохранить, приумножить и с большей отдачей использовать техническую и кадровую базу МТС⁷.

Теоретические аргументы для обоснования своего проекта К.Д. Карпов черпал из книги И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», в которой говорилось о необходимости соединения колхозной и государственной собственности в единый хозяйственный сектор под управлением общенародного органа с представительством от госпромышленности и колхозов. Ссылался он также на высказывания И.В. Сталина о том, что нельзя допускать как национализацию колхозов, так и передачу в их собственность МТС, поскольку «это значит вогнать в большие убытки и разорить колхозы, подорвать механизацию сельского хозяйства, снизить темпы колхозного производства» [13, с. 164, 219–221]. Соцхозы, с точки зрения К.Д. Карпова, являлись переходной формой между колхозами и совхозами.

В сельхозотделе ЦК КПСС по РСФСР, куда была перенаправлена записка, идею создания соцхозов называли неприемлемой. По мнению сотрудников отдела, в образовании данных хозяйств нет необходимости, так как колхозы располагают большими внутренними резервами для самостоятельного развития, которые указаны в соответствующих решениях ЦК КПСС⁸. По всей видимости, накануне XX съезда КПСС принятие проектов реформ, базировавшихся на идеях И.В. Сталина, считалось политически неверным шагом. Скорее всего, курс на упразднение МТС и продажу их техники колхозам был уже определен Н.С. Хрущевым. Тем не менее Министерству сельского хозяйства РСФСР было указано на необходимость использования некоторых положений записки при разработке мероприятий на 1956 г.⁹

В 1956–1957 гг. были санкционированы поиски эффективных форм взаимодействия между МТС и колхозами. Апробировались и такие организационные приемы, как введение вместо двух руководителей – директора МТС и колхозного председателя – общего управляющего, одновременно ведавшего делами и колхоза, и станции. Например, в Новосибирской области в конце 1957 г. было объединено руководство Усть-Лужковской МТС и колхоза им. Ленина, Мохнато-Луговской МТС и колхоза «Сибирь» Краснозерского района [14, с. 279]. Предпринимались также попытки соединения тракторных бригад МТС с полеводческими, животноводческими и комплексными подразделениями колхозов. В некоторых районах техника МТС передавалась колхозам в порядке аренды на сезон, имели место случаи ее продажи сельхозартелелям. Все эти эксперименты, как правило, способствовали повышению производи-

⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 164. Л. 1–3.

⁵ Сов. Сибирь. 1957. 14 мая.

⁶ Сельское хозяйство СССР : стат. сб. М., 1960. С. 75.

⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 66. Л. 51–122.

⁸ Там же. Л. 125–126.

⁹ Там же.

тельности техники. Однако уже в феврале 1958 г. было принято решение о реорганизации станций.

Реорганизацию МТС 1958 г. можно считать ярким примером «реформ», которые нередко имели место в нашей истории и вследствие которых объективно проблемная структура вместо «лечения» необоснованно ликвидируется по субъективным обстоятельствам. Одна из «родовых болезней» аграрного строя сталинского социализма – противоречия между «двумя хозяевами» на одной земле – могла быть вылечена посредством создания совхозов. Отказ от этой идеи, по нашему мнению, был мотивирован политическими соображениями высшего руководства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). М., 1968. Т. 4.
2. Арутюнян Ю.В., Вылцан М.А. Историческая роль МТС и их реорганизация. М., 1958.
3. Тищенко В.А. Развитие форм производственно-технического обслуживания колхозов. Ростов н/Д, 1960.
4. Вылцан М.А. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945–1958 гг.). М., 1976.

5. Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001.

6. Наухацкий В.В., Денисов Ю.П. Аграрная политика и модернизация российской деревни второй половины XX века: противоречия и тенденции. Ростов н/Д, 2009.

7. Томилин В.Н. Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. М., 2009.

8. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). М., 1968. Т. 3.

9. Андреев С.Н. Материальные стимулы в колхозах Сибири в 1953–1964 гг. // Исторический ежегодник. 2010. Новосибирск, 2010.

10. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам (1917–1957 гг.). М., 1958. Т. 4.

11. История советского крестьянства. М., 1988. Т. 4: Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества. 1945 – конец 50-х гг.

12. Законодательные и ведомственные акты по сельскому хозяйству. М., 1957. Т. 1.

13. Сталин И.В. Сочинения. М., 1997. Т. 16.

14. Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1985.

Статья поступила
в редакцию 22.06.2013

УДК 314.6(470.3)

О.В. ГОРБАЧЕВ

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ В ЦЕНТРАЛЬНОМ НЕЧЕРНОЗЕМЬЕ В 1940–1980-е гг.

д-р ист. наук,
Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург
e-mail: og_06@mail.ru

В статье рассматриваются изменения в составе и численности сельской семьи Центральной России в период наиболее сильных урбанизационных воздействий. Выявлена зависимость трансформации семьи от поселенческих особенностей территории, типа хозяйственной организации, а также от специфики проведения аграрных реформ. Обсуждаются экономическая роль семьи и перспективы семейного производства.

Ключевые слова: сельская семья, историческая демография, аграрные реформы, урбанизация, колхозы, сельское расселение, Нечерноземье.

Период 1940–1980-х гг. отмечен активными изменениями базовых характеристик сельского социума России. Речь идет прежде всего о сокращении количества сельских жителей под влиянием урбанизации и аграрной политики. Однако одновременно с миграционным оттоком в город меняются и существенные признаки, прежде отличавшие сельское население от городского. Этот процесс обычно называют урбанизацией села.

Семья как системообразующий элемент сельского общества, безусловно, попала под влияние урбаниза-

ции. Происходившие в ней изменения, в свою очередь, во многом преобразили прежний уклад деревенской жизни и предопределили формирование качественно иного облика сельского населения.

Центральное Нечерноземье оказалось практически в эпицентре этих изменений, поскольку изначально оно существовало в условиях достаточно плотного городского окружения. Под воздействием процесса урбанизации здесь постепенно снижалось значение традиционного крестьянского отходничества, предполагавшего временное проживание селян в городе; все

чаще оно становилось основой для последующего закрепления семьи в городе.

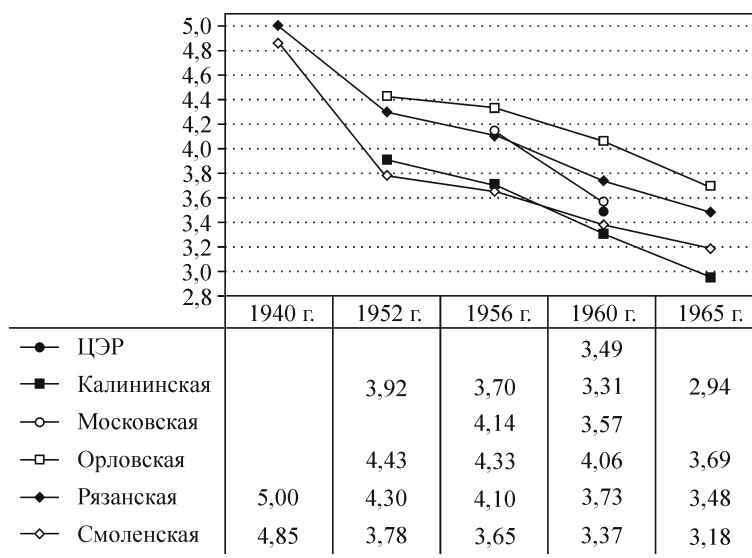
Существенным фактором, ускорившим трансформацию сельской семьи от сельского к городскому типу, явилось постепенное сокращение в 1940–1960-е гг. удельного веса колхозной экономики в результате преобразования колхозов в совхозы, особенно интенсивное в начале 1960-х гг. Следует также принять во внимание, что области Центрального Нечерноземья находились в разных условиях по степени городского влияния – от наиболее урбанизированной Московской, урбанизированных Калининской, Тульской и Ярославской до малоурбанизированных Брянской и Орловской областей. Размеры и состав семьи сильно зависели и от уровня заселенности территории, при этом сельские местности северо-запада (Калининской и Смоленской областей) были мелкоселенными, а местности юго-запада и юга региона (Брянской, Орловской, Рязанской областей) – среднеселенными.

Следует сразу же оговориться, что развернутое исследование динамики изменений в составе сельской семьи чрезвычайно затруднено из-за крайней скудости доступного для анализа материала. Тем не менее, имеющиеся данные позволяют прийти к некоторым выводам. Для определения степени устойчивости семьи в условиях интенсивной миграции в город прежде всего попытаемся проследить динамику сокращения численности колхозной семьи по отдельным областям Центрального экономического района (ЦЭР) (табл. 1). В силу выборочного характера обследований данные носят несколько фрагментарный характер.

Как видим, наибольшее сокращение численности сельских семей отмечено в период с 1940 по 1952 г., что вполне ожидаемо (военные потери). По состоянию на 1956 г. самыми многочисленными были семьи Орловской и Московской областей, а менее всего – Смоленской и Калининской. Причины сокращения были различными. Упомянутые Орловская и Московская области выступали в качестве своеобразных полюсов. Орловская область характеризуется относительно благоприятной системой расселения и слабым городским влиянием, что и позволяло сохранять здесь более крупные семьи. Московская располагала неплохими условиями для ведения сельского хозяйства и возможностями для несельскохозяйственных заработков. Вплоть до 1957–1958 гг., т. е. пока ощущался позитивный эффект хрущевских реформ, сельские семьи на ее территории чувствовали себя наиболее комфортно. Вместе с тем, Смоленская и Калининская области, мелкоселенные с дисперсными хозяйственными структурами и сильным городским предложением (особенно в Калининской), с трудом могли сохранять сельское население.

Таблица 1

Динамика изменения средней численности семей колхозников в областях Центрального экономического района, чел.*

* Составлена по: ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 30, 35, 36, 39; Архив Госкомстата.

Под влиянием урбанизации с 1956 по 1960 г. в Московской области размеры сельских семей сокращались наиболее резко. По мере исчерпания положительного эффекта аграрных реформ во второй половине 1950-х гг. и активной урбанизации происходит постепенная трансформация сельской семьи на этой территории по городскому типу – к небольшой однопоколенной семье. Что касается других областей, то в течение 1952–1965 гг. численность сельских семей в более урбанизированной Калининской области сокращалась быстрее, чем в соседней, менее урбанизированной, Смоленской.

На примере колхозников – одной из самых неустойчивых групп сельского населения в этот период попытаемся установить зависимость между динамикой сокращения численности населения и средним размером сельских семей с помощью корреляционного анализа. Полученные результаты, на первый взгляд, довольно неожиданны (табл. 2).

Наиболее значимым (близким к единице) соответствие оказывается в Смоленской области (численность колхозников сокращалась фактически так же быстро, как и размер колхозной семьи); наименьшим – в Орловской области. Безусловно, кроме миграционного давления на колхозную среду, во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. существенную роль в уменьшении численности колхозников играло преобразование колхозов в совхозы. Именно в Смоленской области кампания преобразований была чрезвычайно масштабной. Таким образом, совпадение темпов сокращения колхозного населения и размеров колхозных семей наблюдается только там, где к процессам естественной и механической убыли сельского населе-

Т а б л и ц а 2

**Соотношение численности членов колхозов и средней людности семей колхозников в областях
Центрального экономического района***

Область	Показатель	1950 г.	1956 г.	1960 г.	1964 г.	Коэффициент корреляции
Калининская	Численность колхозников, тыс. чел.	851,4	641,1	587,1	516,1	0,90489
	Средний размер семьи, чел.	3,92	3,7	3,31	2,94	
Орловская	Численность колхозников, тыс. чел.	912,1	601,7	426,9	405,7	0,82382
	Средний размер семьи, чел.	4,43	4,33	4,06	3,69	
Рязанская	Численность колхозников, тыс. чел.	1122,8	722,7	554,4	500,7	0,90821
	Средний размер семьи, чел.	4,3	4,1	3,73	3,48	
Смоленская	Численность колхозников, тыс. чел.	811,5	535,5	361,4	195,2	0,97014
	Средний размер семьи, чел.	3,78	3,65	3,37	3,18	

* Рассчитана по: ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 35, 36, 39; Оп. 11. Д. 775; Оп. 30. Д. 6853, 6854; Оп. 31. Д. 7877; Оп. 32. Д. 11547; Архив Госкомстата.

ния добавлялось административное изменение статуса колхозников (кстати говоря, в Московской области, где сокращение численности колхозников в результате преобразований колхозов в совхозы в первой половине 1960-х гг. было едва ли не абсолютным, коэффициент корреляционной зависимости между сокращением численности колхозников и размеров колхозных семей был равен единице).

Итак, следует признать наличие устойчивой зависимости между темпами сокращения колхозного населения и размерами колхозных семей (коэффициент корреляции по отдельным областям от 0,8 до 1,0). При этом, чем более высоким был названный коэффициент, тем более сбалансированной выглядела местная модель урбанизации. Однако не деструктивной она выглядела только в Московской области, в условиях сильного городского окружения. В депрессивной же Смоленской области необходимый баланс достигался очередным силовым вмешательством, когда преобразования колхозов в совхозы должны были не только исправить прежние огрехи аграрной политики, но и учесть издержки местной системы расселения.

Вариации в размерах коэффициента, его уменьшение в областях, где преобразования колхозов в совхозы в рассматриваемый период проводились реже, заставляют думать, что на размер сельских семей влияли, кроме урбанизационных, иные факторы. С учетом того, что наименьшим значение коэффициента оказалось в юго-западной Орловской области, можно предположить, что там по-прежнему давал себя знать «черноземный» южный тип воспроизводства сельского населения. Он существенно тормозил городское влияние на размер сельской семьи. При этом в соседней, но более близкой к Москве, Рязанской области влияние «черноземного» типа было существенно слабее. В целом можно утверждать, что появление совхозов в регионе оказало достаточно сильное урбанизационное воздействие на колхозную семью.

В течение всего десятилетия 1950-х гг. средняя численность сельской семьи в Центральном Нечерноземье превышала городскую. Например, в урбанизированной Московской области в 1955 г. этот показатель составлял 4,24 у колхозников и 3,25 у рабочих¹. По состоянию на 1959 г. средний размер семьи подмосковного колхозника был на 6,6 % больше семьи рабочего совхоза и на 24,2 % – семьи промышленного рабочего². Та же тенденция, хотя и с несколько большим разрывом, проявлялась и в других областях Центра.

Примерно к 1963 г. в результате интенсивной миграции впервые размер городских и сельских семей выравнивается, хотя их состав был различным. Например, в Калининской области средняя колхозная семья насчитывала 3,04 чел., а семья городского рабочего – 3,10 чел.³ Наконец, примерно к 1965 г. сельские семьи Центра стали уступать по размеру городским (по Калининской области 2,94 чел. у колхозников и 3,13 чел. у городских рабочих⁴). При этом важно заметить, что средняя численность городской семьи изменялась незначительно. Вполне естественно, что в юго-западных и южных областях Центрального экономического района (Брянской, Орловской, Рязанской) из-за несколько более высокой рождаемости тенденция сокращения размеров сельских семей в сравнении с городскими проявилась позже.

Данные о средней численности городских и сельских семей не позволяют увидеть, какой тип семьи был преобладающим. Поэтому воспользуемся материалами группировки сельских семей по размерам. Сведения по Рязанской области за 1962–1965 гг., т. е. в период наиболее интенсивной миграции, позволяют сделать вы-

¹ ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 7527. Л. 43.

² Рассчитано по: Там же. Оп. 31. Д. 5539. Л. 52.

³ Там же. Оп. 32. Д. 11697. Л. 106.

⁴ Там же. Оп. 35. Д. 7896. Л. 242.

вод, что именно в эти годы в области завершается разрушение сельской многопоколенной семьи (табл. 3).

Как видим, наиболее часто теперь встречаются семьи из 2 чел. С ними все еще конкурируют традиционные многопоколенные семьи из 6 чел. и более, но к 1965 г. они оттесняются на 3-е место семьями-одиночками. Уже в 1962 г. более половины (53,9 %) всех колхозных семей насчитывали до 3 чел. К 1965 г. эта цифра выросла до 56,1 %.

В мелкоселенных западных областях Центрального экономического района, где размер сельских семей изначально был меньшим, ситуация оказалась более сложной. К 1965 г. 65,5 % колхозных семей Смоленской области насчитывали до 3 чел.⁵ Примерно такое же соотношение сохранялось и в Калининской области (1963 г.), где колхозных семей до 3 чел. было 63,4 % (табл. 4).

В отличие от Рязанской области, доля больших семей из 6 чел. и более на западе района была минимальной (соответственно 6,5 и 6,1 %). Сравнивая данные по семьям промышленных рабочих и колхозников, отметим, что в городах количество семей с количеством членов до 3 чел. также было высоким (64 %), но, в отличие от села, преобладали здесь семьи из 3 чел. Гораздо чаще у рабочих встречались и семьи из 4 чел. При этом доля крупных семей в городах была гораздо меньшей, чем на селе.

На основании представленных данных нетрудно сделать вывод, что в первой половине 1960-х гг. в областях Центра продолжалась активная трансформация традиционной сельской семьи в сторону городского типа. О том, что она еще не была закончена, свидетельствовали и относительно большое количество многопоколенных семей на селе в сравнении с городом, и более значительная доля малых и неполных семей. Последнее обстоятельство было, с одной стороны, очевидным следствием интенсивной миграции из села, а с другой – представляло собой фактор риска для сельской поселенческой структуры, грозило ее дальнейшим разрушением. Как мы видели на примере крупноселенных южных территорий Центра (Рязанская область), распад традиционной семьи происходил здесь гораздо медленнее, чем на северо-западе.

В 1970–1980-е гг. по мере снижения интенсивности сельской миграции и постепенной урбанизации деревни расхождения между городской и сельской семьями становились менее значительными. Выборочное социально-демографическое обследование населения 1985 г., предпринятое ЦСУ РСФСР, зафиксировало средний размер городской семьи в Центральном районе 3,1 чел., а сельской – 3,0 чел. При этом размер сельской семьи по-прежнему зависел от характера занятости ее членов (табл. 5).

Исследователями отмечается и обратная зависимость: чем больше работников в семье, тем в большей степени такая семья была связана с другими отраслями (несельскохозяйственными). Значит, наличие в семье

Т а б л и ц а 3

Группировка семей по размерам, % к общему количеству колхозных семей (Рязанская область)*

Состав семьи, чел.	1962 г.	1963 г.	1965 г.
1	11,8	14,1	16,1
2	25,7	23,8	24,9
3	16,4	15,4	15,1
4	14,9	15,8	13,6
5	13,7	14,3	14,8
6 и более	17,5	16,6	15,5

* Составлена по: ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 32. Д. 11697. Л. 146; Оп. 35. Д. 7899. Л. 156.

Т а б л и ц а 4

Группировка семей рабочих и колхозников по размерам, % к общему количеству семей (Калининская область, 1963 г.)*

Состав семьи, чел.	Рабочие промышленности	Колхозники
1	14,0	15,4
2	13,5	27,4
3	36,5	20,6
4	24,7	18,9
5	7,9	11,6
6 и более	3,4	6,1

* Составлена по: ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 32. Д. 11697. Л. 107.

двух, трех и более работников позволяло ей, не порывая с сельским хозяйством, иметь и другие источники дохода, что для многих семей было желательно. По состоянию на 1979 г. В.И. Староверов определяет довольно большую долю социально-профессиональной и образовательной гетерогенности брянских сельских семей – 75 % [1, с. 69]. Есть основания полагать, что это явление было достаточно распространено в условиях нечерноземного Центра. При этом необходимо учесть преимущественно аграрную ориентацию значительной части региона с тем, чтобы не переоценивать масштабы явления. Представляется, что замкнутые отраслевые структуры, например, Калининской и Смоленской областей не способствовали развитию профессиональной семейной гетерогенности. В любом случае при определении миграционной ориентации семьи этот фактор не должен игнорироваться. В гетерогенных семьях более гармонично сочетались преимущества городской формы занятости в общественном секторе и жизни в селе. По всей видимости, статус сельского рабочего (работника совхоза) оказывался предпочтительнее колхозного (смешанные семьи с участием рабочих совхозов более многочисленны), хотя существенные различия между двумя формами организации сельского труда были устранены. Дума-

⁵ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 35. Д. 7899. Л. 178.

Т а б л и ц а 5

Средняя численность сельских семей Центрального экономического района в 1985 г.*

Категории сельских жителей	На 1 тыс. семей, семьи, состоящие из					Средний размер семьи
	2 чел.	3 чел.	4 чел.	5 чел.	6 чел. и более	
Все	436	269	195	71	29	3,0
Рабочие	479	255	175	65	26	2,9
Служащие	383	331	245	34	7	3,0
Колхозники	548	222	141	62	27	2,8
Рабочие и служащие						3,4
Рабочие и колхозники						3,0
Служащие и колхозники						3,2

* Составлена по: Архив Госкомстата. Данные выборочного социально-демографического обследования населения, 1985 г. Д. 68. Л. 96, 102.

ется, что к середине 1980-х гг. в условиях урбанизированного окружения колхозы продолжали существовать на территориях, относительно удаленных от городов. Такое положение стимулировало сельскую миграцию и обуславливало сравнительно меньшие размеры полнотой колхозных и частично колхозных семей.

Среди сельских семей с однородной занятостью их членов наиболее благополучными выглядели те, которые состояли из служащих (наибольшее количество семей из 3 и 4 чел.). Напротив, самыми малочисленными были семьи колхозников – больше половины их состояло из 2 чел. Сравнивая полученные данные с аналогичными цифрами по отдельным областям середины 1960-х гг., отметим сохранение отмеченной ранее тенденции к сокращению сельских семей. У сельских служащих семьи до 3 чел. составляли 71,4 %, у рабочих совхозов – 73,4, у колхозников – 77 %. При этом для всех сельских семей за счет включения данных по смешанным семьям данный показатель составил лишь 70,5 %, что в очередной раз свидетельствует об их относительно большей устойчивости.

В ходе бюджетных обследований колхозных семей, проводимых в начале 1950-х гг., предпринимались попытки установить зависимость между размером сельской семьи и типом хозяйства (зерновое, животноводческое, техническое), а также его статусом (передовое или отстающее). В результате в 1952 и 1953 гг. был зафиксирован относительно больший размер семей в животноводческих колхозах (Ивановская и Рязанская области, 1953 г.)⁶. Одновременно отмечалось, что наибольший отток населения происходил из животноводческих и технических хозяйств.

По нашему мнению, в неурбанизированном окружении семьи в животноводческих колхозах действительно были более стабильными из-за отсутствия фактора сезонности и наличия постоянных заработков. По мере расширения городского влияния на первый план выступала пригородная ориентация большей части животноводческих хозяйств, поэтому прежние пре-

имущества уже не играли стабилизирующей роли по отношению к сельской семье. Таким образом, имеются очевидные основания утверждать, что фактор специализации хозяйства в сравнении с его вовлеченностью в сферу городского влияния был менее значимым.

Зависимость между размерами семьи и статусом хозяйства еще менее очевидна. Номинально семьи в передовых хозяйствах были больше (Московская и Орловская области, 1953 г.). Вместе с тем количество наличных членов семьи в передовом орловском колхозе «Власть труда» было меньше среднеобластного показателя – за счет работавших в государственных и кооперативных организациях, т. е. действовал фактор возможности альтернативного заработка в сравнительно более урбанизированной местности⁷. Средняя численность семьи в передовом рязанском колхозе «Красное Знамя» (1953 г.) была существенно выше, чем в отстающем хозяйстве (соответственно, 4,3 и 3,8 чел., а в среднем по области 4,12 чел.). Примерно так же различались и данные о наличной численности членов семей. Но что при этом играло решающую роль: статус передового хозяйства или тот факт, что передовой колхоз находился в 8 км от Рязани? Вряд ли ошибемся, если выскажемся в пользу второго обстоятельства.

Обследование 1985 г., предпринятое в Калининской области, довольно убедительно показало зависимость среднего размера сельской семьи от статуса населенного пункта [2, с. 166]. Действовала прямая зависимость: семьи были тем больше, чем в большем поселении эти семьи проживали. Больше всего одиночек зафиксировано в периферийных населенных пунктах. Тем самым подтверждается ранее высказанная мысль об отсутствии к середине 1980-х гг. иных, кроме городского окружения, значимых факторов, влиявших на размер семьи (табл. 6).

В середине 1980-х гг. все еще отмечались полярные тенденции в структуре сельской семьи, выразившиеся в преобладании малых (из 1–2 чел.) и по-прежнему значительном количестве очень больших

⁶ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 3998. Л. 1; Д. 4011. Л. 75.

⁷ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 4005. Л. 88; Д. 4008. Л. 96.

Т а б л и ц а 6

Средняя численность семьи в Калининской области в 1985 г. по категориям населенных пунктов*

Категория населенного пункта	Средняя численность семьи, чел.
Малые города, райцентры	2,6
В среднем по сельской местности	2,3
В том числе на центральных усадьбах	2,4
Поселки отделений	2,3
Рядовые поселения	1,6

* Составлена по: *Алексеев А.И.* Многоликая деревня (население и территория). М., 1990.

семей (из 6 чел. и более). При этом по сравнению с 1960-ми гг. численность очень больших семей сократилась примерно вдвое. Сохранялись труднопреодолимые различия в возрастной и половой структуре сельских и городских семей. Миграция в город в течение всего изучаемого периода определяла прогрессирувавшее старение сельского населения. Если же принять во внимание более активную миграцию женщин, то приходится констатировать утрату сельской семьей воспроизводящей функции. Кроме того, распространение в сельской местности в 1980-е гг. стандартов поведения, характерных для членов эгалитарных семей (при недостаточности условий, необходимых для выживания такого типа семьи на селе), обусловило непостоянство заключаемых брачных союзов, на что обращали внимание некоторые исследователи [2, с. 328; 3]. Существенно и то, что по мере урбанизации села меня-

лась мотивация заключения брачных союзов. Прежде достаточно широко распространенные хозяйственные соображения лишь в исключительных случаях теперь влияли на создание сельской семьи. Это также должно свидетельствовать о ее эгалитаризации.

Новые акценты в оценке роли сельской семьи связаны с тем, что механизация производства на селе постепенно устраняет ее зависимость от общинного типа хозяйства и повышает ценность семейного производства. Сегодняшняя экономическая роль семьи до конца не понята, констатируется лишь, что роль семейного хозяйства снижается в селах, но растет в городах [4, с. 48], что отнюдь не лишает его перспективы. А потому, видимо, можно согласиться с рядом авторов, считающих, что будущее села во многом связано именно с семейной экономикой [5, с. 26].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Староверов В.И.* Теоретико-методологические вопросы исследования, задачи и опыт анализа социального развития среднерусской деревни в свете регионального подхода в социологии // Социальный облик среднерусской деревни. М., 1986.
2. *Староверов В.И.* Некоторые проблемы социального развития современной деревни // Проблемы истории современной советской деревни. 1946–1973. М., 1975.
3. *Миронова Г.Л.* Демографическая ситуация в сельских поселениях ЦЭР (на примере Брянской области) // Методика и опыт изучения сельских поселений Нечерноземья. М., 1991.
4. Современные концепции аграрного развития : теор. семинар // Отечественная история. 1994. № 2.
5. Современные концепции аграрного развития : теор. семинар // Отечественная история. 1993. № 2.

*Статья поступила
в редакцию 01.07.2013*

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 902.6

Б.Д. ЛУРЬЕ¹, И.И. ПИЩИК², Е.В. КОРОЛЕВА³

ОБ ЭКСПЕРТИЗЕ ПАМЯТНИКА КРЕСТЬЯНСКОГО ЗОДЧЕСТВА ИЗ с. ВЕРХ-УЙМОН

¹Ведущий эксперт РРЗАО «Росреставрация»;

²д-р техн. наук,
эксперт Министерства культуры РФ, РГГУ, Москва
e-mail: bipik@mail.ru;

³заведующая Государственным музеем-заповедником им. Н.К. и Е.И. Рерихов
e-mail: e.v.koroleva@inbox.ru

В статье представлены результаты научной экспертизы качества восстановительных работ памятника крестьянского зодчества – дома В.С. Атаманова в с. Верх-Уймон Усть-Коксинского района Республики Алтай. Основным результатом экспертизы стало определение архаичных строительных технологий Верх-Уймо́на как алтайского варианта северно-русской архитектурной традиции, а также датировка древесины неразрушающим методом И.И. Пищика, которая дала спектр дат от 1457 до 1857 г.

Ключевые слова: реставрационные работы, экспертиза, уймонские старообрядцы, памятник деревянного зодчества.

В октябре 2007 г. экспертами РРЗАО «Росреставрация» (Москва) архитектором-реставратором деревянного зодчества Б.Д. Лурье и доктором биологических наук И.И. Пищиком были проведены обследование и оценка качества восстановительных работ дома Варфоломея (Вахрамеев) Семеновича Атаманова в с. Верх-Уймон Усть-Коксинского района Республики Алтай, с 1995 г. имеющего статус особо ценного памятника истории и культуры республиканского значения [1]. Экспертизе подвергся проект реставрационных работ, предоставленный директором АФСИ «Сибспецпроектреставрация» (Барнаул) А.А. Машонкиным, а также дом – результат восстановительных работ, выполненных Сибирским Рериховским обществом (СибРО, Новосибирск) в 1995–2003 гг.

С целью получения достоверной информации о первоначальном состоянии памятника экспертами была опрошена внучка В.С. Атаманова Мария Васильевна Сошнева (1925 г.р.), которая в детстве проживала в доме деда. Дополнительно был обследован наиболее архаичный образец традиционной архитектуры – дом Н.Ю. Клокова в с. Верх-Уймон, об-

наруженный в результате исследовательского рейда по селам Верх-Уймон, Мульта и Чендек. Частью экспертной оценки стала датировка образцов древесины неразрушающим методом И.И. Пищика¹. Ценность информации, полученной в результате проведенных экспертных мероприятий, выходит далеко за рамки прикладного значения экспертизы качества восстановительных работ отдельного старообрядческого дома, поэтому мы решили данной теме посвятить научную публикацию, дополнив экспертное заключение необходимыми комментариями, касающимися этнической истории уймонских старообрядцев.

В настоящее время ареалом проживания представителей этнографической группы уймонских старообрядцев является весь Усть-Коксинский район Республики Алтай, однако коренными старообрядческими селами остаются расположенные на правом берегу Катунь Верх-Уймон, Гагарка, Мульта, а также Тихонькая и Замульта. Старейшим селом среди них в устной

¹ Пищик И.И. Датирование древесины длительной выдержки неразрушающими методами: специальность 05.21.05 «Древесиноведение, технология и оборудование деревообработки»: Дис. ... д-ра техн. наук. М., 2005. 356 с.

традиции называется Верх-Уймон, что подтверждено архивными данными.

Официальной датой основания с. Верх-Уймон считается 1796 г. (в 2006 г. по этому случаю был отпразднован юбилей). Указанная датировка условна и отталкивается от даты легализации уймонских старообрядцев и возвращения их в российское подданство со статусом ясажных инородцев в 1797–1798 гг. Согласно устной традиции первыми русскими насельниками Верх-Уймона стали семьи Бочкаревых, Атамановых и Черновых. Представители именно этих фамилий являлись наиболее богатыми домохозяевами согласно переписи 1917 г. [2].

Основателями села называется семья Бочкарева. По легенде, записанной от Симеона Огнева, которому по переписи 1897 г. было 90 лет, это был Гавриил Бочкарев с сыновьями. Первоначально они жили в устье рек Аргут и Челушман, имели там обзаведение (мельницу и пашню), а затем переселились в Уймонскую степь по требованию властей [2]. Согласно сведениям из автобиографической рукописи Тимофея Филипповича Бочкарева (1917–2011) это были Василий Бочкарев с сыновьями Исааком, Григорием, Федором и Иоанном, а также Григорий Атаманов с сыновьями, которые прибыли в «долину Катуня» к «горе Белуге» из старообрядческих поселений на р. Кержа (Керженец)². Географическое местоположение села указывает на то, что Верх-Уймон был основан до официальной легализации беглых «каменщиков», но позднее их фактического проникновения в район Уймонской степи. Предположительно, первые дома в с. Верх-Уймон были перевезены из еще более удаленных высокогорных заимок [3].

Название села коренным населением уверенно связывается с легендарной фигурой алтайца Оймона (в различных вариантах Уймона, Уймонки, Аймона, Оймона, братьев-уймонов), который встретил и дружелюбно принял первых русских переселенцев³. Следует отметить, что «Уймон» (в русской кириллической и алтайской орфографии Оймон) – это алтайский топоним, обозначающий местность в верхнем течении Катуня у подножия г. Белуха, название которой, в свою очередь, восходит к алтайскому топониму Булукту (Облачная), заменяющему табуированное священное название горы в разговорной речи. Кроме того, «оймон» или «уймон» в русском произношении – это современные этнонимы, применяемые в равной степени к коренному тюрко- и русскоязычному населению: старообрядцам – «оймонам» («уймонам») и алтайцам «оймон-кижи». Согласно алтайской устной традиции «оймон-кижи» не только дружелюбно встретили и по-

могли перезимовать первым беглым «кержакам», которые «пришли ни с чем», но и охотно вступили с ними в родственные отношения путем заключения браков⁴.

Экспедиция К.Ф. Ледебура и А.А. Бунге в 1826 г. застала в Верх-Уймоне 14 дворов и смешанное русско-алтайское население. По сведениям исследователей, деревня была основана в 1801 г. Уже в этот период уймонцы занимались торговлей с Китаем пантами диких маралов (охотничьими трофеями), яйлажным скотоводством и дополнительно земледелием. В отличие от долины р. Бухтармы: «пшеницу здесь уже не сеют, да и рожь не каждый год дает хороший урожай» [4]. Позднее, под влиянием бухтарминских старообрядцев, а также в связи с ростом численности населения уймонцы перешли к загонному мараловодству [5]. Естественно, что при таком типе хозяйствования в этой группе надолго сохранился заимочный образ жизни. Так, заимками-спутниками Верх-Уймона вплоть до 1960-х гг., согласно устной традиции, были Лукова, Гадгарка, Щелкина, Леонтьевские кусты, Баулаево, Ойбок, Верхний и Нижний Околы, несколько Шугашей (местное произношение алтайского топонима Сугаш) [3]. Ликвидация этих населенных пунктов в XX в. была связана с политикой укрупнения сел.

Семья Варфоломея (Вахрамея) Семеновича Атаманова, согласно переписи 1917 г., являлась одной из трех богатейших семей в селе и владела 241 головой крупного рогатого скота, в основном маралами [2]. Супругой Варфоломея Семеновича была Екатерина Федоровна Бухтуева⁵. Это была большая семья, включавшая семьи братьев В.С. Атаманова – Серапиона и Петра, а также семьи его взрослых сыновей Василия, Прокопия, Симона. Именно эта большая семья приняла у себя в 1926 г. Центрально-Азиатскую экспедицию Н.К. Рериха. В 1928 г. семья В.С. Атаманова была раскулачена и отправлена в Нарым, где многие члены семьи погибли, в том числе Варфоломей Семенович.

Семидневное пребывание экспедиции Н.К. Рериха стало причиной включения дома В.С. Атаманова в перечень памятников истории местного значения в 1972 г. и позднее в список особо ценных памятников Республики Алтай в 1995 г. В 1979 г. на территории бывшей усадьбы Атаманова был создан музей им. Н.К. Рериха, который благодаря мемориальной специализации дал начало комплексному изучению и музеефикации культурного наследия уймонских старообрядцев.

Примечательно, что на различных этапах истории музея активное участие в его создании принимали потомки В.С. Атаманова: внучки Матильда (Матрена) Васильевна и Мария Васильевна Атамановы, правнучки архивист Татьяна Геннадьевна Мальцева, архитек-

² Шитова Н.И. Этническая история старообрядцев Уймонской долины Горного Алтая в старообрядческих нарративных источниках (по материалам рукописей Т.Ф. Бочкарева) // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы. М.: Боровск, 2011. Т. 1. С. 350–363. [Электронный ресурс]. URL: www.borovskold.ru/content.php?page=lonuemcd_rus&id=104 (дата обращения 23.10.2013).

³ Сообщение У.М. Аргоковой, В.Е. Казанцевой, Н.Ю. Клокова, А.А. Нетескина и других жителей с. Верх-Уймон.

⁴ Сообщение В.И. Катынова, жителя с. Курунда. Житель с. Тюнгур Г.Я. Шикаков так передает сцену знакомства: «Когда алтаец увидел первую русскую женщину, у него сделались очень большие глаза, он просто обалдел от такой красоты и тут же захотел на ней жениться».

⁵ Данные из родословной Матильды (Матрены) Васильевны Атамановой.

тор Наталья Евгеньевна Сладкова. К сожалению, все эти хорошо информированные и обладающие профессиональными познаниями люди были отстранены от непосредственного участия в процессе восстановительных работ дома их предка.

Благодаря фотографиям участников экспедиции Н.К. Рериха и детализированным воспоминаниям внучек В.С. Атаманова мы знаем, как именно выглядел дом снаружи и изнутри. Это был дом-связь классического северо-русского типа: двухэтажный, деревянный, рубленый «в обло с остатком» из лиственницы, под четырехскатной тесовой кровлей, ориентированный на юго-восток. Со стороны дворового (северного) фасада к дому примыкала рубленая в лапу пристройка с входом на первый и второй этажи.

Двухэтажная связь представляет собой развитие архитектурной формы высокого северного дома на подклети, образцом которого в Верх-Уймоне является старый дом Н.Ю. Клокова. Двухэтажным такой дом становится благодаря превращению подклети в жилой (или частично жилой) этаж. В классическом варианте подклеть – это не отапливаемое хозяйственное помещение под полом избы. На Алтае в сухом и холодном климате высокогорья первые два-три венца подклети (и первого этажа двухэтажной связи) закапывали в землю, а в самом помещении устраивали вход в глубокое (до 3 м вниз) подполье-«ледник». Зимой в ледник заливали воду, не таявшую все лето, и таким образом создавали условия для круглогодичного хранения замороженных мясных и молочных продуктов. Во влажном климате бывшей Архангельской губернии, где сформировался такой тип строений, первые венцы не только никогда не закапывали, но, напротив, поднимали над уровнем грунта с помощью каменных опор-«стульев».

Таким образом, дом В.С. Атаманова представляет собой алтайский вариант классического северо-русского архитектурного типа. Именно такого типа дома преобладают на фотографиях, выполненных в бухтарминских деревнях с 1903 по 1924 г. и хранящихся в фондах Российского этнографического музея [6]. В Верх-Уймоне ближайшим аналогом является дом Н.Ю. Клокова. Это связь на подклети с высоким крыльцом, имеющим старинную конструкцию с массивным опорным столбом и резными балясинами. Дом имеет тесовую кровлю на самцах, деревянный охлупень, деревянные водостоки, врубленные полки в интерьере, глухие одностворчатые ставни, традиционные для деревень старообрядцев «каменщиков» (бухтарминцев и уймонцев). В Верх-Уймоне есть еще один дом-связь на подклети и несколько изб-пятистенков старинной рубки, но ни у одного из них нет в сохранности такого количества архаичных элементов, присущих северо-русскому деревянному зодчеству.

Между тем старинные фотографии и воспоминания старожилов свидетельствуют, что в начале XX в. такие дома были в каждой деревне. Двухэтажные связи в первую очередь подверглись разрушению, так как их владельцы были раскулачены в 1928–1930-х гг., а

сами строения переходили в общественное пользование, становились общежитиями, детскими садами или передавались от одной советской организации к другой. Так были утрачены дома-связи в Верх-Уймоне, Гагарке, Катанде, Теректе. Последние образцы домостроений больших старообрядческих семей были разобраны в ходе приватизации совхозного имущества в 1990-е гг. Следует подчеркнуть, что разрушение или частичная утрата исторической ценности происходили прежде всего в результате перестроек, перепланировок и нерадетельного владения домами, а не по причине физического износа древесины несущих конструкций. Обследование старых строений экспертами дает основание утверждать, что условия сохранности древесины в Усть-Коксинском районе в силу особенностей местного климата являются одними из лучших в Российской Федерации, что и придает всем строениям особую износоустойчивость.

Интересный результат дал рейд по селам Мульта и Чендек. Здесь были обследованы все старинные строения, и нигде не обнаружено ничего похожего на уймонские дома-связи. Напротив, архитектурный тип мультинских домов может быть уверенно отнесен к приуральской (вятско-пермской) традиции. То же относится и к немногочисленным старинным домам Чендека. Это намного более молодые села, чем Верх-Уймон. Ориентировочная дата основания с. Мульта – 1870-е гг. Согласно местной легенде это село также возникло на месте алтайской стоянки (*юрт*). Перепись 1917 г. показывает, что две трети мультинских семей – это переселенцы из Вятской губернии и треть – из Томской губернии [7]. Таким образом, архивные данные идут в полном согласии с результатами архитектурного обследования экспертов.

На момент начала восстановительных работ в 1995 г. у дома В.С. Атаманова сохранился второй этаж, перебранный и поставленный на землю в 1940-х гг. после того, как в годы Великой Отечественной войны на дрова пустили первый цокольный этаж. Рассказы М.В. Сошневой (Атамановой) позволили уточнить планировку утраченного первого этажа. Он состоял из подклетной, темной, восточной части и светлой кухни в западной половине дома. В кухне имелись глинобитная русская печь и встроенные полаты. В темной восточной части первого этажа был устроен ледник описанной ранее конструкции. За счет заглубленных в землю первых венцов сруба окна первого этажа находились практически на уровне грунта. Чтобы попасть в кухню, нужно было спускаться на четыре ступеньки вниз от двери. На фотографиях 1926 г. видно 18 надземных венцов сруба. Для сравнения, в доме Н.Ю. Клокова 16 надземных венцов, не считая самцов, на которых лежит кровля. Таким образом, двухэтажный дом В.С. Атаманова лишь на два венца выше одноэтажной на подклети связи Н.Ю. Клокова, визуальная разница между ними была не велика.

За время существования памятник несколько раз менял хозяев и, соответственно, назначение, что повлекло за собой перемены во внешнем облике и ин-

терьере. Состояние дома к началу проектных и реставрационных работ зафиксировано на фотографии 1995 г. и в обмерных чертежах ГАП А.А. Машонкина. Творческие поиски вылились в три различных варианта проекта реставрации. К сожалению, ни один из них не был проектом дома В.С. Атаманова на время пребывания в нем экспедиции Н.К. Рериха. Несмотря на упомянутые в пояснительной записке «протоколы опроса родственников В.С. Атаманова», последние отражения в проекте не нашли. «Схема расположения зондажей», на которую дважды ссылается автор проекта, никак не привязана на местности.

В распоряжении экспертов находятся пять архивных фотографий 1926 г. (не считая фото 1995 г.), полученных у проектировщиков и опубликованных СибРО [8]⁶, которые должны были послужить основным материалом для проекта реставрации утраченных частей. Сравнение этих фотографий с выстроенным домом вызывает удивление.

Восстановленный дом заметно подрос: в нем 21 надземный венец, в отличие от старого дома В.С. Атаманова, где их всего 18. Пристройка (крытая лестница) северного фасада в доме В.С. Атаманова была срублена «в лапу», без выпуска срединного переруба наружу. Западная ее стена состояла из восьми венцов и примыкала к основному объему в уровне верха окон первого этажа. Она была изготовлена из более тонких и легких бревен, чем сруб дома, и, вероятно, собрана уже в усадьбе, в то время как сруб дома традиционно рубили и собирали в тайге и лишь затем перевозили на постоянное место.

В восстановленном доме пристройка рублена «в обло с остатком», с выпусками внутренней стены, а западная стена «подросла» до 12 венцов и примыкает к дому в уровне низа окон второго этажа. Бревна такого же размера, как и в срубе дома, тяжелые и широкие. Входная дверь произвольно сдвинута к западу. Расстояние от верха наличников второго этажа до фризовой доски в 1926 г. составляло 5–7 см, ныне – почти два венца (более 35 см). Центральная, каркасная часть пристройки второго этажа изменена до неузнаваемости и приобрела функцию лоджии, нетрадиционной для крестьянского дома.

Кухня в западном крыле первого этажа лишилась входа, а темный подклет в восточном крыле, напротив, приобрел два окна на южном фасаде. На фотографиях проектировщика видно, что этих окон не было в ходе сборки дома. Отлично видно количество «родных» бревен, нашедших свое место в срубе второго этажа, так как на этапе сборки они резко выделялись по цвету.

Лестница с забежными ступенями, устроенная в средней части дома, в связи, а не в прируб, как в остальных домах этого типа, окончательно ломает исторически сложившееся объемно-планировочное ре-

шение дома-связи вообще и дома В.С. Атаманова в частности.

Окна первого и второго этажей снабжены ставнями. Ни на фотографиях 1926 и 1995 гг., ни в обмерных чертежах нет ни ставней, ни следов от них. Оконные коробки второго этажа первоначальные, это следует из «Пояснительной записки» к проекту А.А. Машонкина.

Изначально стены изнутри были окантованы, углы срублены «в лас» – скруглены. Это следует как из воспоминаний М.В. Атамановой, так и из проектной документации. В ходе «реставрации» круглые углы были где спилены, где срублены, а внутренние поверхности бревен, оконные колоды и подоконные доски оструганы. Окна и двери в интерьере, украшенные профилированными наличниками, как и полы, – свежеструганная доска, покрытая лаком, безусловно, являются новым словом в истории крестьянского деревянного зодчества.

В интерьере присутствует кирпичная печь вместо глинобитной. На кровле установлена кирпичная труба нетрадиционной для данной местности формы и, что очевидно при сравнении с архивными снимками, не там, где она имела место у В.С. Атаманова. Встроенные полаты, ледник и другие традиционные черты интерьера уймонского старообрядческого дома отсутствуют.

Ограда вокруг усадьбы В.С. Атаманова в 1926 г. – это прясла, длинные тонкие жерди, закрепленные в желоба опорных столбов камнями или небольшими брусочками. Каждый пролет прясел легко разбирается, что необходимо, если во двор въезжает воз с сеном, строительными материалами, дровами или загоняют крупную партию скота. Восстановленный дом окружает забор из полубревен, намертво приколоченных к опорным столбам гвоздями. Один из столбов нового забора намного выше других. В исторической усадьбе это была коновязь, которую на момент прихода экспедиции Н.К. Рериха хозяин не успел еще обточить для придания нужной (алтайской) формы. Конечно, коновязь стояла отдельно, перед пряслами, и не была частью забора, что видно на экспедиционных фотографиях и чего не заметили исполнители восстановительных работ.

Подводя итог, можно сделать вывод, что объемно-планировочная структура восстановленного дома изменена и кардинальным образом отличается от первоначального дома В.С. Атаманова, а значит, не несет в себе ни информативных, ни культурных функций памятника. Строительные плотницкие приемы (вязка углов) не соответствуют первоначальным.

Следует поставить под сомнение согласованные утверждения подрядчика и проектировщика об ужасающем состоянии памятника на момент начала восстановительных работ. В 2007 г. древесина из подлинного дома В.С. Атаманова находилась в хорошем состоянии, несмотря на то, что она не всегда грамотно была использована. Так, некоторые венцы первого этажа из временной (старой) древесины были перевернуты и поставлены трещинами вверх, что недопустимо, так

⁶ Фотографии старого дома 1926 г. и дома-новодела можно найти на сайтах: www.altai.sibro.ru, а также www.uymon.ru/exhibitions/roerich_and_altai/ (дата обращения: 23.10.2013).

как в трещинах скапливается вода. Во втором этаже у пола восточной комнаты собран элемент из старой и новой древесины. Такое сочетание небезопасно, так как свойства этих материалов сильно различаются, они по-разному дают усадку и реагируют на изменения температурно-влажностного режима. Часть старой древесины отличной сохранности вообще не нашла применения в ходе восстановительных работ и лежала на заднем дворе⁷.

Впечатляющие результаты дала датировка древесины:

Наименование образца старой древесины	Порода древесины	Год рубки
13-1 венец северная сторона	лиственница	1857±15
Неиспользованная при реставрации древесины	лиственница	1822±15
Второй этаж, южная сторона изнутри	лиственница	1770±15
То же, другой венец	лиственница	1457±15
Элемент дома Н.Ю. Клокова (опорный столб крыльца)	ель	1667±15

Даты в таблице соответствуют датам рубки древесины. Из приведенных выше данных следует, что при строительстве (во второй половине XIX в.) или при перестройке (в 1940х гг.) дома В.С. Атаманова использовались бревна разных годов рубки, в том числе древесина длительной выдержки (т. е. такая, которая была старой уже на момент строительства). Датировать дом Н.Ю. Клокова по одному элементу невозможно, однако сам по себе результат представляет интерес и требует дальнейших исследований.

Вторичное использование старой древесины традиционно для русского деревянного зодчества в целом и для уймонских строительных технологий в частности. В некоторых случаях допускалось и даже особо приветствовалось использование мореной древесины. Принимая во внимание специфику с. Верх-Уймон, можно допустить перевозку срубов из удаленных горных заимок (из тайги). Экономически оправданным такой тип строительства оказывается уже тогда, когда расстояние до заимки хотя бы на треть короче расстояния до строевого леса. Чем выше уклон горы, где растет лес, тем меньше будет приемлемая разница в расстоянии. Кроме того, необходимо учитывать наличие технологии срубного строительства из лиственницы у алтайцев (оймон-кижи), вторичное использование строений которых старообрядцами «оймонами» вполне возможно, особенно на раннем этапе их истории⁸.

Так или иначе, вопрос о происхождении древесины длительной выдержки в уймонских строениях

требует дальнейших исследований. Указанная проблема представляет особый интерес в связи с необходимостью уточнения даты проникновения русских на территорию Уймонской степи и Горного Алтая. Требуется уточнения и дата основания с. Верх-Уймон. Если время основания сел в верховьях Катуня определенно связано с процессом легализации беглых «каменщиков» и возвращения их в российское подданство, то время основания первых русских поселений (в широком смысле, включая заимки) имеет длительный период истории, нелегальный с точки зрения российских властей, но вполне законный и оправданный с точки зрения административной системы Джунгарского ханства. Напрямую о джунгарском периоде в истории проникновения русских на Алтай свидетельствуют архивные данные. Донесения российских послов Петру I сообщают о том, что Галдан-Цэрен инициировал перемещение группы «горных мастеров» из Центральной России с целью развития собственного оружейного производства на территории Джунгарского ханства.

В своем донесении послы подчеркивают различие функционирования российской и джунгарской пограничных систем, отмечая преимущества последней. Сообщается, что наряду с оружейниками джунгарский хан привлекал «землепашцев», планируя создать на Алтае устойчивый источник пополнения зерновых запасов взамен утраченных в схватке с Китаем оазисов Синьцзяна [9]. С посольскими данными согласуются исторические легенды «оймонов», зафиксированные в рукописи Бочкарева Тимофея Филипповича из с. Мульта [4]. В легенде об уймонском первопроходце Исае Бочкареве имеется ряд характерных деталей, в первую очередь это осведомленность о конечной цели поисков места для жительства у «горы Белуги» и Катуня, а также дружественный прием алтайцем «Аймоном» (Оймоном)⁹, которые можно расценивать как косвенное свидетельство в пользу санкционированного джунгарской администрацией переселения.

Кроме того, в ситуации переселения малочисленной компактной группы старообрядцев русско-джунгарские контакты не обязательно могли иметь официальный характер. Данные о пути на Алтай, а также несторианскую по происхождению легенду о Беловодье русские могли получить у себя на родине через поволжских калмыков, переселившихся в Россию в 1650–1660-х гг. [10].

Подведем некоторые итоги:

– объемно-планировочная структура и строительные приемы восстановленного дома В.С. Атаманова изменены и кардинальным образом отличаются от первоначальных;

– планировка и конструктивные особенности исторического дома В.С. Атаманова позволяют отнести его к алтайскому варианту северно-русской архитектурной традиции;

⁷ Местные жители и соседи восстановленного дома сообщают, что старой древесины после сборки нововдела осталось много, и работники СибРО попросту сжигали ее на заднем дворе.

⁸ По сообщению З.Т. Музыковой, краеведа из с. Чендек, отказ от срубного строительства в пользу временных корьевого аиллов «алачик» происходил у алтайцев в связи с агрессией Цинского Китая в 1750–1780х гг.

⁹ Собирательное название алтайцев Уймонской степи, местный этноним: оймон-кижи.

– близкие аналоги дома В.С. Атаманова есть сейчас и были ранее в Верх-Уймоне, а также в некоторых селах бухтарминских старообрядцев, но не встречаются в ближайшем с. Мульта, что подтверждают архивные данные о различном происхождении первоначального населения этих сел;

– датировка древесины дает разброс дат от 1457 до 1857 г. и требует дополнительных исследований для уточнения времени рубки бревен из других старинных домов Усть-Коксинского района, а также технологии вторичного использования и происхождения старой древесины из старообрядческих заимок (алтайских стоянок);

– доказанный факт использования древесины длительной выдержки в жилых строениях Верх-Уймона в совокупности с архивными данными и историческими легендами «оймонов» позволяет поставить вопрос о пересмотре даты основания села, а также даты проникновения русских переселенцев на территорию Уймонской степи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Экспертное заключение по ремонтно-реставрационным работам по дому Атаманова В.С. с. Верх-Уймон Усть-Коксинского района Республики Алтай // Российское республиканское закрытое акционерное общество «Росреставрация». Генеральный ди-

ректор В.С. Евстигнеев / Эксперты: Лурье Б.Д., Пищик И.И. М., 2007.

2. Мальцева Т.Г. Документы по истории Усть-Коксинского района в ЦХАФ АК // Архивные чтения. Усть-Кокса, 09.06.2006.

3. Королев С.Ф. К вопросу о местоположении с. Верхний Уймон // Традиции природопользования народов Горного Алтая : Материалы конф. / сост. Е.В. Королева, С.Ф. Королёв. Бийск, 2009. С. 150–153.

4. Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. Новосибирск, 1993. С. 80–83.

5. Мукаева Л.Н. У истоков алтайского мараловодства // Традиции природопользования народов Горного Алтая : Материалы конф. / сост. Е.В. Королева, С.Ф. Королёв. Бийск, 2009. С. 120–126.

6. В поисках Беловодья. Проект «Разная Земля». СПб., 2010. Т. 1.

7. Истомина Н.М. Нижний Уймон, Мульта: рассказывают архивные данные // Традиции природопользования народов Горного Алтая : Материалы конф. / сост. Е.В. Королева, С.Ф. Королёв. Бийск, 2009. С. 147–149.

8. Галина Ярцева. Рерих и Алтай. – Н.: ИЦ РОССАЗИЯ, 2010.

9. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX вв. М., 1983.

10. Королева Е.В. Торговля и пути сообщения России с государствами Центральной Азии в истории заселения русскими Юго-Восточного Алтая // Усть-Коксинские архивные чтения. Барнаул, 2007. Вып. 1. С. 91–95.

Статья поступила
в редакцию 12.08.2013

УДК 821.161.1.09+930.85+002.2(163.1)(091)

О.Д. ЖУРАВЕЛЬ

ПРЕДИСЛОВИЯ В СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ

канд. филол. наук,
Институт истории СО РАН, НГУ,
г. Новосибирск,
e-mail: istochnik_history@mail.ru

В статье ставятся проблемы старообрядческой литературной культуры начала XVIII–XX вв. На материале предисловий к рукописным сборникам изучаются методы работы старообрядческих книжников. Центральное внимание в статье уделяется предисловиям в Урало-Сибирском патерике – историко-агиографическом своде, созданном книжниками согласия «часовенных», самого крупного старообрядческого согласия на востоке России, в 1940-х – начале 1990-х гг. Выявлены источники предисловий Урало-Сибирского патерика, среди которых – сборники, созданные выговскими старообрядцами в XVIII в. Показано, что вместе с текстовым заимствованием передавались идеи и концепции, имеющие важное значение в идеологии старообрядчества (утопические, эсхатологические идеи).

Ключевые слова: старообрядцы, рукописный сборник, Урало-Сибирский патерик, риторика, барокко, литературная культура, утопия, эсхатология.

Старообрядческая письменность, преемственно связанная с древнерусской, сыграла большую роль в сохранении национальных культурных традиций. Это сказалось в культуре создания и оформления рукописной книги, в частности, в том значении, которое старообрядческие книжники придавали предисловиям как важной, значимой, а подчас и самостоятельной части сочинения, сборника или рукописного кодекса (о роли предисловий в древнерусской рукописной и старопечатной книге см., например, [1]; попытка классификации предисловий на материале древнерусской агиографии проведена в работе Е.В. Маркасовой [2]). В старообрядческой литературе, как и в древнерусской, сборник остается главной формой бытования письменных памятников. Стремясь обосновать пра-

воту собственного вероучения, вписывая историю согласия в глобальный исторический контекст, защитники старого обряда создавали сложные многосоставные контекстовые формы – своды, антологии, сборники выписок и полемических подборок. Своеобразным путеводителем в сложной ансамблевой структуре подобных компендиумов становились предисловия: в них, помимо этикетных формул, устанавливающих конвенцию между автором и читателем, намечались концептуальные основы замысла, давалась краткая характеристика содержания.

Как научная проблема, решение которой позволило бы прояснить принципы работы книжника, понять сложные смысловые связи рукописных кодексов, изучение предисловий к старообрядческим сборникам начато в трудах современных исследователей старообрядчества. Комплексный анализ всех пяти предисловий к сборнику, сыгравшему роль краеугольного камня в утверждении основ идеологической системы защитников старого обряда, – «Христианоопасному щиту веры» инок Авраамия, – провела Л.Д. Демидова [3, с. 18–19]. Компильтивный характер двух виршевых предисловий в этой книге еще раньше в работе о силлабическом стихосложении установил А.М. Панченко, который доказал, что их текст заимствован из «Кирилловой книги» (1644 г.) и «Книги о вере» (1648 г.) [4, с. 82–102]. Это издания, прочно вошедшие в круг старообрядческих «книжных авторитетов» [5; 6]. Как показала Л.Д. Демидова, заимствования из авторитетных источников (кроме названных здесь, это труды Максима Грека) не помешали Авраамии наметить основные темы, раскрытые затем в сборнике, представить «Христианоопасный щит веры» как единое целое, «хранилище духовное», обозначив главную полемическую цель – дать отпор «никонианской ереси» и укрепить «верных» [3, с. 18].

Предисловия к нескольким старообрядческим сборникам рассмотрены Н.С. Гурьяновой [7]. Анализ предисловий к книге выписок, составленной в 1660-е гг. соловецким уставщиком Геронтием, доказывает единство замысла и подтверждает то, что эта книга изначально составлялась как полемический сборник, обладающий единой структурой. Н.С. Гурьянова отметила также важную роль предисловий к «Дьяконовым ответам» (начало XVIII в.) и к сборнику, составленному в 1760–1770-е гг. выговским писателем Андреем Борисовым [7, с. 46–47].

Л.Д. Демидова и Н.С. Гурьянова на конкретном материале исследовали и такую важную особенность предисловий, как компильтивность. Использование клишированных форм, «общих мест» на уровне отдельных приемов и целых текстовых фрагментов, мигрирующих из одной книги в другую, не противоречит основным особенностям поэтики древнерусской литературы, ориентирующейся на канон. Эта особенность характерна и для книжных предисловий. Авторское начало проявлялось порой в умении заново осмыслить «чужой текст», выразить собственную концепцию, пользуясь набором цитат и «общих мест». В этом старообрядческие книжники следуют древнерусской традиции. Состав источников, признанных авторитетными, дополнялся старообрядцами за счет сочинений признанных лидеров движения.

Н.С. Гурьянова высказала важную мысль, что на традицию составления предисловий оказала влияние книжная культура, пришедшая из Киевской митрополии [7, с. 44]. Добавим, что это была культура, развивавшаяся в условиях господства стиля барокко, культура риторическая по сути своей. Е.В. Маркасова, исследуя стилистику предисловия к Житию Корнилия Выговского редакции Трифона Петрова, обратилась к теоретическому материалу риторик [2, с. 243–252]. Как справедливо ею отмечено, в риториках, популярных у выговских старообрядцев (а эти тексты, заметим, имели барочный характер), предисловиям уделялось самое пристальное внимание. Так, в Риторике Софрония Лихуда предисловие сравнивается с торжественным входом в слово, «в царские палаты пресветлыя преддверия». Начальной части сочинения во всех риториках того времени посвящались специальные разделы. Объемными, пышно украшенными миниатюрами, буквицами и вязью предисловиями открывались даже сами книги по риторике, как заимствованные, так и оригинальные (к последним принадлежат Риторика-свод, 1720–1730-е гг., Поморская риторика, 1760-е гг. [8; 9, с. 61–67], сборники, содержащие фрагменты риторик и образцы слов, написанных по их правилам [9, с. 14–15, 31]). Подобные предисловия имели и самостоятельное бытование в письменности.

Закономерно, что влияние как предшествующей традиции (древнерусской и ранней старообрядческой), так и современной риторической сказалось на предисловиях к обширным сводам, которые с начала XVIII в. создаются в рамках выговской литературной школы (например, «Поморские ответы», «История об отцах и страдальцах соловецких» и «Виноград российский» Семена Денисова, «История Выговской пустыни» Ивана Филиппова), а затем, будучи включены в состав письменности старообрядцев разных согласий, влияют на позднейшую рукописную традицию. Предисловия к этим сочинениям, созданным в эпоху господства в старообрядческой книжной культуре барочных тенденций, оказали самое непосредственное воздействие на предисловия к Урало-Сибирскому патерику, написанному в таежных скитах во второй половине XX в.

Урало-Сибирский патерик – обширное историко-агиографическое сочинение, созданное в конце 1940-х – начале 1990-х гг. в крупнейшем на востоке России старообрядческом часовенном согласии. Его основу составили сочинения староверов XVIII–XIX вв. по истории конфессии, записи устных преданий, авторские тексты составителей патерика – крестьянских писателей. Памятник включил несколько десятков жизнеописаний пустынножителей, выполненных в древнейшем жанре агиографии¹. Рассказы Патерика о событиях и людях конца

¹ Об Урало-Сибирском патерике см.: [10, с. 314–394; 9, с. 308–331]. Отдельные главы опубликованы [11, с. 97–158]. В настоящее время Н.Н. Покровским, Н.Д. Зольниковой и О.Д. Журавель подготовлены к изданию два первых тома памятника.

XIX–XX вв. основаны на записях, которые делались в старообрядческих монастырских центрах (скитах) и в связанных с ними крестьянских поселениях по указу о. Симеона (Лаптева) – наставника часовенных, ставшего главным редактором этого труда и автором предисловий. То, что труд редактора явился откликом на существующую уже народную традицию записи преданий, отразившую столь важную для старообрядцев категорию исторической памяти, отмечено уже в первой фразе предисловия:

«Понеже убо мнози, ови съчиниша, ови же словом изъявиша различная повествования о пустынных жителех обоего пола, в последнее гонительное и плачевное время подвизавшихся в северных странах российския земли, в пределах уральской и сибирской пустыни, изволися убо и нам, сим последовавшим, сия их писания некую часть от нужнейших совокупити» (л. 1)². Само построение фразы, как и отсылка к преданию, находит соответствие в авторитетнейшем источнике – в Евангелии св. Луки, и эта параллель была отмечена [10, с. 315]. Ср.: «Понеже убо мнози начаша чинити повесть о известованных в нас вещех, яко же предаша нам, иже исперва самовидцы и слуги бывший словесе, изволися и мне последовавшу выше вся испытно, порядку писати тебе, державный Феофиле» (Лк 1: 1–4).

Аналогичный риторический прием встречается в сочинениях выговских авторов, например, в «Истории об отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова: «Аще убо древнии творцев Омир толико тщание, толико подвизание, толикий труд показа, во еже написати Тройска града начало, жителство и разорение, ...колько нам подобает множайшее тщание... явити ко изъявлению не града крепка и преславна, ...но монастыря свята и пречюдна»³. Ср. также в «Истории Выговской пустыни» Ивана Филиппова: «Древнии же списатели, еврейстии же и язычестии, писаша в своих летописцах и историях жития святых царей..., тако же и христианстии повествописци писаша о церковном состоянии и о престатии идольскаго нечестия,...тому же обычаю и мы последующе: аще и кратко и простыми речьми, обаче самую описуем истину...»⁴.

Очевидно смысловое отличие текста Патерика от этих версий: в нем, как и в Евангелии, автор сопоставляет себя с теми «многими», кто уже рассказывает о событиях, дело редактора – «совокупити», собрать воедино плоды народного творчества, выговцы же в первую очередь апеллируют к древней традиции, «Омиру» (Гомеру), языческим и раннехристианским писателям. Однако далее, после риторического пассажа, Семен Денисов в предисловии «Истории об отцах и страдальцах соловецких» ссылается на те же источники, что и автор Патерика: «...яже от различных списателей собрахом, яже от уст самобывших во время разорения обители в воинстве слышахом...»

Урало-Сибирский патерик <i>не похвалу сим, яже во устех грешных не красна есть, соплетаяще, но самыя вещи, самая деяния их изъявляюще</i> (л. 1)	«История об отцах и страдальцах Соловецких» <i>не похвалу мужем чюдным, яже во устех грешных не красна есть, соплетаяще, но самыя вещи, самая деяния отец, яже от различных списателей собрахом, яже от уст самобывших во время разорения обители в воинстве слышахом, яже от оставших соловецких отец известно научихомся, сия боголюбивых ушесем представляюще, возвещаем</i>⁵
---	--

Намечая план дальнейшего повествования, автор предисловия в Патерике также следует за выговским источником:

Урало-Сибирский патерик <i>И первое убо о начале благочестия, откуда изыде, и проповеди Слова Божия, и о неразрушимом пребывании христианскаго рода до скончания века, в краткости; таже о гонении, бывшем от никониян, и о великодушии страдания ревнителй благочестия</i> (л. 1–1 об.)	«История об отцах и страдальцах Соловецких» <i>И первее убо о начале святыя обители, когда создася... наконец о великодушии страдания ревности благочестия</i>⁶
---	---

Отметим и важное отличие: Семен Денисов пишет «о начале святыя обители». сибирский автор – «о начале благочестия», намечая историческую и одновременно эсхатологическую перспективу («до скончания века»). Урало-Сибирский патерик выразил свойственную старообрядческой историософии идею восхождения истоков своего

² Здесь и далее текст Урало-Сибирского патерика цитируется по ксерокопии: Собр. Института истории СО РАН, № 4/90-г, с указанием страниц в скобках.

³ Собр. Института истории СО РАН, № 54/71, л. 362–362 об.

⁴ Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. С. 1.

⁵ Собр. Института истории СО РАН, № 54/71, л. 363–363 об.

⁶ Там же. Л. 363 об.

вероучения к апостолам и самому Христу. Эта концепция, разделяемая уже протопопом Аввакумом, была сформулирована историографами Выга [12, с. 90–96; 13, с. 120–138], а затем поддержана идеологами других согласий, в частности, часовенных. Последнее нашло прямое выражение в жанре старообрядческих родословий [11] и в Урало-Сибирском патерике. «Старообрядцы ощущали себя и первыми христианами, и последними; в их сознании конец отчетливо смыкался с началом, замыкая круг истории, заключая время в контекст вечности» [14, с. 32].

Эсхатологическая призма задана и в первой процитированной выше фразе, где определены географические рамки повествования («в северных странах российские земли, в пределах уральской и сибирской пустыни»): «в последнее гонительное и плачевное время». Таким образом, предисловие задает ракурс повествования о событиях на протяжении более чем двух веков, исходя из слов апостола, что «времени больше нет» («яко время прекращено есть прочее» – 1 Кор. 7 : 29)⁷. Здесь же перечисляются и конкретные темы, раскрытые затем в Патерике: «о подвизавшихся в пустыни, и борбствовавших противу невидимых врагов, и о молебствах людских на могилах их, наконец, о различных чудесных событиях».

Примечательно, что, изыскав цель своего труда, о. Симеон заимствует стихотворный фрагмент сочинения Семена Денисова. 13-сложные силлабические вирши пришлись по вкусу писателю XX в.

Урало-Сибирский патерик	«История об отцах и страдальцах Соловецких»
да неведящий, слышавше, удивятся, ведящий же памятью обновятся, добраго усердия плод обще обимут, корысть послушания в небе восприимут	неведящий, слышавше, удивятся, ведящий же памятью обновятся, добраго усердия плод обще обимут, корысть послушанию в небе восприимут ⁸

Смысл стихов затем подробно поясняется, автор акцентирует важность проповеднической и даже миссионерской функции памятника. Главная его цель – «утверждение в вере». Сочинение адресовалось не только «ведящим», но и тем материалистам и атеистам из внешнего мира, кто не признает «никаких сверхестественных действий и чудес, и не исповедающих быти Бога, и никакого духа, ни добраго, ни злаго, т. е. ни ангела, ни души, ни беса» (л. 2). Именно поэтому актуальными становятся рассказы о чудесах, действенная сила которых в убеждении неверующих была доказана Самим Христом в его бытность на земле. Не случайно и самоназвание памятника: «Повести чудесных событий».

Все, о чем было сказано выше, относится к первому предисловию, которое озаглавлено и выделено графически. В памятнике присутствует и второе предисловие – им, без сомнения, является первая глава и начало второй главы 1-го тома (л. 3–5 об.). Это второе предисловие и раскрывает идею, намеченную в первом – представить историю согласия от его истоков, рассказать «о нерушимом пребывании христианского рода». Слитность текста этого второго предисловия с началом повествования об истории часовенного согласия не случайна: таким образом автор даже визуально показывает неотрывность жизни и деятельности согласия от самого корня христианской веры. Такой же прием используется и в «Истории Выговской пустыни»⁹. Глобальный контекст мировой истории предвещает повествование о пустынножителях Керженских скитов, откуда ведут свою историю староверы-часовенные.

Изложение истории истинной веры (и истории согласия) начинается с известной евангельской цитаты «Ты еси Петр, и на сем камени созижду церковь мою» (Мф 16 : 18), лежащей у истоков экклезиологии старообрядцев, отказавшихся от официальной церкви. Статус догмы получила цитата из Иоанна Златоуста «Церковь есть не стены и покров, но вера и житие»¹⁰, приведенная уже в «Поморских ответах» в качестве аргумента в пользу отказа от официальной церкви. Приводя евангельские цитаты, ссылаясь на богословскую литературу (Благовестник Феофилакта Болгарского¹¹), о. Симеон излагает свое понимание истинной веры. Важной для него является идея принадлежности к единому роду всех «верных» христиан: «и еще глаголет Христос: “Не придет род сей, дондеже вся сия будут”. Род, рече, не тогда сущий, но род весь христианский верный...» В сюжетах Патерика часто говорится о жителях старообрядческого скита как о «семье»; наставники и наставницы, обращаясь к рядовым скитянам, выражают свои отеческие и материнские чувства. Духовному единству (родству) отдается безусловное предпочтение перед физическим родством. Заострить мысль о всех членах согласия, некогда живших и живущих, как о едином роде, представлялось автору очень важным. Не случайно жанр исторических сочинений, использованных и в данном памятнике, определяется как «родословия».

⁷ Отметим, что в самих рассказах даты всегда указаны предельно точно, речь идет именно об эсхатологической призме восприятия событий «последнего времени».

⁸ Собр. Института истории СО РАН, № 54/71, л. 363 об. – 364.

⁹ История «рода христианского» плавно переходит в рассказ об основании Выга Даниилом Викуловым (Филиппов И. Указ. соч. С. 27).

¹⁰ Иоанн Златоуст. Слово о еже «Предста Царица» // Иоанн Златоуст. Маргарит. М., 1641. Л. 519.

¹¹ Феофилакт Болгарский. Евангелие с толкованием (благовестное). М., 1649.

В изложении историософской концепции, вывода «христианский род» от сошествия Святого Духа на апостолов в день Пятидесятницы, автор предисловия к Патерику берет несколько небольших цитат из авторитетной «Книги о вере» 1648 г., давая в целом самостоятельную краткую версию древней истории.

Урало-Сибирский патерик	Книга о вере
<i>По преславном убо Вознесении Господа нашего Иисуса Христа Дух Святыи прииде на святыя апостолы в День пятидесятный и научи их всему, еже веровати подобает <...> Тогда и наша отдаленная Россия не лишена была от проповеди апостольския (л. 3 об.-4).</i>	<i>По преславном же Воскресении Своем и Вознесении на небеса дело то спасенное божественным учеником и апостолом поручил...¹²</i> <i>В та же времена и веки и Русия не лишена бысть от проповеди апостольския¹³.</i>

Далее в описании процветания веры на Руси вплоть до патриарха Никона автор Патерики следует составителю «Винограда Российского». В этом сочинении Семена Денисова нашло яркое отражение утопическое представление о «золотом веке» православия на Руси. Для создания идеального образа Руси как цитадели православия, «теократической утопии» [15, с. 459–463], старообрядцами был использован «панегирический», по терминологии Н.В. Синецкой, аспект знаменитой доктрины «Москва – Третий Рим» [16, с. 269–278]. В соответствии с ним Московская Русь трактовалась как центр вселенского православия: «...Старого убо Рима церкви падеся... сия же нынѣ третьяго Рима, державнаго твоего царствия святая соборная апостольская Церкви, иже в концѣх вселенныя в православныѣх христианстей въѣре во всей поднебеснѣи паче солнца свѣтитца...» [16, с. 361].

Эта идея нашла яркое образное воплощение в «Винограде Российском» Семена Денисова. Пользуясь средствами барочной стилистики, выговский автор рисует пышную картину райского процветания в дониконовской Руси [9, с. 183–184]. Ответ райской утопии лежит и на фрагменте из предисловия Патерики, где излагается история российского благочестия.

Урало-Сибирский патерик	«Виноград Российский»
<i>великий князь Владимир своим добродовижным тицанием взыска светлость пресветлаго благочестия Сионскаго на востоке, всю Россию привел во благочестие, просвети. От Сиона бо, рече, изыде Закон, Слово Господне от Иерусалима, от греческих стран прия благочестия доброту, оттуду вся доброты православия, вся красоты церкви, оттуду архиепископы и епископы, и священники, и весь церковный причет преславно привлече, откуду преславная Россия так пресветло многосияннаго православия светом преоблиста, что не было града, ни села, ни веси, идеже благочестия свет не сияше (л. 4–4 об.).</i>	<i>великий убо и всехрабрыи князь Владимир, муж яко пречюдныи храбрости, тако дивнаго тицания сыи, иже своим добродовижным тицанием взыска светлость пресветлаго Сионскаго благочестия на востоке и взыскав от восточных стран, всю Россию привел во благочестие, просвети. От Сиона бо, рече, изыде Закон и Слово Господне от Иерусалима, от греческих стран прия благочестия доброту, ... отонуду архиепископы, епископы, священники и весь церковный причет, и вкратце рещи, вся доброты православия, вся красоты церкви, вся благолепия христианская, от грек в российския страны преславно привлече, откуду преславная Россия всепреславным благочестия просветившиися светом, толь всепресветло многосияннаго православия свет... простре, ... яко не бяше града, идеже благочестия свет не сияше, но бяше села, идеже православия луча не озаряше, не бяше веси, идеже благоверия сияние не блисташе¹⁴.</i>

Как видим, слегка сократив текст источника, автор Патерики следует довольно точно за Семеном Денисовым, в его текст попадают плеоназмы (добродовижный, многосиянный), являющиеся характерной чертой барочного стиля. Заимствуется фрагмент, где при помощи повтора ключевых слов с корнем «свет» путем риторического приема гомеоптотона формируется мотив райской идиллии.

Включен в предисловие Патерики и фрагмент из Уложенной грамоты цареградского патриарха Иеремии об утверждении патриаршества на Руси в 1589 г., вошедший в Кормчую 1653 г. В грамоте изложены основные тезисы теории «Москва – Третий Рим». Источником грамоты послужило Послание великому князю Василию III – одно из основных сочинений, представлявших доктрину [17, с. 86; 16, с. 299–305]. Эта грамота впервые пересказывается в Пятой Соловецкой челобитной [13, с. 121–122], а затем – со ссылкой на Кормчую – цитируется во всех крупнейших сочинениях старообрядцев: «Поморских ответах», «Винограде российском» Семена Дени-

¹² Книга о вере. М., 1648. Л. 30.

¹³ Там же. Л. 31.

¹⁴ Собр. Института истории СО РАН, № 54/71, л. 6–6 об.

сова, «Истории Выговской пустыни» Ивана Филиппова и, наконец, в Урало-Сибирском патерике, подтверждающая связь вероучения часовенных с традициями Московской Руси¹⁵.

И, наконец, автора XX в. не оставило равнодушным описание грандиозной мистерии порабощения мира силами тьмы. Эсхатологическая идея выражается Семеном Денисовым в контрастной барочной тональности, при помощи приемов гиперболы и персонификации. Приведем часть фрагмента Патерика, заимствованного из книги Семена Денисова.

Урало-Сибирский патерик	«Виноград Российский»
Но не до конца таковым пренебесным окружахомся веселием, не до конца всеблагодатного наслаждахомся преизобильно мира. О твоя ядоносная огнедыхательная злобы на нас, всепроклятыи дияволе! Не насытисся, пожер запад, не укротисся, смутив восток, но и на оставшая северная свирепо нагльствует, и на российскую всеблагодатную (увы!) наскочет страну, вся спасительная обезобразив, испроверже, вся тмою новшественных мраков загустив, помрачи... (л. 4 об.–5)	Обаче не до конца таковым пренебесным окружахомся веселием, не до конца всеблагодатного наслаждахомся преизобильно мира. Оле твоя ядоносная огнедыхательная злобы на нас, всепрепроклятыи дияволе!...¹⁶ Не насытисся, пожер запад, не укротисся, смутив восток, но и на оставшая северная свирепо нагльствует и нагло свирепеет, на российскийскую всеблагодатную (увы!) наскочет страну,... (Л. 14)¹⁷ вся спасительная обезобразив, испроверже,... вся тмою новшественных мраков загустив, помрачи...¹⁸

Таким образом, в предисловиях к крупным рукописным кодексам, посвященным истории и идеологии старообрядчества, среди которых – «Поморские ответы», «История об отцах и страдальцах соловецких», «Виноград Российский» Семена Денисова, «История Выговской пустыни» Ивана Филиппова, был сформирован общий круг тем и образов, которые использовались и в позднейшем обобщающем труде по истории часовенного согласия, Урало-Сибирском патерике. Среди идей, сформулированных в предисловиях и «мигрирующих» от памятника к памятнику, – важнейшие концепты старообрядческой историософии: эсхатологические построения и идеальное утопическое представление о Руси дониконовской как о своеобразном «золотом веке» христианства. Предисловие оказывается одним из способов передачи и хранения исторической памяти, включающей и самобытную мифологию, и языковые художественные средства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская старопечатная литература (XVI – первая четверть XVIII в.): тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981.
2. Маркасова Е.В. Предисловие к Житию Корнилия Выговского и традиция создания предисловий в агиографии XVII – начала XVIII в. // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 243–252.
3. Демидова Л.Д. «Христианоопасный щит веры...» инока Авраамия и идеология раннего старообрядчества : автореф. дис. канд. ист. наук. Новосибирск, 2013. 29 с.
4. Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. 280 с.
5. Покровский Н.Н. О роли древних рукописных и старопечатных книг в складывании системы авторитетов старообрядчества // Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973.
6. Гурьянова Н.С. Старообрядцы и творческое наследие Киевской митрополии. Новосибирск, 2007. 379 с.
7. Гурьянова Н.С. О предисловиях к старообрядческим сборникам // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 43–48.
8. Понырко Н.В. Учебники риторики на Выгу // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 154–162.
9. Журавель О.Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII – начала XXI в.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск, 2012. 442 с.

10. Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002. 471 с.
11. Духовная литература староверов Востока России XVIII–XX вв. / под ред. Н.Н. Покровского. Новосибирск, 1999. 800 с.
12. Крамми Р. Историческая схема выгорецких большеков // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 90–96.
13. Гурьянова Н.С., Крамми Р.О. Историческая схема в сочинениях писателей выговской литературной школы // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.) : сб. науч. тр.; под ред. Е.М. Юхименко. М., 1994. С. 120–138.
14. Герасимова Н.М. Поэтика «Жития» протопопа Аввакума. СПб., 1993. 87 с.
15. Зеньковский С. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века / Репр. воспроизвед. М., 1995. 528 с.
16. Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998. 416 с.
17. Гольдберг А.Л. Три «послания Филофея» (опыт текстологического анализа) // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 68–97.

Статья поступила
в редакцию 09.08.2013

¹⁵ Публикацию текстуально близких фрагментов из названных сочинений, включая Патерик, см.: [9, с. 185].

¹⁶ Собр. Института истории СО РАН, № 54/71, л. 12.

¹⁷ Там же, л. 14.

¹⁸ Там же, л. 15 об.–16.

УДК 903.22

Ю.С. ХУДЯКОВ

УЧАСТИЕ ТАТАРСКИХ ВОИНОВ В СОСТАВЕ РОССИЙСКИХ ВОЙСК В ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII в.*

д-р ист. наук,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: khudjakov@mail.ru

В статье рассматриваются исторические свидетельства участия военных отрядов, составленных из сибирских татар, находившихся на российской службе, в военных действиях против сторонников и наследников хана Кучума, которые стремились к восстановлению Сибирского ханства. Кроме того, показана роль сибирских служилых татар в охране границ, сооружении новых острогов.

Ключевые слова: татарские воины, российская служба, Сибирское ханство, Западная Сибирь.

Присоединение Сибирского края к Российскому государству существенным образом изменило положение страны в Европе и мире, значительно расширило ее территорию и возможности использования природных ресурсов в целях дальнейшего экономического развития. Россия превратилась в одну из ведущих европейских и мировых военных держав. Значение этих исторических событий для всего последующего развития российской государственности тем более велико, что начальный период освоения западных сибирских земель русскими людьми пришелся на годы серьезных внешнеполитических и военных трудностей и острого внутривосточного кризиса, вылившегося в целое десятилетие Смутного времени в начале XVII в.

Обладая в этот период весьма ограниченными военными силами и возможностями использовать дополнительные людские и иные ресурсы европейской части страны, российская администрация в Сибири смогла не только успешно противостоять попыткам сторонников хана Кучума и их союзников в кочевом мире возродить Сибирское ханство, но и сохранить подвластные земли и податное население, и даже расширить российские владения. Добиться столь значимых результатов российским властям в Сибири удалось не только за счет военно-технического превосходства над тюркскими и монгольскими кочевниками, выразившегося в обладании ручным огнестрельным оружием и артиллерией, в использовании эффективной системы оборонительных сооружений – острогов и маломерных судов для передвижения по водным артериям, но и в применении эффективной ясачной политики, сохранившей

привилегированное положение части знатного сословия сибирских тюркских, угорских и самодийских народов, перешедшего на положение вассалов московского «Белого царя» [1, с. 5–7].

Значение признания верховенства царской власти, перехода «под высокую руку» московского государя части татарской родовой знати в деле сохранения вновь присоединенных сибирских территорий в составе Российского государства было особенно велико в первые десятилетия после похода казачьего отряда Ермака в Сибирь. В этот период был жив и продолжал упорную вооруженную борьбу за восстановление Сибирского царства его правитель – хан Кучум. Не случайно царь Иван IV первоначально выразил порицание Строгановым за отправку казачьего отряда в Сибирь, поскольку опасался за безопасность своих владений в Приуралье [5, с. 214, 335–336]. В дальнейшем он пытался обратиться к Кучуму с предложением вернуться на царство, но при условии признания вассалитета и согласия на уплату ясака. Последующие цари пытались запрещать своим «ратным людям» совершать военные походы против ясачных остяков при условии уплаты ими дани [5, с. 337–338]. Лояльность по отношению к российским властям была особо значимым фактором для сохранения сибирских земель в составе Московского царства в период наступившей Смуты, когда центральная власть пришла в полное расстройство и не могла оказать сибирской администрации какой-либо реальной поддержки.

Вопреки некоторым сложившимся в отечественной исторической науке стереотипам Сибирское ханство отнюдь не было слабым, «эфемерным» государством, для разгрома которого хватило небольшого казачьего отряда [2, с. 34]. Это татарское государство располагало обширной территорией, охватывавшей

*Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-01-00049.

степную и лесостепную зоны Западно-Сибирской равнины, на которой проживало значительное по численности население, практиковавшее различные виды хозяйственных занятий, в том числе производящей экономики. По территории Сибирского ханства пролегали важные торговые пути в таежные районы из Средней Азии и Восточной Европы. В вассальной зависимости от сибирских ханов находились княжества угорских и самодийских народов, располагавшиеся в таежной зоне Западной Сибири. Они поставляли правителям дань пушниной. Сибирское ханство обладало значительными по численности вооруженными силами и разветвленной системой фортификационных сооружений. Сибирские татарские воины были знакомы с действием огнестрельного оружия, в том числе артиллерии [5, с. 225]. Однако они не сумели в должной мере освоить его применение ко времени похода казачьего отряда Ермака в Сибирь [6, с. 155]. Имеющиеся исторические и археологические материалы по истории и культуре Сибирского ханства свидетельствуют, что это государство обладало определенным потенциалом для своего развития. Поэтому военные успехи российских военных отрядов в противостоянии с войсками сибирских татар и их союзников из числа тюркских и монгольских народов, кочевавших в южных степных районах Западной Сибири, нельзя оценивать упрощенно, неоправданно занижая уровень развития военного дела в Сибирском татарском ханстве [3, с. 153–158; 9, 251–253].

В ходе целенаправленных исследований военного дела сибирских татар в период существования Сибирского ханства, проведенных в последние годы, археологам и историкам удалось реконструировать и объективно оценить комплекс вооружения и особенности военного искусства татарских воинов и сопоставить их с военным делом других тюркских и монгольских народов, а также русских казаков и служилых людей [1, с. 45–52; 3, с. 152–204; 9, с. 240–250]. Военные неудачи войск хана Кучума обострили внутренние противоречия между различными группировками в составе татарской правящей элиты, что привело к фактическому распаду прежде единого Сибирского татарского ханства. Определенная часть татарской родовой знати воспользовалась ослаблением ханской власти для выдвижения своих политических претензий на владычество над соплеменниками и объединилась вокруг князя Сейдяка и мурзы Карачи, которые готовы были пойти на переговоры с российскими властями. Однако в 1588 г. во время переговоров они, вместе с казахским султаном Ураз-Мухаммедом, были захвачены в плен [5, с. 270–271]. Лишившись своих предводителей, сторонники плененных татарских мурз разбежались, не пытаясь их освободить.

Другая часть татарской правящей элиты предпочла перейти на сторону российских властей ради сохранения своего положения и сословных привилегий, составив группу «служилых татар» [7, с. 44–45]. Исследователи выделяют такую группу в составе войска Сибирского ханства. Сибирские служилые татары размещались в городках. В последующий период,

после присоединения сибирских земель к Российскому государству, они перешли на службу к «Белому царю» [3, с. 161]. В дальнейшем из-за острой нехватки воинов для охраны сибирских владений российские власти начали принимать на службу татар – «йомышлы», уже в первые годы после присоединения лесостепных районов Западной Сибири, в конце XVI в. [7, с. 46]. Первые случаи приема на службу татар относятся еще ко времени пребывания в Сибири атамана Ермака [5, с. 218]. Ценные сведения о службе сибирских татар в составе российских войск были собраны Г.Ф. Миллером [4, с. 10–11].

Первоначально сибирские служилые татары служили проводниками по не известным для русских воинов местностям в Западной Сибири и были толмачами-переводчиками на переговорах с другими татарами, тюрками и монголами. Однако в 1590-х гг. их стали принимать на воинскую службу целыми группами. К этому российских властей побуждала тактика военных действий, предпринимавшаяся тогда ханом Кучумом. После серии поражений и утраты своих основных опорных пунктов – городков, расположенных на территории лесостепной зоны Западной Сибири, Кучум вместе со своими людьми откочевал на юг, в степи, и стал совершать набеги на владения тех групп сибирских татар, которые приняли российское подданство и обязались платить ясак московскому царю. Кучум пытался увести их в степные районы, подальше от российских владений, и тем самым сохранить в качестве своих вассалов и плательщиков податей. Чтобы получить поддержку от джунгарских тайшей и казахских султанов, он предоставлял им право собирать подати со своих бывших татарских подданных. Такая тактика привела к тому, что значительная часть сибирских татар перестала поддерживать Кучума и перешла на сторону российских властей. Это вынудило российские власти принимать меры для охраны ясачных татар от нападений и совершать походы против хана Кучума и его сторонников вглубь степной зоны Западной Сибири.

В 1590 г. отряд хана Кучума напал на ясачных татар, проживавших в долине р. Тобол. Затем его отряд совершил поход на Каурдакскую и Салымскую волости. Причем воины хана Кучума сурово расправлялись с местными татарами, убивали непокорных людей, награбили «много добра» [5, с. 272].

Вероятно, подобные нападения отрядов сторонников Кучума на сибирских татар, ставших российскими подданными, были вызваны стремлением наказать «изменивших» ему людей, но эти действия, несомненно, оттолкнули от него определенную часть сибирского татарского населения и способствовали увеличению численности тех, кто стремился перейти в категорию «служилых татар». В ответ на эти набеги против Кучума был послан военный отряд под предводительством воеводы В. Кольцова-Масальского, в составе которого наряду с русскими воинами находилось значительное количество «служилых татар». Отряд атаковал сторонников хана, находившихся в его ставке на оз. Чуланкуль в долине р. Ишим. В ходе упорного боя сторон-

ники Кучума потерпели жестокое поражение. Многие из них были убиты, а оставшиеся были вынуждены спасаться бегством. Некоторые из его родственников и приближенных попали в плен. В дальнейшем хан, бежавший вверх по Ишиму, еще не раз нападал на ясачных татар, живших в долине р. Тара [5, с. 273].

Впрочем, иногда новые сибирские подданные московских царей – татары – проявляли недовольство своим положением и вместе со своими семьями откочевывали с тех мест, где должны были охранять российские пограничные земли. Например, в 1595 г. группа служилых татар покинула окрестности Тюмени и ушла в верховья р. Тобол [7, с. 46].

Сибирские «служилые татары» не только несли службу по охране границ, но и участвовали в сооружении острогов. В 1594 г. большое количество поволжских и сибирских татар из разных этнотерриториальных групп, тобольских, тюменских, верхотурских и ондревских, и башкир были привлечены к строительству острога на р. Таре. Возглавляли отдельные подразделения, составленные из служилых татарских воинов, военачальники из числа их соплеменников – «татарские головы» Баязет и Байбахта [5, с. 282, 351]. Сооружение данного опорного пункта было направлено на усиление борьбы со сторонниками восстановления Сибирского ханства. Значительная часть татарского населения оказалась в составе российских владений.

В 1590-е гг. военные отряды, включавшие «служилых татар», стали активно привлекаться для участия в военных действиях против войск хана Кучума и его сторонников.

Узнав о строительстве острога на Таре, хан Кучум попытался увести населявших эти земли аялыньских татар из окрестностей Тары на юг, вверх по течению Иртыша, чтобы сохранить их под своим владычеством. На о-ве Черном сторонники Кучума построили укрепленный городок, где были поселены аялыньские татары [5, с. 288]. Российские власти в Сибири стремились противостоять действиям хана Кучума. В 1595 г. отряд казаков и служилых людей, который возглавлял военачальник Б. Доможиров, атаковал и взял это укрепление, захватил в плен нескольких татарских мурз. Черный городок был сожжен. Однако самому хану Кучуму снова удалось бежать [5, с. 289]. В составе этого российского отряда, помимо казаков, стрельцов и «литвы», находились «тобольские юртовские татары» [5, с. 359]. В том же году отряд Б. Доможирова и С. Рупосова, в составе которого были помимо стрельцов и казаков служилые юртовские и волостные татары (тобольские, тюменские и тарские), совершил поход в Барабинскую степь и взял Чангульский городок. В результате этого похода барабинские татары покорились и стали платить ясак в г. Тару [5, с. 290, 361]. В наказе об отправке этого отряда говорилось, что «которые князьки и татарове государю служат, и в город к воеводам приходят, и ясаки платят» и сообщают «про умышление» Кучума и ногайцев, то «тех татар поить и кормить государевым запасом, и бережение к ним и ласку держать великую и отпускать их к себе не задерживая» [5, с. 356].

К концу XVI в. сибирские воеводы убедились в том, что хана Кучума можно побеждать, не дожидаясь, пока он нападет на российские владения. В 1598 г. в состав российского войска под командованием воеводы А. Воейкова был включено подразделение из трех сотен служилых сибирских татарских воинов из городов Тары и Тобольска. В результате этого похода был обнаружен лагерь хана Кучума на р. Ирмень в Приобье. Татарскому войску было нанесено решающее поражение. Немало татарских воинов погибло, многие попали в плен, в том числе жены и дети хана Кучума. Было захвачено все имущество правителя Сибирского ханства [5, с. 291]. Хотя самому хану вновь удалось бежать в джунгарские владения, в верховья р. Иртыш, силы его сторонников к сопротивлению российским властям были в значительной степени подорваны. Даже некоторые из его родственников и ближайших соратников, разуверившись в возможности достижения успеха под началом Кучума, покинули хана. Они попытались самостоятельно договориться с российскими властями в Сибири о заключении мира.

В грамоте 1600 г. царь Борис Годунов потребовал, чтобы казаки и стрельцы, которые должны принимать участие в строительстве нового острога в «Епанчине юрте», по отношению к местным жителям, татарам, вогулам и осякам, «насильства никакого не чинили», а острог соорудили «на пустых местах» [5, с. 375–376].

В 1600 г. сыновья хана Кучума – Али, Канай, Азим, Кубей-Мурат, возглавлявшие отряд своих сторонников из числа сибирских татар и башкир, ставка которых находилась в верховьях Ишима, отправили своих послов к российским властям в Тобольск, выразив готовность на определенных условиях покориться «белому царю». Однако сибирские воеводы не имели полномочий самостоятельно заключить такое соглашение. Приехавший на переговоры Кубей-Мурат был задержан и вместе со сдавшимся в плен еще одним сыном хана Кучума, Ишимом, отправлен в Москву. В дальнейшем Али и его сторонники поставили условием для ведения переговоров возвращение плененных братьев, что не могло быть выполнено российскими властями в Сибири [8, с. 209].

Вследствие обрушившихся на него неудач хан Кучум был вынужден бежать к ногайцам. Он лишился всех источников к существованию и захватил у ногайцев несколько лошадей. Из-за этого он сам подвергся нападению ногайцев и погиб в 1601 г. [8, с. 207]. Однако, несмотря на гибель Кучума, его наследники не прекратили борьбу за восстановление Сибирского ханства.

Узнав о гибели отца, его старший сын Али, возглавлявший отряд из трех сотен воинов, в том же 1601 г. провозгласил себя ханом – «сибирским царем» [8, с. 209]. В 1603 г. в стан хана Али пришел отряд ногайцев, татар и башкир, во главе которого был ногайский Урус-мирза. В результате воинские силы Кучумовичей значительно возросли. Под началом Али оказалось более тысячи воинов. Он планировал поход на Тюмень, однако узнал о том, что некоторые его

родственники, в том числе его брат Канучвар и вдовы Кучума, были отпущены из Москвы. Поэтому запланированный поход не состоялся.

В дальнейшем Кучумовичи вернулись к прежней тактике ведения военных действий, проводившихся ханом Кучумом в последние годы его жизни. Они совершали набеги на те группы татарского населения, которые подчинились российским властям, грабили их и пытались увести в степи, подальше от границ российских владений в Сибири. В своей деятельности они пользовались поддержкой правителей ногайцев и джунгар. Однако те поддерживали сторонников Кучума не бескорыстно, требуя права сбора податей с подданных Кучумовичей. Сибирские татары, платившие достаточно скромный ясак московскому царю, подвергались грабежу со стороны своих джунгарских и ногайских «союзников». Вероятно, это только усиливало их желание освободиться от претензий Кучумовичей и перейти под власть «белого царя», который мог бы обеспечить им реальную защиту от непомерных поборов. Российские власти были вынуждены организовывать и совершать походы в степь, чтобы вернуть уведенных подданных на места прежнего поселения. В ходе военных действий против сторонников восстановления Сибирского ханства российские власти активно привлекали военные отряды, состоявшие из служилых татар, возглавляемые татарскими командирами.

В 1607 г., в самый разгар Смуты, военный отряд, составленный из сибирских татар и джунгар, во главе которого стояли сыновья Кучума Азим, Ишим и Канучвар, совершили поход на Тюменский уезд, захватили населенный местными киньрскими татарами Киньрский городок. Кучумовичи взяли в плен и увели местное татарское население в степные районы в верховьях р. Ишим. Против них был послан российский военный отряд, составленный из служилых татар, который возглавлял татарский голова Казарий Изъетдинов. В ходе этого похода наследникам хана Кучума было нанесено серьезное поражение. Угнанные из окрестностей Тюмени татарские жители были освобождены. В плен были взяты жены и дети хана Али и его брата Азима. В следующем году все пленники были отправлены в Москву [8, с. 209].

Этот поход показал, что находившиеся на российской службе сибирские служилые татары, возглавляемые своими татарскими командирами, могут не только принимать участие в военных действиях против своих соплеменников, но и добиваться серьезных военных успехов. Вероятно, это поражение серьезно ослабило сторонников восстановления Сибирского ханства. В последующие несколько лет, несмотря на ослабление российской государственности в Смутное время, они не предпринимали попыток подчинить себе татарское население, принявшее российское подданство.

В то же время российские власти, с помощью своих татарских подданных, смогли не только успешно противостоять военным нападениям со стороны наследников хана Кучума, но и расширить свои владения

и обложить ясаком некоторые этнические группы тюркского населения Южной Сибири.

Служилые татарские воины принимали участие в военных действиях на территории Сибири в составе российских войск против не только своих соплеменников, но и других тюркских этносов. В июне 1609 г. отряд томских служилых людей и татар «человек 300» из Томска был послан в верховья Чулыма, против енисейских кыргызов. Последние были застигнуты врасплох. В результате ночного нападения служилых людей и татар они были вынуждены бежать с поля боя. Часть кыргызских воинов была перебита, а их жены и дети, имущество и скот были захвачены. Однако во время возвращения «киргизские люди на погоне томских служилых людей и татар побили и переранили» более 20 чел. и отняли добычу [5, с. 419].

Сами служилые татары также нередко подвергались нападениям со стороны тюркских и монгольских кочевников. В июле того же 1609 г., пока служилые татары выступили в поход на кыргызов, на р. Томь пришли «черные калмаки» – джунгары. Они «сторожей Томских татар переранили, и полон поимали, и стадо Томских татар поотогнали». Посланный в погоню отряд служилых людей не догнал джунгар. Однако через некоторое время князь «белых калмаков» – телеутов Абак смог вернуть томским татарам полон и угнанных лошадей [5, с. 419–420].

В течение первых трех десятилетий со времени похода Ермака, несмотря на ограниченность людских ресурсов и затяжной внутривосточный кризис в стране, во многом благодаря умелой политике в отношении коренного населения и привлечению некоторой его части на службу российские власти смогли сохранить сибирские земли в составе Российского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимовлияние тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в Позднее Средневековье и Новое время : учеб. пособие. Новосибирск, 2010.
2. Кызласов Л.Р. О присоединении Хакасии к России // Страницы истории и современность. Абакан; М., 1996. Вып. 2.
3. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань, 2012.
4. Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. М., 1998.
5. Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. М., 1999. Т. 1.
6. Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982.
7. Тычинских З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Казань, 2010.
8. Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). Казань, 2002.
9. Худяков Ю.С. Военное дело Сибирского ханства в Позднем Средневековье (в аспекте взаимодействия с русскими) // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2007. Т. 6, вып. 3: Археология и этнография.

Статья поступила
в редакцию 23.04.2013

УДК 930.85(097)

И.Н. НИКАНОРОВ

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЛЕГЕНДАРНОГО СТАРООБРЯДЧЕСКОГО СОБОРА
И СБОРНИК «ОТЕЧЕСКИЕ ЗАВЕЩАНИЯ»**Новосибирский государственный университет
e-mail: nikanorov1203@yandex.ru

Статья посвящена исследованию рукописной традиции старообрядческого сборника «Отеческие заветы». Рассматривается включение в один из списков второй половины XIX в. постановления легендарного старообрядческого собора. Делается вывод об изменении у федосеевцев отношения к авторитетным текстам и способа ведения полемики во второй половине XIX в.

Ключевые слова: старообрядчество, федосеевцы, Преображенское кладбище, традиция, рукописный сборник, Церковь, реформа патриарха Никона.

Традиция составления рукописных сборников являлась одной из характерных особенностей книжной культуры Древней Руси. Благодаря старообрядцам она не просто сохранилась, но и развивалась в Новое время [1, 2, 3]. Для защитников старого обряда рукописные сборники стали формой изложения взглядов на богословские, актуальные социальные и политические вопросы, а также способом ведения полемики с другими согласиями и официальной Церковью. В них нашли отражение взгляды старообрядцев на подобающее поведение «христианина», внутреннее устройство общины, а также на окружающий их «внешний» мир.

Федосеевское согласие было крайне влиятельным в беспоповщине, но его идеология до сих пор остается недостаточно изученной. В конце XVIII в. центром федосеевского согласия стала московская Преображенская община, наставникам которой потребовалось подвести под это идеологическое основание. Итогом их работы явился сборник «Отеческие заветы», одобренный соборно в 1805 г. В него были включены наиболее авторитетные для федосеевцев тексты – от основателя согласия Феодосия Васильева до соборных постановлений начала XIX в. Работа над сборником продолжалась и после соборного одобрения. В результате появился сборник постоянного состава из 60 глав, который стал определять внутреннюю жизнь согласия – московского центра и региональных общин.

Сборник «Отеческие заветы» с подписями наставников Преображенского кладбища дошел до нас, к сожалению, только в фотокопии, сделанной с рукописи В.Г. Дружининым¹. Известны еще пять списков этого текста: три – середины XIX в.² и два – конца XIX в.³. Все рукописи парадно оформлены, но в различной

манере. Следовательно, они были созданы в разных мастерских. Это свидетельствует о том, что сборник «Отеческие заветы» был востребован не только на Преображенском кладбище, но и в региональных общинах. Обилие декора и парадное оформление сборников позволяют заключить, что его текст воспринимался в качестве авторитетного и переписывался с целью иметь в общине свод правил, определяющих внутреннюю жизнь и отношение к «внешнему» миру.

Обращение к тексту поздних списков позволяет уточнить процесс его функционирования на протяжении XIX в. Анализ пяти списков дает возможность сделать вывод, что к основному, соборно одобренному в начале XIX в. тексту «Отеческих заветов» федосеевцы относились с большим пиететом. Его переписывали практически без изменений, допуская только исключение незначительных фрагментов, которые, по-видимому, к тому времени утратили свою актуальность. Сохраняя основной текст, создатели поздних списков считали возможным дополнить его, включив новые сочинения. Эти включения делались при бережном отношении к концепции сборника. Они явно призваны были либо усилить уже имеющуюся аргументацию, либо актуализировать ранее помещенное сочинение.

В качестве яркого примера подобной работы, которую проделал создатель позднего списка, может служить рукопись второй половины XIX в. – РГБ, собр. Егорова, № 1049. В этот список не просто было включено новое сочинение «Собор на новизны Никона патриарха», а помещено оно в качестве первой главы, открывающей сборник. Такое расположение текста придавало ему особую значимость. Соборно одобренный вариант основного текста начинался с наиболее авторитетных ранних памятников письменности, в которых излагались основы федосеевского вероучения.

Новое сочинение представляет собой деяние собора, якобы состоявшегося в 1656 г. в Курженской оби-

¹ БАН, собр. Дружинина, №701.

² РГБ, собр. Шибанова, № 211; собр. Егорова № 1048, 1951.

³ РГБ, собр. Егорова, № 1049, 1067.

тели. Поскольку в 1882 г. Н.И. Ивановский в статье осуществил публикацию и критический анализ этого источника и привел достаточно убедительные аргументы в пользу легендарности собора и подложности данного деяния [4]⁴, мы обратим внимание только на место этого текста в сборнике «Отеческие завещания» и на содержание данной исторической подделки. Факт его включения в один из списков сборника, составленного, как мы уже отмечали, из наиболее авторитетных для федосеевцев текстов, знаменателен.

На протяжении всего XVIII в. использование документальных подделок в полемике с официальной Церковью было неприемлемо для старообрядцев. Более того, именно представители первого поколения выговцев, почитаемые среди федосеевцев в конце XVIII–XIX в. [5]⁵, выступали разоблачителями нескольких подложных сочинений и внесенных корректив в авторитетные рукописи, которые Церковь использовала для доказательства истинности троеперстия [6, 7]. Выговцы уже в начале XVIII в. освоили вполне научные методы внешней и внутренней критики источника, ставшие достоянием российской исторической науки только в XIX в. Это позволило В.Г. Дружинину справедливо назвать их первыми русскими палеографами [8]. Критическое отношение к древним текстам, сочетавшееся с высоким уровнем книжной культуры и уважительным отношением к книжному наследию Древней Руси, исключало возможность использования старообрядцами подложных свидетельств для обоснования собственной позиции в XVIII в.

Поэтому включение в один из списков сборника «Отеческие завещания» якобы подлинного документального свидетельства «Собор на новизны Никона патриарха» заслуживает особого внимания. Прежде всего, следует обратить внимание на содержание этого текста. Уже первые фразы задают тон всему деянию: «Во славу Всевышняго Бога и во утверждение христовой Церкви текущаго ныне лета седьмая тысяча сто шестьдесят четвертаго генваря 7 числа мы сочлены церкви Христа Бога нашего оставшиеся в тяжком гонении и чистоте евангельской истины: уклонившиеся от суетнаго сонма Никона патриарха, предзнаменнованного во апокалипсисе семиглавнаго зверя»⁶. Собранные на собор обозначены как «сочлены Церкви, уклонившиеся от суетнаго сонма Никона патриарха, предзнаменнованного во апокалипсисе семиглавнаго зверя».

Далее патриарх Никон трактуется автором в качестве «чувственного» антихриста, что позволяет автору обосновать «разсыпание руки людей освященных»⁷ и

безблагодатность возглавляемой им Церкви. «Суетному сонму Никона» в тексте противопоставлены участники Курженского собора – «из всего священноначалия, всех крепостных и страданием помазанных мужей, и всякого сословия мирских мудростию и благочестием украшенных»⁸. Затем в постановлении сообщается, что якобы участники собора рассмотрели «довольно и с великим вниманием» внесенные патриархом Никоном изменения и постановили «отноудь за священные и благодатию освященные (их. – *И. Н.*) не признавать»⁹. Не менее категоричен и вывод по поводу отношения к приверженцам официальной Церкви: «В случае же обращающихся от никонианской церкви к нашему благочестивому согласию то таковых паки подобает нам совершенно крестити»¹⁰, т. е. якобы было принято решение принимать приходящих от официальной Церкви первым чином, как еретиков, а поддерживающим реформу Никона провозглашалась анафема. Как и положено для реального соборного постановления, в данном случае тоже помещен список подписавших его.

Даже столь краткая характеристика содержания постановления легендарного собора вполне проясняет цель, с которой этот текст был включен в сборник «Отеческие завещания». Он представлен как самое раннее авторитетное соборное постановление, осудившее проводимую патриархом Никоном реформу, объявившее его антихристом. Основной текст сборника получил бы дополнительный и очень весомый аргумент, если бы не подложность этого деяния. Составители не только не почувствовали какого-либо подвоха, но и явно посчитали его весьма авторитетным. И для этого у них были основания. В старообрядческой традиции существуют несколько ранних авторитетных текстов, в которых говорится об этом легендарном соборе. Попытаемся определить источники, которыми воспользовался автор подложного соборного деяния.

Первые упоминания о легендарном соборе можно обнаружить в агиографических сочинениях и мартирологах, посвященных защитникам старого обряда первого поколения. В «Житии Корнилия Выговского» Пахомиевской редакции, составленном на Выгу в 1720-е гг. (далее – «Житие»)¹¹ [9; 10], упоминалось не о соборе в Курженской обители, а о собрании боголюбцев в Москве, на котором якобы обсуждались реформы патриарха Никона и было решено перекрещивать тех, кто принял изменения в богослужебной практике. Указание на проведение этого собрания помещено не в основном тексте, а в одном из ретроспективных рассказов, повествующих о добродетелях святого. Во второй редакции жития Корнилия Выговского, переработанной Трифоном Петровым в соответствии с правилами учебника риторики [10], эти эпизоды были исключены,

⁴ Примечательно, что обнаруженный Н.И. Ивановским текст соборного деяния и опубликованный им в статье несколько отличается от включенного федосеевцами в сборник «Отеческие завещания».

⁵ В конце XVIII в. федосеевцы и филипповцы приняли самоназвание – старопоморцы, объявив себя наследниками выговской традиции и указывая, что современные им поморцы отступили от нее, введя моление за императора 1739 г.

⁶ РГБ, собр. Егорова; 1049. Л. 19–20.

⁷ Там же. Л. 20 об.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 20 об. – 21.

¹⁰ Там же.

¹¹ Первая редакция жития была составлена келейником Корнилия, иноком Пахомием, и поэтому содержит множество личных свидетельств о старце.

поскольку не вписывались в редакторский замысел и каноническую структуру жития.

В другом выговском сочинении – «Сказание о страдании и скончании священномученика Павла, епископа Коломенского» [11] (далее – «Сказание»), атрибутированном П.С. Смирновым Андрею Денисову [12], содержится уже не просто упоминание, но рассказ о соборе в Курженской обители. Однако обращает на себя внимание неоднородная структура самого «Сказания», которое мы можем условно разделить на две части. В первой повествуется о борьбе Павла Коломенского против никоновских реформ во время его заточения в Палеостровском монастыре и заканчивается его казнью в Новгороде в 1656 г.

Центральным эпизодом в структуре первой части «Сказания» является наставление Павла Коломенского пришедшим к нему послушникам об отсутствии благодати у духовенства, поддержавшего реформу патриарха Никона, и соответственно о недействительности всех совершаемых ими таинств, включая крещение. Это, как указывается, засвидетельствовали «вси священнии мужие, яко иноческаго чина и священноинцы...» [11, с. 13]. Таким образом, автор указывает, что источником данного сюжета выступает рассказ соловецких иноков, тесно связанных с идеологией и становлением литургической практики беспоповцев. Далее Павел Коломенский сообщает пришедшим к нему послушникам о трех архиереях, все же сохранивших «древнее благочестие» в лоне Церкви – «Макария глаголю митрополита Новгородскаго сего вам светилника показую, хранящего в недрах своих свет истинныи древняго благочестия. Второго реку вам подобна первому светилника Маркела архиепископа Вологодскаго. Сей бо такоже хранит древния святыя церкви разум, в ней же баше крещен, и рукоположен истинно. Тако же и третияго светилника глаголю вам Александра, епископа Вятскаго...» [11, с. 14]. Перечисленные архиереи якобы являлись противниками реформ патриарха Никона и поэтому указывались сохранившими «благодать», в противоположность остальным представителям официальной Церкви.

Вторая часть сказания посвящена рассказу о Курженском соборе. Обращает на себя внимание, что этот сюжет помещен после сообщения о казни Павла Коломенского, т.е. расположен не по хронологическому принципу. Это может свидетельствовать о важности данной темы, что позволило выделить ее в отдельный смысловой блок в структуре «Сказания», либо о том, что данный сюжет был включен в повествование позже, для большей доказательности ранее изложенного. Проведение легендарного собора связывается с именем известного деятеля раннего старообрядчества – игумена Досифея, который якобы «со многими великими отцы постники и знаменосцы» организовал в Курженской обители в 1656 г. собор для рассмотрения отношения к реформе патриарха Никона. Далее сообщается, что итогом этого собора стало решение о перекрещивании всех крещенных «по Никоновым книгам и уставам» [11, с. 15]. Основанием для такого решения,

как подчеркивается в «Сказании», послужил «указ о белорусцах» патриарха Филарета.

Принципиальным отличием этого рассказа от сообщения в «Житии Корнилия Выговского» является упоминание о получении Досифеем «своеручных» грамот с проклятиями «никоновых новин» от правящих архиереев, сочувствовавших старообрядцам. При этом названы и их имена: это митрополит Макарий Новгородский, Павел Коломенский, Маркел Вологодский, Александр Вятский, т.е. те же лица, которые ранее были охарактеризованы как сохранившие «древнее благочестие». В качестве дополнительного обоснования решения указана соборная грамота, якобы присланная от соловецких иноков.

В.Г. Дружинин высказал мнение, что источником для описания собора в «Сказании о страдании и скончании священномученика Павла, епископа Коломенского» послужило сообщение о легендарном соборе и его деянии из «Жития Корнилия Выговского», но автор сказания перенес действие в Курженскую обитель и добавил сведения о грамотах, посланных архиереями, оппозиционными Никону [13]. Д.Н. Брежневский высказывает иную точку зрения, предполагая их различное происхождение – он предположил, что источником для «Сказания» послужил слух о раннем старообрядческом соборе [10]. В тексте постановления Курженского собора в составе сборника «Отечские завещания» на полях имеется маргиналия, в которой указываются авторитетные рукописи, содержащие упоминания о данном соборе. В их числе присутствует в частности, отсылка к собранию боголюбцев в Москве в «Житии Корнилия Выговского», о котором говорилось выше. Это указывает на то, что в сознании федосеевского книжника конца XIX в. указанные два события отождествлялись.

Крайне важно здесь отметить жанр двух вышеупомянутых сочинений, унаследованных старообрядцами от древнерусской культурной традиции – «Житие» и «Сказание». Оба этих жанра являются нарративными и не предполагают детальной точности и документальности. Сочетание реальных фактов с легендарными и вымышленными эпизодами весьма характерно для данных жанров в выговской традиции и, как отмечает Н.С. Гурьянова, принципиально отличает их от собственно исторических сочинений старообрядцев, опирающихся на документальные свидетельства [14]. Соответственно, источником для описания собора вполне могли послужить слухи или легенды об «истинном священстве» и соборе сторонников «древнего благочестия», активно порождаемые в народном сознании, подогреваемом эсхатологическими ожиданиями и коренными преобразованиями в Российском государстве на рубеже XVII–XVIII вв.

Сопоставление текстов «Жития Корнилия Выговского» и «Сказания о страдании и скончании священномученика Павла, епископа Коломенского» с текстом соборного деяния Курженского собора, включенного в сборник «Отечские завещания», позволяет установить, что именно «Сказание» послужило источником для автора подложного постановления. Об этом позволяет го-

ворить и состав участников собора, указанных в названных сочинениях. Список подписавшихся в соборном постановлении включает всех лиц, указанных в «Сказании». Однако в «Сказании» отмечено, что архиереи и соловецкие иноки не участвовали непосредственно в заседании собора, а прислали «своеручные» грамоты, причем в подложном деянии собора они представлены как лично его подписавшие и, следовательно, как непосредственные участники собора. Н.И. Ивановский справедливо полагает, старообрядцы, будучи знакомы с каноническим правом, хорошо понимали, что признать реформы Никона еретическими может лишь архиерейский собор, и поэтому использовали авторитет епископов, неприязненно относившихся к реформам и сочувствовавших старообрядцам.

Особый интерес вызывает упоминание среди участников собора Константинопольского патриарха Афанасия, являвшегося одним из участников книжной sprawy, организованной патриархом Никоном [15]. В «Сказании» он не назван ни в числе участников, ни приславших грамоту, но отмечалось, что он «на Москве быв, Никонова новшества низлагает и отменяет от Святыя Церкви» [11, с. 17]. Включение одного из участников реформ в список якобы подписавших соборное постановление можно объяснить желанием противопоставить Никону другого патриарха и сделать Курженский собор не менее авторитетным, чем собор 1654 г., с которого, как считали защитники старого обряда, начались реформы. Поскольку патриарх Афанасий в 1653 г. уехал из Москвы – его подписи нет под соборным постановлением 1654 г., что, вероятно, и позволило старообрядцам вписать патриарха Афанасия в число поддерживавших их точку зрения.

В «Житии Корнилия Выговского» список участников существенно отличается – в нем указано от 9 до 11 священнослужителей, в зависимости от редакции. Из них только трое участников совпадают с текстами «Сказания» и постановления Курженского собора – Досифей, Логин и Аввакум – наиболее известные и активные деятели раннего старообрядчества. Это также свидетельствует в пользу версии Д.Н. Брещинского о легендарности собора.

Постепенно в сознании старообрядцев происходит мифологизация отдельных событий их ранней истории. Неизвестный книжник в XIX в. использовал в качестве источника сведения из «Сказания о страдании и скончании Павла, епископа Коломенского» и перевел их в пространство документального текста, представив архиереев, сочувствовавших старообрядцам, участниками легендарного собора, придав ему тем самым канонический статус в глазах читателей. В таком виде соборное постановление можно было противопоставить Поместному собору 1654 г., поддержавшему церковную реформу, и обосновать право считать «никонианскую» Церковь еретической, что существенно добавляло федосеевцам аргументов в полемике с миссионерами и облегчало прозелитизм.

Место, на которое федосеевский книжник поместил постановление Курженского собора в «Отеческих

завещаниях», обуславливалось не только хронологическими соображениями, но прежде всего подчинялось внутренней концепции сборника. Остальные списки сборника открывает историческое сочинение «Избрание краткое из церковной истории, о прежде скончавшихся блаженных памяти отец и священностадец, бывых по Никоне патриархе...»¹². Оно посвящено прославлению мучеников за веру, призвано убедить читателя в истинности старообрядческого вероучения, продолжившего традиции русского православия. Сам автор в преамбуле формулирует цель написания сочинения: – «Мнози бо вопрошают нас откуду и како прости несвященный, приша власть и с чьего благословения, крестити и на исповедь примати, того ради zde повествуется вкратце»¹³.

Сочинение открывается разделом, посвященным Павлу Коломенскому, с которым связывается традиция принятия переходящих от официальной Церкви через перекрещение: «Блаженный Павел, епископ Коломенский... приходящих от великороссийския церкви иереев отнюдь примати не повелевал, а простых перекрещивати запроучал»¹⁴. Далее сообщается о том, что Павел Коломенский указал на архиереев, сохранивших древнее благочестие. В данном случае полностью повторяется сюжет из «Сказания о страдании и скончании священномученика Павла епископа Коломенского». При составлении своего сочинения автор явно опирался на ранние выговские исторические сочинения, в частности на «Сказание». Далее в «Избрании кратком...» сообщается о том, что собравшиеся «в той стране, в Куржецкой обители, во многочисленных лицах духовные люди и простые собором тое утвердиша...»¹⁵, без поименного указания участников. Это замечание, по-видимому, повлияло на факт включения во второй половине XIX в. в сборник «Отеческие завещания» соборное постановление легендарного Курженского собора.

Некритичный подход книжника, включившего данное сочинение в сборник наиболее авторитетных для федосеевцев текстов, можно объяснить тем, что упоминания об этом соборе содержались в произведениях, связанных с творческим наследием раннего Выга – «Житии Корнилия Выговского» и «Сказании о страдании и скончании Павла, епископа Коломенского». Автор деяния легендарного собора опирался на те же сочинения, которые были использованы в федосеевском историческом сочинении «Известие краткое...», поэтому эти два текста не противоречат друг другу. То, что данное постановление открывает сборник «Отеческие завещания», должно было убедить читателя в реальности легендарного собора, который служил идейным основанием для легитимации литургической практики беспоповцев и их отношения к духовенству официальной Церкви. Это позволяет говорить об определенной мифологизации ранней истории движения в сознании

¹² РГБ, собр. Егорова № 1049. Л. 23 об.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 24.

старообрядцев и стремлении определенным образом «сконструировать» собственное прошлое. Включение данного соборного постановления в сборник наиболее авторитетных текстов для федосеевцев – «Отеческие завещания» – позволяет отметить желание книжника дополнить исторический блок сборника и сделать его более доказательным для читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сперанский М.Н.* Рукописные сборники восемнадцатого века. Материалы для истории русской литературы XVIII века. М., 1963.
2. *Гурьянова Н.С.* Старообрядческие сборники как «Архивы» ценных материалов для ведения полемики // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История. Филология. 2012. Т. 11, вып. 12: Филология. С. 139–144.
3. *Гурьянова Н.С.* О приемах построения текста писателями-старообрядцами // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 3. С. 23–28.
4. *Ивановский Н.И.* Измышленный старообрядческий собор. Разбор раскольнической рукописи // Православный собеседник. Казань, 1882. Ч. 1 (февраль). С. 167–193.
5. *Гурьянова Н.С.* Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1988.
6. *Козлов В.П.* Тайны фальсификации: Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков. М., 1996.
7. *Шашков А.Т.* Максим Грек и идеологическая борьба в России во второй половине XVII – начале XIX в. // ТОДРЛ. 1933. Т. 33. С. 80–87.
8. *Дружинин В.Г.* Поморские палеографы начала XVIII в. // Летопись занятий Археографической комиссии за 1918 г. Пг., 1923. Вып. 31. С. 1–66.
9. Житие Корнилия Выговского Пахомиевской редакции (Тексты) / подг. Д.Н. Брецинский // Древнерусская книжность: по материалам Пушкинского дома: сб. науч. тр. Л., 1985. С. 62–107.
10. *Брецинский Д.Н.* Житие Корнилия Выговского как литературный памятник и его литературные связи на Выгу // ТОДРЛ. Л., 1979. С. 127–141.
11. Сказание о страдании и скончании священномученика Павла, епископа Коломенского // Белокуров С.А. Сказания о Павле, епископе Коломенском. М., 1905. Вып. 1. С. 13–18.
12. *Смирнов П.С.* Внутренние вопросы в расколе в XVIII веке. Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898.
13. *Дружинин В.Г.* Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889.
14. *Гурьянова Н.С.* История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII века. Новосибирск, 1996.
15. *Каптерев Н.Ф.* Приезд бывшего Константинопольского Патриарха Афанасия Пателара в Москву в 1653 г. // ЧОЛДП. 1889. № 10. С. 358–385.

Статья поступила
в редакцию 01.08.2013

УДК 93/94(571.56)

П.С. ТРОЕВ

ПОБЕГ ССЫЛЬНЫХ НАРОДНИКОВ ИЗ ЯКУТИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

д-р ист. наук,
Северо-Восточный федеральный университет,
г. Якутск
e-mail: petr.troev@mail.ru

В статье анализируется режим надзора, рассматриваются взаимоотношения между ссыльными народниками и коренными жителями края. Автор показывает роль головы Батурусского улуса, якута Е.Д. Николаева в организации и осуществлении дерзкого побега ссыльных из глухого улуса, удачно добравшихся до Франции.

Ключевые слова: царизм, ссылка, Якутская область, «Черный передел», «Народная воля», секретное письмо.

О первом удачном побеге ссыльных народников из Якутии специальных публикаций нет. В настоящее время эта тема вызывает интерес, поскольку касается межнационального сотрудничества народов на далекой окраине России.

В 1861–1895 гг. в Якутской области отбывал ссылку 351 представитель народнического движения. Их этапировали сюда на основании судебных решений или в административном порядке. 14 августа 1881 г. местная администрация получила возможность арестовать всех, кого считала нужным, и

ссылать без суда на срок до пяти лет в любую часть Российской империи.

Ссыльные размещались во всех пяти округах Якутской области. Режим надзора над поселенцами был строгим. Многие считали, что совершить побег из Якутской области невозможно. И это было близко к истине. На местах поселения за организацию надзора за ссыльными перед якутским губернатором отвечали окружные исправники. За поведением ссыльных в городах следили полицейские. Когда ссыльных водворяли в сельскую местность, надзор над ними поручали

чался служащим улусных управ. В связи с этим «государственных преступников» поселяли около улусных управ, а члены улусных управ в конце каждого месяца представляли в адрес окружного полицейского управления донесение об образе жизни и поведении каждого поселенца. Отлучки с места поселения допускались с разрешения окружного полицейского управления.

Ссылным разрешали переписку только с близкими родственниками. Письма перлюстрировались, в случае обнаружения даже упоминания об антиправительственном настроении поднадзорных письма конфисковались и отправлялись в III отделение. Царизм принимал строжайшие меры, чтобы пресечь проникновение в Якутскую область людей, знакомых с западноевропейскими революционными идеями. Власть боялась возможности установления контактов агентств Международного товарищества рабочих с поднадзорными. В связи с этим аппарат политического сыска придавал серьезное значение сообщениям своих агентств из-за границы.

Места поселения отличались гибельными условиями существования для ссылных. Им назначалось пособие в 114 руб. в год, которого едва хватало на покупку предметов первой необходимости. Власти полагали, что бдительный надзор, трудные условия выживания сломают дух сопротивления революционеров. Но их расчеты не оправдались. Невольные жители края сблизилась с представителями коренного населения Якутии. Это немного облегчило их жизнь. Грамотный якутский голова Батурусского улуса Егор Дмитриевич Николаев считал, что «государственные преступники» выделяются своим человеческим достоинством, деловыми и нравственными качествами. Симпатию Николаева завоевали ссылные этого улуса.

Е.Д. Николаев посещал нелегальные сходки ссылных в улусе. Много знал о целях и задачах народнических организаций «Земля и воля», «Черный передел», «Народная воля». Ссылные часто говорили, что царская власть закрыла якутскую Степную думу, не разрешила организовать земство, тем самым ущемила права народов, живущих на окраине.

От ссылных Е.Д. Николаев многому научился. По словам его современника В.В. Никифорова, Егор Дмитриевич «самостоятельно развивался, увлеченный собственной любознательностью. Влияние русских интеллигентных людей помогло Николаеву усвоить взгляды просвещенной среды и понять преимущества цивилизации» [1]. Николаев разделял социалистические убеждения репрессированных революционеров. Он сделал все возможное, чтобы они сохранили свое здоровье, оптимизм, веру в будущее до очередной революционной ситуации.

При исполнении служебных обязанностей ему пришлось познакомиться с Шейве Шехтер. Ее осенью 1884 г. из Карийской каторги перевели в Алтайский наслег Мегинского улуса на поселение. 2 августа 1885 г. за частые самовольные отлучки поселили в I Жехсогонский наслег Батурусского улуса. Вскоре Шехтер вышла замуж за ссылного А. Доллера. Е. Николаев к

этой семье относился заботливо. После родов Ш. Шехтер часто болела. Ей нужна была медицинская помощь. 20 марта 1886 г. улусный голова написал в Якутское окружное полицейское управление, что «Шехтер заболела сильно, чувствует себя весьма плохо и с нею постоянные обмороки и заявляет, что положение ее опасно». Далее Е. Николаев просил полицейское управление оказать немедленную медицинскую помощь, указал, что желательно командировать для обследования больной врача, а не фельдшера¹.

Только после повторной просьбы улусного головы и д. губернатора Ильин разрешил привезти больную в Якутск, где ее положили в больницу. Общение с Шехтер обогатило любознательного якута новыми знаниями. Бывшая слушательница женских врачебных курсов при Медико-хирургической академии начала свою революционную деятельность еще в 1877 г. в Одессе. Она многое могла рассказать о внутренней и внешней политике царизма. Николаев охотно вступал в контакт с «государственными преступниками». В результате обмена мнениями с Шехтер и другими ссылными, в сознании и представлениях Егора Дмитриевича произошли крутые изменения. Ссылному народнику Батурусского улуса Н.А. Виташевскому он признался однажды, что «государственные преступники» «зажигали искру борьбы за лучшее социальное, политическое будущее» [2, с. 29].

Чтобы облегчить материальное положение поднадзорных, Николаев стал помогать ссылным, чем мог. Ссылная М. Костюрина написала об отношении Егора Дмитриевича к ее семье следующее: «Дома был хотя бы “подножный корм”, т. е. ягоды и грибы по холмам около речки Кохары, где мы жили под Чурапчей. Спасибо, якутский князь, староста Николаев дал нам теленка; я стала понемногу поправляться; потом уж у меня были куры, корова, и мы жили сносно. Я была сослана на пять лет...» [3, с. 194].

Среди ссылных Батурусского улуса был П.М. Федоров. Его доставили 24 марта 1883 г. в Якутск, а 27 марта того же года поселили в I Жехсогонский наслег Батурусского улуса. Как видно из статейного списка, Федоров до ареста проживал в Харькове, занимался революционной пропагандой среди рабочих. Его арестовали в 1879 г. и выслали как бродягу в Восточную Сибирь, в Иркутскую губернию, откуда он скрылся, но в феврале 1882 г. Федорова арестовали в Иркутске.

Его дело было рассмотрено 25 января – 7 февраля 1883 г. в Иркутском губернском суде. Суд установил, что Федоров, камышинский мещанин, был машинистом паровоза, проживал по подложным паспортам Н.Д. Федорова и П.М. Лукина. Ему было предъявлено обвинение в принадлежности к революционной партии «Черный передел», в хранении печатных объявлений и воззваний от Исполнительного комитета и рабочих членов партии «Народная воля», призывавших к ниспровержению существующего порядка в государс-

¹ Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 12. Оп. 15. Д. 146. Л. 146.

тве, в подделке паспортов, а также в оказании помощи в побеге из Иркутского тюремного замка пересыльных арестантов С. Богомолец и Е.Н. Ковальской. Суд по совокупности преступлений приговорил П.М. Федорова к ссылке на поселение в отдаленные места Сибири².

На месте поселения Федоров стал помогать улусному голове в пропаганде развития земледелия и хлебопашества. 10 мая 1884 г. жители I Жехсогонского наслега решили выделить П.М. Федорову 15 дес. земли за р. Таттой. Летом 1883 г. ссыльный посеял 9 пуд. яровых, распахал более десятины земли. Но из-за отсутствия лошади большего сделать не смог. Как видно из письма улусного головы от 9 ноября 1884 г., П.М. Федоров накопил сена около 40 возов.

16 апреля 1888 г. улусный голова сам написал в окружное полицейское управление донос о побеге ссыльных П.М. Федорова и И.Н. Кашинцева из улуса. К этому времени, надо полагать, беглецы были уже далеко за пределами области. Видимо, организаторы этой акции рассчитывали на то, что соседи посещали поселенцев очень редко, и отсутствие их будет обнаружено поздно.

Так и случилось. Якутский губернатор 17 июня того же года получил секретное письмо от столоначальника В. Гуляева. Чиновник, опираясь на донесение ответственного за надзор ссыльных Батурусского улуса полицейского надзирателя Захарова, информировал начальника области, что в апреле 1888 г. начался объезд квартир государственных преступников, поселенных в Намеком, Восточно-Кангаласском, Борогонском иногородних управах. При этих розысках Федоров и его товарищ Кашинцев обнаружены не были³.

Только 25 июня 1888 г. губернатор области распорядился об организации следствия в Батурусском улусе и командировал чиновника особых поручений Андрюкова в улус. Было допрошено несколько человек. Все они показали, что Кашинцев и Федоров отлучались часто с места поселения то в Якутск, то в ближайшие улусы. Было заведено «дело чиновника особых поручений Якутского областного правления Андрюкова по предписанию якутского губернатора от 25 июня о побеге с места причисления Батурусского улуса Якутского округа государственных преступников Петра Федорова и Ивана Кашинцева», начатое 26 июня 1888 г., оконченное 16 сентября 1888 г.⁴

И.Н. Кашинцев, дворянин, до прибытия в Якутскую область принадлежал к Южно-Русскому рабочему союзу. Он был осужден Киевским военно-окружным судом. За распространение прокламаций, проживание по фальшивым паспортам и участие в деятельности революционного сообщества он был приговорен к ссылке и каторжным работам в крепостях на 10 лет. Приговор вступил в силу в 1881 г. По предложению товарища министра внутренних дел срок каторжных работ был сокращен до 6 лет 8 мес. По отбы-

тии срока каторжных работ на Карийских промыслах 26 июля 1885 г. Кашинцева назначили на поселение в Якутскую область. 12 марта 1886 г. его доставили в г. Якутск, а затем в Батурусский улус. Поселили в 3-м Жехсогонском наслеге⁵.

Для производства следственных действий о побеге Федорова и Кашинцева, в Батурусский улус из Якутска был командирован чиновник особых поручений М. Андрюков. Он узнал от допрашиваемых лиц, что изба П. Федорова давно сгорела. В связи с этим он во время сельского схода у наслежных жителей попросил построить около пашни новую юрту. Сельский сход уважил просьбу ссыльного. А старую свою юрту Федоров обещал отдать ссыльному Н.А. Виташевскому. По словам старосты I Жехсогонского наслега И.Я. Слепцова, он свое слово сдержал. А сам стал с 1888 г. отлучаться, разъезжая по наслегам. Но о его поведении все говорили, что ничего плохого не было, ссыльный вел себя смирно.

На вопрос, где в последнее время проживали государственные преступники П. Федоров и И. Кашинцев, полицейский надзиратель Батурусской окружной управы Захаров ответил, что во время совершения побега государственные преступники П. Федоров, И. Кашинцев и С.В. Ястремский жили в одной юрте. А их единомышленники, ссыльные Г.В. Белоцветов и В.Ф. Трошанский, жили в 50 км от юрты Федорова⁶. Всем ссыльным помогали якуты. Они возили дрова, лед, выполняли и другие хозяйственные работы за незначительную оплату.

Любопытные сведения сообщил следователю 6 июля 1888 г. староста I Жехсогонского наслега И.Я. Слепцов: «О том, что Федоров отлучился с места жительства и не возвращается долгое время, и неизвестно, где находится, я узнал в половине марта месяца, когда уже в обществе стали говорить об его отлучке, но меры к розысканию никаких не принимал и розысков не делал, думая, что он уехал в город... или причислен в другое место»⁷.

6 июля того же года чиновнику особых поручений письменное донесение написал улусный голова Е. Николаев. Его информация противоречит показаниям полицейского надзирателя Захарова о том, что П. Федоров, И. Кашинцев, С. Ястремский жили вместе. Улусный голова написал следователю, что «Федоров и Кашинцев проживали в отдельных своих квартирах»⁸. Далее Николаев указал, что после побега Кашинцева дома осталось мало вещей. А в квартире Федорова из вещей ничего не было найдено, даже из его книг ни одной не было обнаружено. Как видно из сказанного, беглецам, когда они готовились в дорогу, никто не мог помешать осуществить свой замысел.

Во время следственных действий в улусе произошло трагическое событие. 22 сентября 1888 г. по-

² Там же. Д. 89. Л. 8–9 об.

³ Там же. Оп. 14. Д. 6. Л. 6 об.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Оп. 15. Д. 160. Л. 54–56.

⁶ Там же. Оп. 14. Д. 6. Л. 35.

⁷ Там же. Л. 35 об.

⁸ Там же. Л. 11.

кончил с собой Е.Д. Николаев. Его уход из жизни был крупной потерей для якутов. Это был известный общественный деятель. В 1883 г. Егор Дмитриевич съездил в столицу. Принимал участие в торжествах, связанных с коронацией Александра III. Он перед правительством поставил вопрос о расширении прав самоуправления, улучшении жизни якутов. В родном улусе добился открытия школы, строительства фельдшерского пункта. После трагического случая было заведено уголовное дело о смерти Николаева. Из Якутска командировали в Батурусский улус судебного заседателя П. Атласова. 16 сентября 1888 г. родной брат умершего, писарь улусной управы, Е.Д. Николаев II следователю дал следующее показание: «Брат мой с 30 августа страдал, по словам государственного ссыльного Костецкого и доктора Баранцева, брюшным тифом, вероятно, в припадке этой болезни он кончил свою жизнь самоубийством»⁹.

По требованию якутского окружного полицейского управления от 23 сентября был составлен акт осмотра трупа улусного головы в присутствии судебного заседателя П. Атласова, ссыльного Б. Костецкого, кандидата в головы Н. Слепцова, выборного В. Шестакова. После осмотра трупа присутствующие пришли к заключению, что Николаев страдал тифом и в приступе бреда, «в умоотступлении» лишил себя жизни. Решено было тело предать земле по христианскому обычаю. Акт был подписан всеми присутствующими. Обращает на себя тот факт, что при осмотре трупа не присутствовал врач. Отсутствует его подпись в акте, где указана причина смерти умершего.

Свое мнение врач Баранцев написал 24 сентября, днем позже составления акта комиссией. Оно гласит: «Хотя болезнь у него во время моего посещения прошла, но под влиянием ее развился бред преследования, результатом сего и было по моему крайнему разумению покушение на самоубийство, окончившийся смертью его Николаева, что и удостоверяю»¹⁰. Свою записку врач написал не в улусе, а в Якутске.

Демократические взгляды Егора Дмитриевича не нравились областному правлению. В частности, вице-губернатор Якутской области П. Осташкин в письме к иркутскому губернатору от 25 марта 1889 г. написал о том, что влияние народников на отдельных людей приносит печальные плоды. Опутанный внушениями ссыльных, зарезался осенью прошлого года получивший образование в прогимназии голова Батурусского улуса Якутского округа Николаев, из опасения ответственности за прикрытый им побег из улуса государственных преступников [4, с. 171].

Такое же мнение имели и другие чиновники областного правления. Это наложило определенный отпечаток на ход разбирательства о связях улусного руководителя с ссыльными. Столоначальник канцелярии губернатора написал секретное письмо чиновнику особых поручений М. Андриюкову, указав на необхо-

димость подробно выяснить и расследовать факты сочувствия Николаева ссыльным. Помимо этого, он дал задание представить частную переписку Николаева столоначальнику.

Андриюков старался исполнить задание Гуляева. Он предпринял секретное следствие и пришел к выводу: бывший голова улуса сочувственно относился ко всем государственным преступникам Батурусского улуса. Бежавшие из улуса ссыльные жили недалеко от улусной управы. По словам М. Андриюкова, отсутствовало наблюдение за поднадзорными. В этом была виновата администрация инородной управы. В ходе проверки было установлено, что циркулярное предписание губернатора Якутской области от 25 июня 1888 г. о посещении жилищ государственных преступников и проверке их членами инородной управы и участковым заседателем не было исполнено.

3 июля 1892 г. общее присутствие Якутского областного правления обсудило итоги следственных действий М. Андриюкова в Батурусском улусе. Андриюков объяснил, что опрошенный во время следственных действий Е.Д. Николаев II объяснил следователю, что старший Николаев никакого письма о своем сочувствии к ссыльным не оставлял. Далее он сказал, что это выдумка бывшего народовольца В.П. Зубрилова, утверждавшего, что видел копию этого письма. По поводу этого письма ссыльные Ш. Шехтер (в замужестве С. Доллер) и Михалевич медицинскому инспектору говорили, что письмо Николаева – это плод большого воображения В.П. Зубрилова¹¹.

Общее присутствие заключило, что всего важнее то обстоятельство, что при обыске дома зарезавшегося головы Николаева не было найдено никакой частной переписки, оставшейся после его смерти; допустить же то, чтобы Николаев не имел никакой переписки ни с кем – невозможно; отсюда следует предположить, что всю частную переписку, оставшуюся после смерти Николаева, мог скрыть родной его брат, проживавший вместе с ним¹².

19 февраля 1889 г. Андриюков написал донесение на имя губернатора области, где указал, что на вопрос о предсмертном письме старшего Николаева брат его ответил, что «Ну, уже это не Ваше дело – и этого я никому не скажу...»¹³. Областное правление пришло к заключению, что младший Николаев был единомышленником улусного головы. Это послужило основанием для отстранения его от должности писаря улусной управы.

Встревоженные побегом ссыльных народников, власти хотели выяснить причины удачного побега, чтобы не допустить в дальнейшем подобных случаев. Дело о причинах смерти Николаева прекратилось только в 1890 г. К этому времени полиция располагала сведениями, что Федоров и Кашинцев находятся в Париже.

⁹ Там же. Ф. 192 и. Оп. 18. Д. 9. Л. 9.

¹⁰ Там же. Л. 19–19 об.

¹¹ Там же. Оп. 12 и. Д. 318. Л. 1 об.

¹² Там же. Ф. 12 и. Оп. 15. Д. 206. Л. 5 об.

¹³ Там же. Л. 50 об.

После подавления вооруженного сопротивления ссыльных в доме якута Монастырева в г. Якутске в 1889 г. Осташкин захватил библиотеку ссыльных народовольцев. До наших дней сохранились списки конфискованных книг, писем этих поднадзорных (среди книг много посвященных Парижской коммуне, Великой французской революции).

В связи с предстоящим юбилеем Великой французской революции якутские ссыльные написали проект приветственного адреса «Из Якутска от русских ссыльных социалистов-революционеров гражданам Французской Республики»¹⁴. Федоров и Кашинцев были близко знакомы со многими участниками вооруженного протеста. Видимо, они не случайно избрали местом нелегального своего пребывания Францию.

Ссыльные народники солидаризировались с революционным народом Франции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никифоров В.В. Смерть даровитого инородца: некролог // Восточное обозрение. 1888. 6 нояб.
2. Витаевский Н.А. Старая и живая якутская ссылка. СПб., 1907.
3. Костюрина М. Молодые годы: [в упомянутое время Николаев был наследным князем, а не головой] // Каторга и ссылка. 1926. №3 (24).
4. Троев П.С. Ссыльные народники и оппозиционное движение в Якутии // Полярная звезда. 1994. № 5.

Статья поступила
в редакцию 30.04.2013

УДК 94(47).084.3

В.И. ШИШКИН

«ГОСУДАРСТВО НАХОДИТСЯ В ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО КРИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ, ПОЭТОМУ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ЯВЛЯЕТСЯ НЕОБХОДИМЫМ СОЗДАНИЕ ЕГО БОЕВОЙ МОЩИ...»

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: svi007@rambler.ru

В научный оборот вводится основной документ, содержащий ключевую информацию о том, на каких принципах в конце лета 1918 г. проводился призыв новобранцев в ряды вооруженных сил Временного Сибирского правительства

Ключевые слова: население, армия, призыв, мобилизация, пополнение, добровольцы, унтер-офицеры, офицеры, запасные части.

В конце мая – июне 1918 г. вооруженные силы Временного Сибирского правительства, которое утвердило свою власть на освобожденной от большевиков территории, формировались из добровольцев, казаков, мобилизованных офицеров и военных чиновников. Поскольку в составе Западно-Сибирской армии того времени преобладала первая категория населения, то армия неофициально считалась добровольческой. Такой состав вооруженных сил контрреволюции обусловил их высокие боевые качества. В то же время по мере углубления Гражданской войны и приобретения ею широкомасштабного характера все более обострялась проблема численности армии, увеличения ее рядов.

Для выработки решения по этому вопросу управляющий военным министерством Временного Сибирского правительства и командующий армией А.Н. Гришин-Алмазов 13 июня 1918 г. назначил особую комиссию, составленную из руководящих сотрудников штаба Западно-Сибирского военного округа, которая подготовила для Совета министров Временного Сибирского правительства специальный доклад «О комплектовании армии». 8 июля А.Н. Гришин-Алмазов представил этот доклад в Совет министров, который через

три дня обсудил его и утвердил с незначительными поправками и дополнениями.

Основываясь на сформулированных в докладе предложениях, 31 июля 1918 г. Временное Сибирское правительство издало указ о призыве родившихся в 1898 и 1899 гг. и постановление «Об отмене изъятий, отсрочек, льгот и освобождений при призыве на действительную военную службу», а 6 августа была принята специальная грамота «О призыве молодых людей на военную службу». В результате изложенные в докладе положения начали претворяться в практику военного строительства и сыграли важную роль в превращении бывшей Западно-Сибирской армии в Сибирскую армию, ставшую ударной силой контрреволюции на востоке России.

Между тем доклад «О комплектовании армии» до настоящего времени, по сути дела, не известен исследователям. Содержащиеся в нем положения и рекомендации использовались только двумя историками – Н.С. Ларьковым при написании докторской диссертации и, с ссылкой на рукопись диссертации Н.С. Ларькова, Д.Г. Симоновым в монографии, посвященной «Белой Сибирской армии». Публикация этого документа позволит ликвидировать выявленный пробел и сделает доклад более доступным для исследователей.

¹⁴ Там же. Д. 321. Л. 114.

**Доклад управляющего военным министерством полковника А.Н. Гришина-Алмазова¹
Совету министров Временного Сибирского правительства² «О комплектовании армии»**

г. Омск

8 июля 1918 г.

Для выяснения вопросов скорейшего создания армии, необходимой для утверждения власти Сибирского Временного правительства³ и ограждения пределов Сибири от вторжения врагов, мною создана была особая комиссия из высших военных чинов, которая, рассмотрев всесторонне этот вопрос, пришла к следующим, утвержденным мною, выводам:

Способ комплектования армии

1) Призыв добровольцев в армию малоуспешен вследствие непопулярности добровольческой службы вообще: добровольцами главным образом идут не по идее, а только с целью заработка⁴. Естественно, что при таких условиях добровольческий элемент мало надежен, рассчитывать на большой приток его нет оснований; приходится самый принцип добровольческих пополнений отбросить как не обеспечивающий постоянного быстрого комплектования частей войск.

В настоящем докладе опускаются общие слабые стороны всех вообще добровольческих армий.

Наиболее целесообразным является старый способ, к которому население привыкло, – обязательный призыв нескольких молодых возрастов в зависимости от количества формируемых войсковых частей и наличности числа лиц в каждом из возрастов.

2) Наилучшей системой комплектования признана территориальная, как не вызывающая больших передвижений призванных и к которой само население относится сочувственно. Возражение, что при такой системе войска не могут быть употреблены в случаях надобности для поддержания внутреннего порядка на местах, признается несущественным потому, во-первых, что таковых столкновений не ожидается ввиду определенно-

¹ Гришин-Алмазов Алексей Николаевич (24 ноября 1880, Кирсановский уезд Тамбовской губернии – 5 мая 1919, Каспийское море) – родился в семье чиновника из дворян; русский. Окончил Воронежский кадетский корпус и в 1902 г. – Михайловское артиллерийское училище (Санкт-Петербург), подполковник с 1917 г.

Участник Русско-японской войны, после окончания которой служил в частях Восточно-Сибирского и Приамурского военных округов. В годы Первой мировой войны находился на фронте: возглавлял службу связи, состоял адъютантом командира 5-го Сибирского армейского корпуса, командовал батареей и мортирным дивизионом «ударников» 10-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады. За боевые отличия был награжден орденами Св. Георгия IV степени, Св. Анны IV и III степени, Св. Станислава III степени с мечами и бантом, Св. Станислава II степени с мечами, а также медалями.

После Октябрьского переворота арестован большевиками и заключен в тюрьму при штабе армии, после чего был выслан в административном порядке за пределы армии. Весной 1918 г. переехал в Сибирь и под псевдонимом «Алмазов» возглавил военный штаб нелегально действовавшего Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства. С 28 мая 1918 г. – командующий Западно-Сибирским военным округом, с 13 июня – командующий Западно-Сибирской отдельной армией и одновременно с 14 июня – заведующий военным отделом Западно-Сибирского комиссариата. С 1 июля по 5 сентября 1918 г. являлся управляющим военным министерством Временного Сибирского правительства (с оставлением в должности командующего армией, переименованной в Сибирскую). 10 июля 1918 г. произведен в генерал-майоры. 5 сентября 1918 г. приказом Совета министров Временного Сибирского правительства уволен с обеих должностей. Постановлением Административного совета Временного Сибирского правительства от 13 сентября 1918 г. зачислен полевой артиллерии с назначением состоять в распоряжении Совета министров Временного Сибирского правительства. 22 сентября 1918 г. покинул Сибирь и месяц спустя прибыл на юг России в расположение Добровольческой армии. По поручению А.И. Деникина участвовал в работе Ясского совещания. В конце 1918 – начале 1919 г. занимал должность военного губернатора Одессы. В апреле 1919 г. во главе военной делегации отбыл в Сибирь. В этой командировке в связи с угрозой взятия в плен красноармейцами застрелился.

² Временное Сибирское правительство было учреждено на заседании небольшой группы (35–45 чел.) членов Временной Сибирской областной думы, которое состоялось нелегально в Томске в ночь на 29 января 1918 г. В его состав были избраны 20 чел., являвшихся в основном эсерами и областниками, в том числе председателем правительства – П.Я. Дербер. В конце февраля – начале марта 1918 г. П.Я. Дербер с группой министров, спасаясь от преследования советских властей, перебрался из Томска в Харбин. Но предварительно он назначил для организации антибольшевистского подполья Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский комиссариаты, а также несколько уполномоченных.

С началом антисоветского мятежа Чехословацкого корпуса на востоке России управление освобожденной от большевиков территорией от имени Временного Сибирского правительства взял на себя Западно-Сибирский комиссариат. 30 июня 1918 г. он передал власть пяти находившимся на контролируемой им территории министрам Временного Сибирского правительства, которые образовали в Омске Совет министров в составе П.В. Вологодского, В.М. Крутовского, И.А. Михайлова, Г.Б. Патушинского и М.Б. Шатилова. Образовавшийся в Омске Совет министров позиционировал себя как «орган верховного управления Сибирью», располагающий всей полнотой власти и выражающий волю Временного Сибирского правительства.

³ Неточно; правильно – Временного Сибирского правительства.

⁴ Утверждение комиссии о непопулярности добровольческой службы было не досужим домыслом военных чинов. Напротив, оно отражало широко распространенное среди западносибирского крестьянства мнение о добровольцах как наемниках, идущих в армию не из идейных соображений, а исключительно за деньги. В то же время крестьяне, предлагая осуществлять комплектование Сибирской армии путем принудительной мобилизации очередных годов, явно лукавили: с одной стороны, таким образом они хотели проверить прочность новой власти, с другой – обезопасить себя от репрессий большевиков в случае поражения Временного Сибирского правительства.

го доброжелательного отношения населения к новой власти и, во-вторых, при больших сибирских расстояниях пункты квартирования частей войск редко будут совпадать с местом жительства призванного.

Число призываемых возрастов

3) Исходя из того, что в настоящее время сформировано три корпуса⁵, для укомплектования которых требуется до 120 тысяч человек, необходимо призвать в первую очередь два возраста, дающих приблизительно указанное число людей. В случае формирования новых корпусов сверх трех – призвать дополнительно еще соответствующее число возрастов.

4) Мобилизовать призывы 1919 и 1920 года, т. е. молодых людей, которым к 1 января указанных годов исполнится 20 лет, как не бывших на фронте и не зараженных большевизмом.

Кто подлежит призыву

5) Во избежание каких-либо ошибок или злоупотреблений не давать никаких льгот и освобождений от призыва, руководствуясь при приеме только состоянием здоровья. В этом случае не составляют исключения и народные учителя, ибо присутствие их в рядах армии, как наиболее сознательного элемента, признается желательным. Государство находится в исключительно критическом положении, поэтому прежде всего является необходимым создание его боевой мощи, а об образовании [нужно] заботиться во вторую очередь.

6) Призыву подлежит все коренное русское население и переселенцы, прибывшие в Сибирь до 1-го января 1915 года. Не призываются в войска те, кои приехали в Сибирь после 1-го января 1915 года на постоянное жительство, дабы не разрушить только что налаживающееся хозяйство. Что касается поляков, украинцев и др., то они призываются в части, организованные по национальному признаку. Эти части должны входить в состав русских высших войсковых соединений и сноситься при официальной переписке на русском языке.

Продолжительность срока службы

7) Чтобы в населении не возникали какие-либо разговоры о продолжительности службы и не было на этой почве провокационной пропаганды, признано необходимым установить определенный срок службы, а именно – двухлетний (если он не будет изменен [Всероссийским] Учредительным собранием). Срок этот с технической стороны является наименьшим в смысле образования запаса и обеспечения необходимой численности армии при ежегодном увольнении в запас солдат, выслуживших сроки.

Порядок призыва

8) Порядок призыва установить в следующем виде: объявление о призыве совершается через городские и волостные самоуправления. Все призванное население сел, городов собирается в городских и волостных управах и местными средствами направляется к воинским начальникам и лицам, их заменяющим.

Здесь должны быть организованы приемные комиссии, в состав которых [необходимо] обязательно ввести, кроме представителя от военного ведомства и врачей, еще по одному представителю от городского и от уездного земского самоуправления. Приемная комиссия производит медицинское освидетельствование всех, заявивших себя больными или не способными к военной службе.

Примечание: В тех городах, где имеется воинский начальник или начальник местной команды, призываемое городское население является непосредственно к ним.

9) Признанные годными отправляются в ближайшие запасные части для предварительного обучения, негодные распускаются по домам, вызывающие сомнение – на испытание в лечебное заведение.

10) Избыток призываемых против ожидаемого числа должен быть распределен по усмотрению командиров корпусов и составить резерв для пополнения убыли. Существовавшая прежде система жеребьевки признана нежелательной, дабы не усложнять деятельность призывных учреждений, тем более, что излишков много ожидать нельзя.

Содержание призываемых

11) Принимая во внимание высокие ставки профессиональных союзов, общую дороговизну жизни и малочисленность армии, признано нежелательным уменьшение содержания унтер-офицеров и рядовых бойцов: должны быть оставлены те же оклады, которые существуют для добровольческой армии⁶.

⁵ В начале июля 1918 г. вооруженные силы Временного Сибирского правительства состояли из трех корпусов, в действительности находившихся в стадии формирования: Первого Средне-Сибирского армейского (штаб – в Новониколаевске, командир – полковник А.Н. Пепеляев), Второго Степного Сибирского армейского (штаб в Омске, командир – генерал-майор П.П. Иванов-Ринов) и Третьего Уральского армейского (штаб в Челябинске, командир – генерал-лейтенант М.В. Ханжин).

⁶ В соответствии с «Временными условиями формирования сибирских добровольческих полков», 1 июня 1918 г. объявленными уполномоченными Временного Сибирского правительства и командующим Западно-Сибирским военным округом, жалованье рядового бойца составляло 60 руб. в месяц, отделенного – 75, взводного – 90, фельдфебеля – 120 руб. Кроме того, они обеспечивались обмундированием и содержанием, а их семьи ежемесячно получали паек в размере 100 руб. (см.: Народная Сибирь. Новониколаевск, 1918, 6, 11 и 18 июня).

Комплектование запасных частей

12) Для укомплектования запасных частей инструкторским составом призвать офицеров 3-й категории, т. е. годных только для службы при обстановке мирного времени. Недостающее число откомандировать из боевых частей. Кроме того, в случае недостатка офицерского состава повысить возрастной ценз призываемых офицеров до 53-х лет⁷.

Во всяком случае недостатка в инструкторах-офицерах не предвидится.

13) Гораздо более затруднений с укомплектованием запасных частей унтер-офицерами.

Призыв запасных унтер-офицеров признан нежелательным вследствие малонадежности этого контингента. Более целесообразным является добровольческий призыв унтер-офицеров, каковых следует принимать также с большой осмотрительностью.

Призыв добровольцев-унтер-офицеров, очевидно, не может удовлетворить всю потребность в них; поэтому признано необходимым: а) создать школы унтер-офицеров с обучением в них добровольцев не моложе призывного возраста с образовательным цензом не ниже двухклассного училища; б) назначать на должности унтер-офицеров властью командиров частей по их выбору из состава призванных.

Содержание унтер-офицеров запасных частей

14) Общее мнение – служба унтер-офицера должна оплачиваться хорошо. Работа унтер-офицеров, особенно фельдфебелей, в большинстве случаев не меньше работы младших офицеров; поэтому если и должна быть некоторая разница в окладах, то самая незначительная. Главное же преимущество офицера заключается в том, что он движется вперед в материальном [и] служебном положении, тогда как предел карьеры унтер-офицера запасной части – должность фельдфебеля. Признано желательным назначить в месяц фельдфебелю 300 руб., старшему унтер-офицеру – 250 руб., младшему унтер-офицеру – 200 руб.

Вооружение запасных полков

15) По приблизительному подсчету в [Западно-Сибирском] округе имеется до 50 000 винтовок. Таким образом, на двух обучаемых придется по одной винтовке, что по техническим соображениям вполне допустимо.

Предлагаемый порядок работы

Докладывая изложенное выше мнение комиссии и лично с ним соглашаясь, с[о] своей стороны полагал бы:

1) Сделать немедленное распоряжение городским, уездным и волостным властям о спешном производстве подготовительных работ по призыву двух возрастов, а именно:

а) сделать регистрацию и принять на учет всех молодых людей призывов 1919 и 1920 годов;

б) выработать порядок возможно скорого оповещения населения о мобилизации;

в) определить порядок следования призванных на волостные сборные пункты и с последних – на сборные пункты воинских начальников;

г) выработать размер кормовых денег для выдачи призываемых при следовании до воинских начальников и составить смету – сколько для этого потребуется денег;

д) заблаговременно наладить дело назначения нарочных для оповещения населения, подачи подвод под призванных, расчетов на выдачу кормовых, установить самый порядок выдачи. Заблаговременно собрать сведения о семейном положении призываемых на предмет выдачи им солдатского пайка;

е) если возникнут какие-либо вопросы, срочно возбуждать их разрешение.

2) Немедленно восстановить все управления воинских начальников в прежнем их объеме и сформировать местные и конвойные команды по прежним штатам, укомплектовав их добровольцами.

3) Теперь же приступить к формированию 21 запасных полков и трех запасных артиллерийских дивизионов, предоставить разработку их штатов и дислокацию военному министерству. Параллельно сформировать школы унтер-офицеров, предоставить определение числа их и конструкцию также военному ведомству.

4) Объявить призыв добровольцев-унтер-офицеров [и] добровольцев в унтер-офицерские школы.

5) На восстановление управлений воинских начальников и оборудование сборных пунктов при них, на формирование запасных полков и унтер-офицерских школ ассигновать 1 500 000 рублей в распоряжение военного министерства. Расходы производить в мере действительной надобности.

6) Немедленно зарегистрировать и взять на учет окружных военно-санитарного и военно-ветеринарного управлений всех врачей, фельдшеров и других медицинских и ветеринарных специалистов. Принятые на учет подлежат призыву в мере действительной надобности, начиная с младших возрастов.

Добровольцы из них могут поступать в армию независимо от возраста.

⁷ Согласно постановлению Временного Сибирского правительства от 23 июля 1918 г. на военную службу призывались офицеры и военные чиновники в возрасте до 43 лет.

7) На формирование запасных частей потребуется [до] *полтора месяцев*, почему первым днем мобилизации желательно объявить *20 августа с.г.*⁸

8) Одновременно с мобилизацией рядовых бойцов объявить призыв офицеров до 53-х летнего возраста, если по ходу укомплектования запасных частей инструкторским составом в этом явится необходимость. № 1455.

Управляющий военным министерством полковник Гришин-Алмазов.
Главный начальник снабжения генерал-майор Менде⁹.

– ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 535. Л. 1–3 с об. Машинописный подлинник. Подписи – автографы.

*Статья поступила
в редакцию 01.08.2013*

УДК 94(47).084.3+281.93+322

С.Г. ПЕТРОВ

ОБНОВЛЕНЧЕСКИЙ ЦЕРКОВНЫЙ РАСКОЛ В СИБИРИ

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН
г. Новосибирск,
Новосибирский государственный университет
e-mail: petrov_istochnik@mail.ru

В статье рассматриваются особенности проведения антирелигиозной политики партийно-государственного руководства страны в Сибири в первые два десятилетия советской власти. Делается обзор основных событий, связанных с началом обновленческого раскола и его дальнейшим существованием в этом крупнейшем регионе.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, обновленчество, Сибирь, «митрополит» Петр Блинов, патриарх Тихон.

Обновленческий раскол Православной Российской Церкви был инициирован высшим политическим руководством страны и осуществлен чекистами в кратчайшие сроки. В конце осени 1921 г. большевики развернули кампанию по учету и сосредоточению ценностей, накопленных царским режимом. Во главе этой кампании стоял Л.Д. Троцкий, которому было обещано 5 %-ное отчисление от оценки стоимости собранных богатств на нужды возглавляемого им военного

ведомства. Проведя изъятие ценностей из закрытых церквей и монастырей, Троцкий решил вовлечь в кампанию действующие храмы Православной Российской Церкви и других конфессий. Чтобы облегчить выполнение поставленной задачи, данную кампанию замуфлировали под другую – помощи голодающим [1, с. 23–24].

Массовый голод, охвативший значительную часть страны, достиг своего пика к началу зимы

⁸ Слова, выделенные курсивом, вписаны А.Н. Гришиным-Алмазовым от руки. В дальнейшем первый день призыва был перенесен на 25 августа 1918 г.

⁹ Менде Михаил Константинович (16 августа 1861 – после 1937) – из обрусевших немцев. В 1879 г. окончил 3-е военное Александровское училище, в 1887 г. – Николаевскую академию Генерального штаба по второму разряду, в 1895 г. – Александровскую военно-юридическую академию по первому разряду. Генерал-майор с 14 апреля 1913 г., генерал-лейтенант с 20 апреля 1919 г. Проходил службу в лейб-гвардии Волынском полку, с 1895 г. – на военно-судебных должностях: помощник военного прокурора Петербургского военно-окружного суда, помощник начальника отделения Главного военно-судного управления, начальник отделения Главного военно-судного управления. Во время Первой мировой войны занимал должность военного судьи Минского и Петрог-

радского военно-окружных судов на театре военных действий. С 18 июля 1917 г. служил военным прокурором Омского военно-окружного суда. Активный участник сопротивления установлению советской власти в Омске, за что в ноябре 1917 г. был предан суду революционного трибунала. С 1 июня 1918 г. являлся главным начальником снабжения Западно-Сибирской отдельной армии, с 9 июня – прокурором Западно-Сибирского военного округа, с 22 июля – главным начальником Западно-Сибирского военного округа. В августе 1918 г. исполнял также должность управляющего военным министерством Временного Сибирского правительства. С 19 декабря 1918 г. исполнял должность председателя соединенного присутствия главного военного и морского судов. В 1920 – начале 1930-х гг. жил в Петрограде (Ленинграде) под чужой фамилией. Осенью 1932 г. арестован органами ОГПУ, 29 декабря приговорен к пяти годам ссылки и выслан в Северный край.

1921 г. Продовольственная катастрофа, вызванная войнами, революциями и социальными экспериментами, привела к огромным потерям среди населения страны. В феврале 1922 г. был издан декрет об изъятии церковных ценностей из действующих храмов для помощи голодающим, который перечеркнул всю предшествующую работу Православной Российской Церкви по спасению соотечественников от голодной смерти. Новый виток противостояния большевиков и церкви привел к многочисленным эксцессам, в том числе кровавым. В сложившейся ситуации В.И. Ленин призвал высшее политическое руководство «прочитать эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать» [2, с. 143].

Л.Д. Троцкий, в свою очередь, предложил под покровом кампании по борьбе с голодом не только изъять церковные ценности, но и расколоть церковную организацию на две борющиеся друг с другом группы – обновленческое «советское» и «черносотенное» «реакционное» духовенство. По его замыслам, первая группа, лояльная большевикам, должна была помочь им расправиться с «антисоветским» духовенством во главе с патриархом Тихоном, после чего организаторы раскола могли перейти к ликвидации и самих обновленцев. Захват последними церковной власти в центре и на местах должен был произойти после ареста патриарха и «контрреволюционных» правящих архиереев. Для этого по всей стране необходимо было организовать серию судебных дел по обвинению православного духовенства и мирян в сопротивлении изъятию церковных ценностей. Предложения Л.Д. Троцкого, одобренные Политбюро ЦК РКП(б), довели до сведения партийных делегаций на особом совещании во время XI съезда РКП(б). Региональное руководство согласилось с предложенными им на высоком партийном форуме теоретическими построениями и практическими мерами в отношении Православной Российской Церкви [1, с. 44–47; 3, с. 144–149].

После привлечения патриарха Тихона к судебной ответственности высшую церковную власть в мае 1922 г. путем подлога захватило подготовленное чекистами «прогрессивное» духовенство, включавшее епископа Антонина (А.А. Грановского), протоиерея А.И. Введенского, священников В.Д. Красницкого, С.В. Калиновского, Е.Х. Белкова и других лояльных попов. В Сибири застрельщиками создания обновленческих региональных структур церковной власти выступили томские большевики. Еще до московских событий с целью «разложения томского духовенства» председатель Томского губревтрибунала И.Г. Макаренко установил контакты с настроенными против местного архиерея священниками-обновленцами, среди которых был и П.Ф. Блинов. После ареста управлявшего Томской епархией епископа Виктора (В.С. Богоявленского) по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей именно о. Петра Блинова пригласили на закрытое заседание президиума Томского губкома РКП(б). На этом заседании он сделал доклад и попросил

разрешения на создание нового епархиального управления [4, с. 120].

На собрании томского духовенства и мирян, состоявшемся 1 и 2 июня 1922 г., после двухчасового доклада большевистского представителя И.Г. Макаренко о враждебности патриарха Тихона и контрреволюционности верховного духовенства, такое управление было создано. Во главе обновленческого управления Томской епархии встал о. Петр Блинов. Уже 9 июня оно было переименовано в Сибирское церковное управление (Сибцерковь), которое присвоило себе право обращаться с призывами и воззваниями к духовенству и мирянам всех сибирских епархий [5, с. 45–46].

Помимо этих призывов в местные епархии поступали и директивы из Москвы, от столичных обновленцев. Согласно записи от 1 июля 1922 г. в дневнике иркутского протоиерея П. Попова, в полученной от обновленческой группы «Живая церковь» телеграмме предписывалось немедленно организовать таковую «на платформе признания справедливости социальной международной революции, белого епископата, пресвитерского правления, общей кассы» [6, с. 236–237].

В результате бурной деятельности московского Высшего церковного управления (ВЦУ) и Сибцеркви, негласно руководимыми чекистами, к августу 1922 г. к обновленческому расколу, как сообщала сибирская пресса, присоединилось духовенство Бийска, Новониколаевска, Семипалатинска, Тюмени и Щегловска, начались перевыборы благочинных, благочиннических и приходских советов¹. Во многом этому способствовали начавшиеся по всей Сибири судебные разбирательства с расстрельными приговорами в отношении духовенства и мирян, оставшихся верными патриарху Тихону.

Среди сибирских архиереев одними из первых томских обновленцев признали викарии Томской епархии: епископы Иннокентий (К.П. Соколов) и Гавриил (Г.Д. Воеводин). Особый ажиотаж в сибирских газетах вызвал переход в ряды раскольников епископа Новониколаевского Софрония (И.А. Арефьева), который признал каноничность обновленческого ВЦУ в Москве и Сибцеркви в Томске. Он дал согласие возглавить раскольничье Томское епархиальное управление. Именно владыка Софроний стоял у истоков создания сибирской раскольничьей лжеиерархии из белого духовенства. Прибытие его в Томск, где с весны 1922 г. находился на покое епископ Гавриил, сделало возможным первые обновленческие архиерейские хиротонии. В конце сентября 1922 г. эти владыки совершили поставление в епископа, без предварительного пострига в монашество, двух вдовых священников, соответственно на две обновленческие кафедры: о. Иоанна Завадовского – на барнаульскую и о. Николая Чижова – на иркутскую [5, с. 49–51].

В сентябре вышел в свет первый номер обновленческого журнала «Сибирская церковь», призванного координировать действия схизматиков во всех сибир-

¹ Красное знамя. 1922. 10 авг.; Рабочий путь. 1922. 18 авг.; и др.

ских и дальневосточных епархиях. Среди возникших столичных обновленческих групп Сибцерковь явно тяготела к наиболее мощной из них и тщательно опекаемой ГПУ – «Живой церкви», возглавляемой священником В.Д. Красницким. Особые симпатии у верхушки сибирских обновленцев вызвали идеи «Живой церкви» о вступлении в брак овдовевших священников и допущении женатого епископата. В начале октября 1922 г. прошел всесибирский съезд группы «Живая церковь», на котором вопреки церковным канонам было принято решение о возведении в сан епископа женатого священника о. Петра Блинова, председателя Сибцеркви. Хиротонию его в епископа провели два недавно поставленных обновленческих архиерея – «епископы» Иоанн Завадовский и Николай Чижов. После епископской хиротонии Блинова последовали и другие многочисленные обновленческие поставления в сибирские архиереи женатых священников, в первую очередь, из томского духовенства, поддержавшего председателя Сибцеркви [5, с. 51–53].

В этих условиях епископ Софроний (Арефьев), объявивший себя сторонником обновленческой группы «Союз церковного возрождения», руководимой епископом Антонином (Грановским), прекратил общение с Сибцерковью. Собравшийся в Новониколаевске губернский съезд духовенства решил учредить всесибирскую митрополию и собственное церковное управление во главе с епископом Софронием (Арефьевым) – Сибмитрополию. Не признал Сибцерковь региональной церковной властью и епископ Иннокентий (Соколов), правящий архиерей Бийской епархии. В ответ Сибцерковь отправила на покой архипастырей старого поставления – епископов Софрония (Арефьева), Иннокентия (Соколова), Гавриила (Воеводина), Димитрия (Беликова). Чекисты, усмотрев в архиерейских демаршах «мошеничество» и «скрытую реакционную тихоновщину», постарались максимально быстро изолировать «обманувших» их чаяния епископов, арестовав Софрония и Иннокентия [5, с. 53].

После устранения из Новониколаевска Софрония организованную им Сибмитрополию соединили с томской Сибцерковью. Получившийся орган церковной власти назвали Сибирским областным церковным управлением, поставив его председателем Петра Блинова. К этому времени он именовался уже «митрополитом Томским и Сибирским», а среди томского духовенства поползли упорные слухи о его работе на ГПУ в качестве сотрудника этой организации. В декабре 1922 г. новое областное церковное управление переехало из Томска в столицу советской Сибири – Новониколаевск [7, с. 163–164].

Свой звездный час Петр Блинов пережил в апреле 1923 г. на руководимом чекистами обновленческом Поместном соборе в Москве. Он был избран деловым председателем и возглавил соборную депутацию, объявившую содержащемуся под стражей патриарху Тихону о его низложении. С этого момента Петр Блинов был неперменным членом всех высших

обновленческих церковных органов. Патриарх же награждал его известным хорошо современникам и так ярко характеризовавшим сибирского самозванца прозвищем – «сибирский кот» [8, с. 201].

За короткий срок под его руководством в обновленческой сибирской митрополии возникли, покрывшие всю территорию региона, обновленческие епархии с центрами в губернских и уездных городах, на кафедры которых с невероятной быстротой назначались новые схизматические архиереи из женатых священников. Едкий на слово, еще недавно возглавлявший обновленческое ВЦУ епископ Антонин (Грановский), который скандально конфликтовал с Петром Блиновым на раскольничьем соборе, заметил на съезде своей группы «Союз церковного возрождения» в июле 1924 г.: «Вся Сибирь покрылась сетью архиепископов, наскочивших на архиерейские кафедры прямо из пьяных дьячков» [9, с. 37].

Однако торжество обновленчества длилось недолго. После очередной смены курса большевистской верхушки в отношении Православной Российской Церкви, сделанной под сильнейшим международным давлением, в конце июня 1923 г. из-под ареста на свободу вышел патриарх Тихон. С этого момента, как и было задумано большевиками, обновленцы вступили в острую конкурентную борьбу со сторонниками патриарха Тихона за действующие храмы и паству. С осени 1923 г. в сибирские епархии патриархом стали направляться назначенные им канонические архипастыри, возглавившие «тихоновцев» в их противостоянии местным раскольникам. Сибирские архиереи старого поставления, признавшие обновленцев и отвергнутые ими, после выхода на свободу вновь возвратились под омофор патриарха Тихона [10, с. 210–217].

За складывавшейся ситуацией достаточно пристально наблюдали сибирские чекисты, призванные отслеживать все происходившие события в местной церковной жизни. Они писали о своих подопечных в регулярно создаваемых обзорах о состоянии духовенства на территории Сибири и Дальнего Востока. В обзоре, составленном по данным на 1 октября 1923 г., в отношении колыбели сибирских обновленцев – Томской губернии – они отметили следующее: «Авторитет обновленцев падает с каждым днем, положение их колеблющееся. Введение нового стиля в церкви, крестьянством не приемлется, ибо таковой ломает бытовой уклад последнего. В связи с этим крестьянство гонит из церквей обновленцев; отказывается платить за требы и содержать таковых»².

С 1927 г., после известной декларации заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского), отношение большевиков стало, в значительной мере, одинаковым и к обновленцам, и к приверженцам покойного уже патриарха Тихона, расчлененным к этому времени чекистами на отдельные не признававшие друг друга группы. Репрессии и создаваемые искусственно властью

² ГАНО. Ф. 111. Оп. 2. Д. 372. Л. 126.

трудности в равной степени коснулись и одних, и других. В начале 1935 г. «митрополит» Петр Блинов был отправлен из Сибири на западную окраину страны – руководить белорусскими обновленцами³. Пост председателя Западно-Сибирского краевого митрополитанского церковного управления занял недавний глава обновленческой Алтайской епархии, а затем и Омской, «митрополит» Александр Введенский, которому, несмотря на «безбожную пятилетку», удалось удержать на плаву обновленчество в Сибири вплоть до начала Большого террора. В ходе развернувшихся репрессий конца 1930-х гг. сгинули практически все местные обновленческие архиереи, включая и Петра Блинова, и Александра Введенского (первый расстрелян как «японско-польский шпион», второй – как «церковный монархист»), да и сама обновленческая церковь в Сибири [4, с. 127].

ЛИТЕРАТУРА

1. Петров С.Г. Секретная программа ликвидации Русской Церкви: письма, записки и почто-телеграммы Л.Д. Троцкого в Политбюро ЦК РКП(б) (1921–1922 гг.) // Сибирская провинция и центр: Культурное взаимодействие в XX в. Новосибирск, 1997. С. 20–86.
2. Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. / Изд. подгот. Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. М.: Новосибирск, 1997. Кн. 1.
3. Петров С.Г. Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской Церкви (1921–1925 гг.). М., 2004.
4. Бочкарев В., протоиерей. История обновленческого церковного раскола в Западной Сибири // Культурный, образовательный и духовный потенциал Сибири (середина XIX – XX вв.). Новосибирск, 1997. С. 118–129.
5. Фаст М.В., Фаст Н.П. Нарымская голгофа: Материалы к истории церковных репрессий в Томской области в советский период. Томск; М., 2004.
6. Церковный раскол в воспоминаниях священника Иркутской епархии / публ. Е.В. Ильиной, О.Т. Базалийской // Известия Иркут. гос. ун-та Сер.: Политология. Религиоведение. 2011. № 1 (6). С. 235–246.
7. Петров С.Г. К истории обновленческого церковного раскола в г. Новониколаевске // Новосибирская область в контексте российской истории: Материалы регион. ист.-краевед. конф. Новосибирск, 2001. С. 162–166.
8. Петров С.Г. Военный священник сибирского запасного полка в годы Первой мировой войны // Сибирь на перекрестке мировых религий: Материалы IV Межрегион. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2009. С. 200–204.
9. Труды Первого Всероссийского съезда, или собора, Союза Церковное Возрождение. Л., 1924.
10. Петров С.Г. Циркулярные послания обновленческого Сибирского областного церковного совета о патриархе Тихоне // Вестник Новосиб. гос. ун-та. 2009. Т. 8, вып. 1. С. 210–217.

Статья поступила
в редакцию 02.08.2013

УДК 001.2:546

Н.А. КУПЕРШТОХ

АКАДЕМИК А.В. НИКОЛАЕВ – ОРГАНИЗАТОР ИССЛЕДОВАНИЙ ПО НЕОРГАНИЧЕСКОЙ ХИМИИ В СО АН СССР

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: nataly.kuperstok@gmail.com

В статье рассматривается деятельность академика А.В. Николаева – выдающегося ученого и первого директора Института неорганической химии Сибирского отделения АН СССР/РАН по организации исследований в новой для Сибири отрасли знания, формированию коллектива и системы подготовки кадров химиков-неоргаников. По инициативе А.В. Николаева подразделения химического профиля были созданы в Новосибирске, Красноярске и Кемерово. Ныне Институт неорганической химии им. А.В. Николаева СО РАН является признанным лидером в области фундаментальных и прикладных исследований в Российской академии наук.

Ключевые слова: академик А.В. Николаев, научные исследования в области неорганической химии, научные школы, Институт неорганической химии Сибирского отделения АН СССР/РАН.

Академик Анатолий Васильевич Николаев (1902–1977) оставил яркий след в научной жизни страны,

поэтому его биографии и научным исследованиям посвящены воспоминания коллег и учеников [1], публикации справочного характера, статьи к юбилейным датам, другие работы. Цель данной статьи – на основе новых документов, выявленных в архивах, показать вклад академика А.В. Николаева в организацию исследований по неорганической химии в Сибири, формирование коллектива Института неорганической хи-

³ О церковной деятельности Петра Блинова до отъезда в Минск ярко, хотя и чрезвычайно тенденциозно, говорится на страницах обновленческой периодической печати. См., напр.: Церковный вестник. 1925. № 5/6. С. 2–3; № 10. С. 4; 1926. № 1. С. 4; № 2/3. С. 6–7; № 4. С. 6; № 10. С. 7; № 11/12. С. 3–7; 1927. № 1. С. 6–7; № 6/7. С. 1–2.

мии (ИОНХ) СО АН СССР/РАН и системы подготовки кадров химиков-неоргаников.

А.В. Николаев принадлежит к когорте ученых-первопроходцев новосибирского Академгородка, усилиями которых закладывались основы крупного междисциплинарного центра международного уровня. Считается, что ученый посвятил Сибири последние два десятилетия своей жизни. Однако исследовать «кладовые» восточных районов страны он начинал совсем молодым человеком – с 25-летнего возраста последовательно возглавлял работу экспедиций КЕПС и СОПС в Прииртышье и Кулунде с целью изучения природных солевых ресурсов.

А.В. Николаев родился в 1902 г. в г. Оренбурге в семье служащих. Окончил сначала химический (1924 г.), а затем физико-математический (1930 г.) факультеты ЛГУ. На формирование его научных интересов большое влияние оказали академики В.И. Вернадский, А.Е. Ферсман и Н.С. Курнаков. Продолжительный период деятельности А.В. Николаева связан с Институтом общей и неорганической химии (ИОНХ) АН СССР, в котором ученый защитил докторскую диссертацию «Физико-химическое исследование природных боратов» (1941 г.). За опубликованную на ее основе монографию А.В. Николаев удостоен премии им. В.И. Вернадского АН СССР (1947 г.).

До 1946 г. А.В. Николаев занимался в основном физико-химическим изучением природных солей с целью выяснения условий образования, путей их переработки и промышленного использования. Открытые им залежи поваренной соли в озерах Восточного Казахстана позволили создать крупное механизированное предприятие, обеспечившее солью всю Сибирь, а в годы Великой Отечественной войны – почти весь Советский Союз. Как результат работы руководимых А.В. Николаевым экспедиций возник целый ряд предприятий химической промышленности: Михайловский содовый комбинат (оз. Танатар), Славгородский химический завод (оз. Большое Яровое), Кучукский сульфатный комбинат (оз. Кучук) [1, с. 73].

После войны А.В. Николаев становится участником Атомного проекта, в 1949 г. он возглавил в ИОНХ лабораторию точных измерений, целиком ориентированную на исследование «технологических растворов», в том числе продуктов переработки ядерного горючего [1, с. 30]. Получение прикладных результатов было бы невозможно без глубоких фундаментальных исследований, комплексного подхода к изучению физико-химических закономерностей изучаемых явлений. В 1952 г. за серию исследований по радиохимии и вклад в развитие новых технологий А.В. Николаев награжден орденом Трудового Красного Знамени¹.

В середине XX в. неорганическая химия занимала уникальную нишу в общем комплексе химических наук благодаря плодотворной работе нескольких коллективов, лидером среди которых был Институт общей

и неорганической химии им. Н.С. Курнакова АН СССР. Он и стал базовой организацией для формирования в 1957 г. нового сибирского института – Института неорганической химии, инициатором создания которого выступил академик Н.Н. Семенов.

В июне 1957 г. директор ИОНХ академик И.И. Черняев представил концепцию развития ИОНХ на заседании бюро Отделения химических наук АН СССР². Для организации сибирского института нужны были лидеры, способные увлечь коллег и учеников новым проектом. Среди кандидатур, представленных на предстоящие в 1958 г. выборы членов Академии по Сибирскому отделению, был А.В. Николаев, специалист в области общей и неорганической химии, заведующий лабораторией ИОНХ. В отзыве академика И.И. Черняева говорилось, что «профессор А.В. Николаев бесспорно достоин избрания в члены-корреспонденты Академии наук по Сибирскому отделению и сможет с успехом выполнить обязанности директора химического института этого Отделения»³. Помимо научных достижений были отмечены заслуги профессора А.В. Николаева в деле подготовки научных кадров. Он руководил кафедрой аналитической химии в Московском институте цветных металлов и золота им. М.И. Калинина и преподавал в Московском химико-технологическом институте им. Д.И. Менделеева.

Постановлением Президиума АН СССР от 9 августа 1957 г. Анатолий Васильевич Николаев назначен директором Института неорганической химии СО АН СССР⁴. По мнению экспертов, при организации ИОНХ у А.В. Николаева «было четкое понимание необходимости и перспективности создания современного института, способного решать не только назревшие к тому времени самые разнообразные задачи неорганической химии, но и генерировать идеи для решения будущих проблем»⁵. Первый директор ИОНХ заложил фундамент работ по физическим методам исследования строения веществ, по проблемам разделения, очистки и аналитического контроля веществ на основе физико-химического анализа, по синтезу новых сложных, практически важных соединений.

При участии других известных ученых – Г.Б. Бокля (организатора исследований по кристаллохимии в ИОНХ и МГУ) и Б.В. Птицына (специалиста в области химии комплексных соединений, заведующего кафедрой Ленинградского технологического института) – началась напряженная работа по формированию института современного типа. Научные направления ИОНХ включали: синтез неорганических веществ и материалов для новой техники; разработку физико-химических основ очистки и разделения веществ, иссле-

² Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 463. Оп. 15. Д. 349. Л. 1–2.

³ НАСО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 479. Л. 71.

⁴ Там же. Л. 170.

⁵ Федин В.П., Самойлов П.П. Протагонист в химии // Наука в Сибири. 2012. № 46.

¹ Научный архив Сибирского отделения РАН (НАСО). Ф. 10. Оп. 2. Д. 479. Л. 82.

дование закономерностей химических превращений; изучение природы химической связи, структуры и свойств веществ [2, с. 17].

Коллектив ИНХ формировался из выпускников МГУ, МХТИ, ЛГУ, других вузов. Кадровые ячейки для сибирского института готовились в лабораториях ИОНХ, на кафедрах Г.Б. Бокия в Москве и Б.В. Птицына в Ленинграде. В Новосибирск из ИОНХ приехали специалисты по физико-химическому анализу: Н.Н. Князева, А.А. Колесников, К.Е. и З.Н. Мироновы, В.А. и М.П. Михайловы, А.А. Сорокина, И.И. и Н.И. Яковлевы, из МГУ прибыли С.С. и Л.Р. Бацановы, Р.Ф. и П.В. Клевцовы. Основу кадров сибирских кристаллохимиков составили выпускники Московского и Горьковского университетов. Группа химиков-практиков прибыла из Норильска⁶.

Первые годы в истории института характеризовались быстрым кадровым ростом, формированием отделов и лабораторий, созданием системы подготовки специалистов. Теоретический отдел возглавил Г.Б. Бокий, отдел комплексных соединений – Б.В. Птицын, отделы актинидов и лантанидов – А.В. Николаев. Были созданы лаборатория синтеза неорганических веществ; лаборатории физического профиля, позволяющие исследовать свойства и структуру синтезированных соединений; лаборатории физико-химического направления для изучения процессов разделения, очистки и аналитического контроля. Предусматривалось также создание конструкторского бюро и производственных подразделений с современным приборным парком.

В 1961 г. в штате ИНХ числилось уже 247 чел., из которых 88 чел. приехали из Москвы, 18 – из Ленинграда, 20 чел. – из других городов. В коллективе работали члены-корреспонденты АН СССР А.В. Николаев, Г.Б. Бокий, Б.В. Птицын, один доктор и 22 кандидата наук⁷.

Первые защиты диссертаций сотрудниками, прошедшими в основном аспирантуру ИОНХ, состоялись в Москве. Докторскую диссертацию защитил С.С. Бацанов, кандидатами наук стали П.И. Артюхин, Ю.А. Афанасьев, О.Р. Дьяченко, А.Ф. Корецкий, В.Н. Любимов, А.А. Мазурова, А.А. Опаловский, А.Н. Попов, Л.А. Хрипин, И.И. Яковлев⁸.

Система подготовки специалистов для института начала свое становление с создания в НГУ трех кафедр: неорганической химии (1959 г.) под руководством Б.В. Птицына, аналитической химии (1960 г.) и радиохимии (1962 г.) под руководством А.В. Николаева. Открытие аспирантуры, создание условий для подготовки кандидатских и докторских диссертаций, организация работы научных семинаров стали неотъемлемыми компонентами развития этой системы.

Интегрирующая роль института в химическом сообществе проявилась в организации нескольких изданий: «Журнала структурной химии» (1960 г., главный редактор Г.Б. Бокий), который стал выходить и в англоязычной версии; журнала «Известия СО АН. Серия химических наук» (1963 г., главный редактор А.В. Николаев). С 1958 г. А.В. Николаев возглавлял работу Объединенного ученого совета СО АН СССР по химическим наукам.

В 1962 г. институт разместился в собственном здании. Комиссия АН СССР, ознакомившись с итогами деятельности ИНХ, отметила успехи в ряде направлений: «Разработка теоретических вопросов экстракции, особенно применительно к очистке золота и разделению платиновых элементов, кобальта, никеля и др., теория зонной плавки; получение ферритов редкоземельных элементов со структурой граната; исследование структуры твердых тел; теория рентгеновских спектров поглощения; изучение химических процессов в расплавленных солях как растворителях. Разработан ряд новых методов и сконструированы некоторые ценные приборы»⁹.

В то же время члены комиссии сделали замечание, что проблема химической связи неорганических соединений развивалась в лабораториях теоретического отдела (Г.Б. Бокий) и не подкреплялась работами синтетических лабораторий (А.В. Николаев). В этом замечании отразились разногласия между двумя лидерами. Г.Б. Бокий не разделял взгляды директора на развитие института, что и стало причиной его возвращения вместе с частью сотрудников в Москву (1963 г.). По мнению его учеников, оставшихся в Сибири, «по зависящим и независимым от нас причинам многое не получилось, но школа кристаллохимиков есть»¹⁰.

Кристаллохимические исследования стали традиционными для института. Установлено строение многих сотен неорганических соединений, большинство из которых синтезировано впервые. Продолжались работы в области рентгеновской спектроскопии. Эффективный метод изучения молекулярных систем, позволяющий определять вклады отдельных атомных оболочек в образование химической связи, создан Л.Н. Мазаловым, которому присуждена Государственная премия РСФСР (1989 г.). За цикл работ «Систематика природных силикатов и оксидов и законы структурообразования в неорганических соединениях» основатель лаборатории кристаллохимии ИНХ Г.Б. Бокий и его ученик С.В. Борисов удостоены премии им. Е.С. Федорова РАН (2000 г.).

В первой половине 1960-х гг. основной задачей ИНХ стали исследования в области химии полупроводников и сверхчистых веществ. Для обеспечения работ по новой тематике была изменена и структура института, организован отдел химии полупроводников¹¹.

⁶ Бакакин В., Борисов С. ИНХ, теоретдел ... // Наука в Сибири. 1998. № 18.

⁷ НАСО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 182а. Л. 54.

⁸ Там же.

⁹ НАСО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 779. Л. 2.

¹⁰ Бакакин В., Борисов С. Указ. соч.

¹¹ НАСО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 779. Л. 3.

На его развитие было выделено солидное финансирование, и вскоре отдел вырос в одно из самых крупных подразделений института. Его лаборатории возглавили В.К. Вальцев, В.Н. Вертопрахов, А.Н. Киргинцев, П.В. Клевцов, Ф.А. Кузнецов, К.Е. Миронов, В.А. Михайлов, Ю.Г. Юделевич. Заложенный А.В. Николаевым потенциал позволил отделу развиваться в отдел химии функциональных материалов, ныне возглавляемый академиком Ф.А. Кузнецовым.

После безвременного ухода из жизни в 1965 г. члена-корреспондента АН СССР Б.В. Птицына исследований в области химии координационных соединений металлов с органическими лигандами продолжили И.К. Игуменов и С.В. Ларионов. Работы по синтезу гетероспиновых комплексов переходных металлов с нитроксильными стабильными радикалами, выполненные под руководством профессора С.В. Ларионова, вошли в цикл работ «Нитроксильные радикалы имидазолина», удостоенный Государственной премии РФ в области науки и техники (1994 г.).

К середине 1960-х гг. институт заявил о себе крупными научными результатами, которые доказывали своевременность и актуальность его создания в Сибирском отделении АН СССР. В документах отмечалось, что «научно-исследовательские работы института, направленные непосредственно на развитие производительных сил нашей страны, дали большой экономический эффект, решают острые и насущные задачи в области новой техники (атомная энергия, полупроводники и др.)»¹².

В 1965 г. в институте действовали четыре отдела: химии полупроводников, радиохимии, синтеза и свойств неорганических соединений, структуры твердых тел. Они объединяли в своем составе 19 лабораторий. В коллективе работали 473 чел., а среди 175 научных работников – член-корреспондент АН СССР А.В. Николаев, два доктора и 50 кандидатов наук¹³.

В 1965 г. впервые в практике Сибирского отделения АН СССР по инициативе ИНХ и его директора А.В. Николаева была организована конференция «Наука – производству». Идеи конференции подтолкнули А.В. Николаева к созданию СКТБ «Экстракция» (1968 г.), которое в дальнейшем преобразовано в отраслевой институт «Гидроцветмет». Многие сотрудничавшие с ИНХ предприятия стали ориентироваться на долгосрочные программы совместных исследований.

Весной 1966 г. кандидатура А.В. Николаева была выдвинута для участия в выборах на вакансии действительных членов АН СССР Объединенным ученым советом по химическим наукам СО АН СССР и Ученым советом ИНХ. Это выдвижение поддержали извне академики С.И. Вольфович, А.А. Гринберг, В.И. Спицын, Я.К. Сыркин, И.В. Тананаев¹⁴. 1 июля 1966 г. на Общем собрании Академии наук СССР Анатолий Васильевич Николаев был избран академиком по

специальности «химия» по Отделению физикохимии и технологии неорганических материалов¹⁵.

До конца 1960-х гг. структура института оставалась подвижной и отражала необходимость решения тех задач, которые перед институтом выдвигала практика. Так, в 1967 г. ИНХ выполнял работу по 28 темам, в том числе по заданию Совета министров СССР – пять, Министерства цветной металлургии СССР – три, Совета министров РСФСР и Президиума АН СССР – по одной. Выполнение таких тем давало возможность для появления новых ставок и расширения штата¹⁶. В институте организованы отдел экстракции и ионного обмена в составе семи лабораторий и участка укрупненных испытаний; отдел физики твердого тела, переведенный из Института теплофизики СО АН СССР и получивший название отдела термодинамических исследований. В составе этого отдела в институт пришли специалисты-физики научной школы члена-корреспондента АН СССР П.Г. Стрелкова. Благодаря их усилиям в ИНХ выполняются исследования твердого тела методами ЯМР. За разработку квантово-химических и радиоспектроскопических методов в химии твердого тела С.П. Габуда и Н.К. Мороз удостоены Государственной премии РФ в области науки и техники (1995 г.).

Во второй половине 1960-х гг. исследования коллектива осуществлялись по следующим направлениям: экстракционное и ионообменное разделение и очистка неорганических веществ; синтез неорганических веществ, важных для новой техники и веществ в особо чистом состоянии; химия координационных соединений переходных металлов; химия полупроводников; химия редкоземельных элементов и актинидов; изучение структуры кристаллов; исследование физико-химических свойств поверхностно-активных веществ; изучение растворов электролитов в экстремальных условиях¹⁷.

О росте авторитета ИНХ среди химического сообщества страны свидетельствуют данные о научных мероприятиях 1967 г. В этом году институт провел три всесоюзных симпозиума (по кинетике и механизму реакций комплексных соединений; по неорганическим фторидам – впоследствии стал традиционным; по процессам роста и структуры монокристаллических слоев полупроводников – совместно с Институтом физики полупроводников), а также Всесоюзное совещание по химии фосфидов с полупроводниковыми свойствами¹⁸.

Накопленный институтом потенциал позволил академику А.В. Николаеву в 1973 г. организовать отдел ИНХ в Красноярске, который вырос в Институт химии и химической технологии СО АН СССР (А.В. Николаев являлся его директором-организатором).

¹⁵ Там же. Л. 13.

¹⁶ Самойлов П. Перелистывая страницы отчетов // Наука в Сибири. 1998. № 18.

¹⁷ НАСО. Ф. 10. Оп. 5. Д. 4. Л. 26.

¹⁸ Самойлов П. Указ. соч.

¹² НАСО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 479. Л. 76.

¹³ НАСО. Ф. 10. Оп. 5. Д. 4. Л. 26.

¹⁴ НАСО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 479. Л. 117–118.

ром); а в 1974 г. – отдел в Кемерово, который впоследствии стал частью Института угля СО АН СССР [3, с. 133–144, 177–184].

Через 20 лет ИНХ, созданный в Сибири усилиями энтузиастов, превратился в крупный химический институт страны. Его структура включала отделы: физико-химического изучения растворов, сорбции и экстракции; неорганического синтеза; химии координационных соединений; химии материалов для микроэлектроники; структурной химии; физики твердого тела; вычислительной техники; отделы в Красноярске и Кемерово. Отделы объединяли в своем составе 36 лабораторий. В коллективе ИНХ работали 900 чел, а среди 318 научных сотрудников – академик А.В. Николаев, 18 докторов и 158 кандидатов наук¹⁹.

В одном из интервью директор ИНХ А.В. Николаев раскрыл технологию управления институтом: «Дирекция не должна – и не может... управлять повседневной деятельностью всех подразделений. В чем же тогда ее назначение? Как директор, я считаю для себя обязательным изучение планов лабораторий. Когда они обсуждаются, я... готов... спорить со своими завлабами, если представленные ими планы в чем-то меня не устраивают. Но на этом этапе все несогласия и кончаются. ...Прходит время – смотрим, у кого что получается. Нет у лаборатории никаких результатов – ни научных, ни практических – дирекция перестает ее поддерживать. ...И, наоборот, тем, у кого намечается интересная перспектива, предоставляются все условия для быстрого развития» [4, с. 168].

Залогом стабильной работы коллектива и его подпитки новыми специалистами являлась четкая работа системы подготовки кадров. Во второй половине 1970-х гг. сотрудники ИНХ защитили восемь докторских и 46 кандидатских диссертаций. Прирост «остепененных» специалистов обеспечивала работа аспирантуры. Среди тех, кто подготовил и защитил кандидатские диссертации вскоре после обучения в аспирантуре, – М.М. Гольдштейн, А.В. Кондратенко, Б.М. Кучумов, В.Л. Сабатовская, И.С. Терехова, К.А. Удачин, Ю.В. Чумаченко, Б.Я. Шапиро, В.А. Шестаков²⁰.

Первый директор ИНХ академик А.В. Николаев руководил институтом два десятилетия. Коллектив представлял собой уникальное сочетание специалистов, способных решать самые сложные проблемы синтеза и изучения разнообразных композиций неорганических веществ и материалов. Под руководством А.В. Николаева получены крупные научные резуль-

таты в области изучения природных солей, термографии, химии боратов, физико-химического анализа, радиохимии, химии и технологии очистки металлов. Академик А.В. Николаев внес большой вклад в подготовку специалистов для химических институтов СО АН СССР. Признанием научных заслуг А.В. Николаева стало избрание его членом-корреспондентом АН СССР (1958 г.), академиком (1966 г.), вручение премии им. Н.С. Курнакова АН СССР (1977 г.), награждение орденами Ленина, Октябрьской революции, медалями [5, с. 192–193].

В послании председателя Объединенного ученого совета по химическим наукам СО РАН академика В.Н. Пармона по поводу 50-летия ИНХ отражены основные вехи развития института: «С момента создания, охватывая весь спектр задач неорганической химии, развивая фундаментальные и прикладные исследования широким фронтом – от термодинамики и физики твердого тела до синтеза супрамолекулярных структур, Институт неорганической химии быстро приобрел собственный научный профиль и по праву вошел в число лучших химических организаций Сибирского отделения»²¹.

Ныне Институт неорганической химии СО РАН носит имя своего основателя академика А.В. Николаева. Коллектив известен результатами мирового уровня в таких областях, как синтез новых неорганических соединений и функциональных материалов на их основе, создание новых эффективных методов разделения и очистки веществ, термодинамические исследования неорганических систем, изучение кристаллической и электронной структуры неорганических веществ и выявление кристаллохимических закономерностей. В институте сформировались научные школы, которые вывели его в лидеры по ряду научных направлений не только в России, но и за рубежом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Академик А.В. Николаев. Книга воспоминаний / отв. ред. Ф.А. Кузнецов. Новосибирск, 2002.
2. Академия наук СССР. Сибирское отделение. Хроника. 1957–1982 гг. / отв. ред. В.Л. Макаров. Новосибирск, 1982.
3. *Куперитох Н.А.* Научные центры Сибирского отделения РАН. Новосибирск, 2006.
4. *Ибрагимова З.* Ученый и время. Новосибирск, 1986.
5. Российская академия наук. Сибирское отделение: Персональный состав / отв. ред. В.М. Фомин. Новосибирск, 2007.

Статья поступила
в редакцию 31.07.2013

¹⁹ Самойлов П. Указ. соч.

²⁰ Данные Управления кадров Президиума СО РАН.

²¹ Пармон В.Н. 50 лет Институту неорганической химии СО РАН. Сотрудникам ИНХ СО РАН. URL: http://jsc.niic.nsc.ru/JSC/jsc_rus/2007-t48/n5/50_let.htm (дата обращения 10.10.2012).

УДК 621.039(57.1.6)

И.М. САВИЦКИЙ

ВОЗДЕЙСТВИЕ ЯДЕРНЫХ ИСПЫТАНИЙ НА СЕМИПАЛАТИНСКОМ ПОЛИГОНЕ НА ПРИРОДНУЮ СРЕДУ И НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: politik@history.nsc.ru

В статье рассматривается влияние многочисленных различного вида испытаний ядерного оружия на Семипалатинском полигоне на природную среду и население Западной Сибири в конце 1940-х – конце 1980-х гг. Дается характеристика радиационной обстановки, а в связи с этим – заболеваемость населения злокачественными образованиями в Алтайском крае и Новосибирской области

Ключевые слова: испытание ядерного оружия, природные условия, ядерные следы, радиационная обстановка, загрязнение территорий, населенных пунктов, их изучение.

Испытание ядерного оружия на Семипалатинском полигоне оставило большие территории во всех регионах Западной Сибири, загрязненные радиоактивными и другими особо опасными веществами, оказало влияние на окружающую природную среду, жизнь и деятельность населения. С 1949 г. на этом полигоне осуществлено 470 взрывов, из них 88 воздушных, в том числе восемь высотных, 30 наземных и 357 подземных [1, с. 78–86]. Самые опасные последствия вызвали ядерные взрывы на поверхности земли и в воздухе.

Семипалатинский полигон размещен в 160 км от Семипалатинска. Поселок полигона расположен на берегу Иртыша в 60 км на северо-востоке от испытательной площадки. В сегодняшнем национальном ядерном центре Казахстана в то время работали 31 НИИ ВПК, конструкторское бюро, 29 научных НИИ других отраслей производства [2, с. 152–153].

Особую опасность вызывали загрязнения наземных ядерных взрывов большой мощности, при которых выбрасывалось значительное количество радиоактивных продуктов. Они формировали на земной поверхности обширные поля радиоактивных загрязнений. При наземном взрыве в огненный шар вовлекалось большое количество грунта. Его частицы испарялись, плавились, а когда температура снижалась, они затвердевали. На них оседали радионуклиды и осаждались на поверхности. Облако, насыщенное такими частицами, двигалось по розе ветров на большие расстояния в зависимости от мощности взрыва.

При ядерных взрывах самыми опасными для всего живого являлись радиоактивные изотопы стронция-89, 90. Они не проникали внутрь аэрозольных частиц, а осаждались преимущественно на поверхности мелких частиц и вели себя как летучие элементы. Как

стронций, так и цезий-137 с мелкими частицами распространялись на большие расстояния. Важной особенностью этих радионуклидов являлось то, что они медленно смывались с поверхности земли, уходили с подземными водами, поступали в растения через корневую систему. Как правило, после ядерного взрыва или при аварии на местности образовывалась вытянутая по ветру полоса загрязнения. Распределение уровня радиации вдоль этого следа изменяется с расстоянием от эпицентра взрыва, но могло меняться в зависимости от метеорологической обстановки, различных направлений ветра на разных высотах, осадков и т. д. [3, с. 898–901].

29 августа 1949 г. был дан старт атомному полигону Семипалатинск, проведено первое ядерное испытание в СССР, осуществлен первый наземный ядерный взрыв мощностью 20 кт в 150 км от границы Алтайского края. Ядерное облако поднялось на высоту 9 км. Ураганным ветром унесло его в сторону Алтайского края, и оно достигло первого его населенного пункта через 2,5 часа. Ширина зараженной полосы вначале составляла 600 м на расстоянии 550 км, в районе г. Бийска достигла 80 км, а на расстоянии 1 200 км, у г. Кызыл, – 300 км.

По сведениям, поступившим из геологоразведочных партий, известно, что через 10 часов после взрыва в районе с. Кузедеево Кемеровской области, на расстоянии 700 км от места испытания, радиометрические приборы геологических отрядов регистрировали наличие сильной радиации. Траектория и следы атомного взрыва 29 августа 1949 г. прошли через всю Сибирь и Дальний Восток. Патрульный бомбардировщик ВВС США Б-29 3 сентября 1949 г. обнаружил повышенную радиоактивность верхних слоев атмосферы над Тихим

океаном. Продукты радиоактивного деления накрыли большую территорию Алтайского края, в частности, населенные пункты Рубцовского, Змеиногорского, Курьинского и других районов. Но никто в то время не думал о последствиях радиоактивного воздействия, никто не представлял их тяжести для населения и природной среды [4, с. 646–647, 652–654, 656–657].

Бывший начальник Центра мониторинга загрязнения окружающей среды Запсибгидромета В. Селегей сообщал, что военные требовали от синоптиков выдать такой прогноз метеоусловий, чтобы после взрыва ядерное облако в течение нескольких суток «дрейфовало» внутри страны. Это делалось для того, чтобы другие страны не обнаружили по радионуклидам вид оружия. Существовало секретное предписание, если радиоактивное облако проходило через атмосферу города и дозиметрическая служба обнаруживала высокий уровень радиоактивного загрязнения, то информация об этом срочно кодировалась и, минуя местные органы власти, передавалась в Москву¹.

После взрыва 12 августа 1953 г. первой в мире водородной бомбы были обнаружены цезиевые загрязнения в районе пос. Пospelиха, в донных отложениях Колыванского озера и высокий уровень цезия-137 в Змеиногорском районе. В первой половине 1990-х гг. большая группа ученых в короткий срок собрала достаточные доказательства радиационного воздействия на население Алтайского края ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне.

В результате испытаний ядерного оружия на этом полигоне в направлении Алтайского края прошло 22 радиоактивных облака. Их воздействие проявилось в четырех населенных пунктах Локтевского района, в 32 – Рубцовского, в восьми – Угловского района, население которых получило эффективную дозу облучения, превышающую 26сЗв. Они входили в первую группу. Во вторую группу – жители пунктов края, которые получили эффективную дозу облучения более 5сЗв, но не более 25сЗв. В Залесовском районе пострадал один населенный пункт, в Заринском – два, в Змеиногорском – 31, в Краснощековском – пять, в Курьинском – 25, в Локтевском – девять, в Пospelихинском – два, в Рубцовском – 44, в Угловском – пять населенных пунктов. Распоряжением правительства РФ от 10 февраля 1994 г. жители этих населенных пунктов были признаны подвергшимися радиационному воздействию в результате ядерных испытаний [5, с. 5–7, 13, 17, 19, 25; 6, с. 32, 77–81].

После подписания в 1963 г. Московского договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой интенсивность выпадений радионуклидов существенно снизилась. С 1964 по 1990-е гг. в СССР осуществлялись только подземные ядерные взрывы в военных и мирных целях. В мирных целях они проводились в Арктике (севернее Полярного круга), всего – 42, в Запад-

ной Сибири – 16, в бассейне Оби и Иртыша – 12. След первого подземного взрыва в СССР, осуществленного в мирных целях 15 января 1965 г. в русле р. Чаган (Казахстан), прошел через Бийск и вызвал высокое загрязнение атмосферы, превышающее на три порядка фон для зимы, а также просматривался в Кулунде, Славгороде, Барнауле, Онгуде и Кош-Агаче. Загрязнения Горного Алтая формировались в условиях, близких к Алтайскому краю. Доказано воздействие 22 ядерных взрывов [7, с. 348–355; 8, с. 201].

Начало организованному исследованию влияния ядерных испытаний на территорию Алтайского края относится к 1989 г. Медики первыми обратили внимание на аномалии в здоровье населения, живущего в юго-западных районах края. Несколько позднее для координации работы научных учреждений и организаций был создан Научный совет по проблемам, связанным с изучением последствий влияния испытаний ядерного оружия на Семипалатинском полигоне, возглавляемый доктором медицинских наук, профессором Я.Н. Шойхетом. В 1993 г. исследование вели более 60 научно-исследовательских организаций и учреждений.

Комплексные исследования радиоактивного загрязнения почвы, растительности и водоемов долгоживущими радионуклидами показали, что плотность загрязнения почв цезием-137 и стронцием-90 в ряде населенных пунктов в 2,5–5 раз превышала глобальный фон, который достиг 215 мКи/кв. км в пос. Андреевском, 262 мКи/кв. км в с. Бутрышиха, 340 мКи/кв. км в с. Саушки при средней по краю 65 мКи/кв. км. Отмечены также пункты с относительно высоким загрязнением изотопами плутония в пос. Локоть, оно превышало глобальный фон в 7 раз, в с. Наумовка – в 27 раз. В официальном перечне к подвергшимся радиационному воздействию в 1992 г. отнесены 27 районов и шесть крупных городов: Алейск, Барнаул, Заринск, Змеиногорск, Новоалтайск, Рубцовск.

К 1 января 1997 г. составлен регистр лиц, получивших радиационное воздействие и оставшихся проживать в тех же населенных пунктах. Часть из них умерли. В регистр включены 16 378 чел., из них 5 186 мужчин и 6 452 женщины. Общее число умерших составляло 5 484 чел. Всего в Алтайском крае и Республике Алтай было выявлено 46 тыс. пострадавших. Доказав в первой половине 1990-х гг. радиоактивное загрязнение природной среды и населения в связи с испытанием ядерного оружия на Семипалатинском полигоне, Алтайский край получил на реабилитацию территории и населения из федерального бюджета 13 млрд руб. на период до 2010 г. [9, с. 3–4; 5, с. 130–133; 8, с. 201–203].

Испытания на Семипалатинском полигоне нанесли вред здоровью населения и природной среде не только Алтайского края, но и всей Западной Сибири. Новосибирская область в меньшей мере, чем Алтайский край, оказалась подвержена радиационному загрязнению в связи с тем, что южная граница удалена от Семипалатинского полигона на 300–500 км, а Новосибирск – на 600 км.

¹ Аргументы и факты. 1999. 22 сент. (№ 38); 2001. 29 авг. (№ 35); Российская газета. 2007. 19 июля.

Служба контроля радиационной обстановки в Новосибирске была организована в середине 1954 г., и поэтому вне местного контроля остались первый и последующие семь взрывов ядерного оружия, а также испытание первой водородной бомбы в августе 1953 г. Результаты авиационной разведки, проводившиеся после каждого взрыва, хранятся в Физико-техническом НИИ Министерства обороны и недоступны для исследования. Поэтому для оценки влияния ядерных взрывов, проведенных в 1949–1954 гг. предстояло воссоздать, реконструировать радиоактивное загрязнение территории области в те годы.

За 1949–1962 гг. на Семипалатинском полигоне было проведено 113 взрывов в атмосфере, из них 14 вызвали радиоактивное загрязнение Новосибирска. Траектория радиоактивного облака взрыва 29 августа 1949 г. сознательно направлялась в северо-восточный сектор влияния полигона, от которого на расстоянии в 460–720 км находится Новосибирская область. Ядерный след после испытаний мог достигнуть территории области в течение суток. Не известна степень влияния испытания первой термоядерной бомбы 12 августа 1953 г., но проведенное в 1957–1958 гг. Новосибирской радиологической лабораторией исследование золы свежего сена, отобранного в пойме р. Берди в Маслянинском районе, показало, что удельная бета-активность ее оказалась очень высокой, на уровне 10 000 Бк/г.

Самый сильный след радиоактивных загрязнений оставило в Новосибирской области испытание на Семипалатинском полигоне в ночь на 18 сентября 1961 г. Специалисты тщательно исследовали это испытание. Взрыв, ставший сотым по счету на этом полигоне, был практически аварийным, но центральные органы власти не признали этого, так как не имелось сведений о полученных населением дозах облучения.

В чем причина аварии? Ракета с атомной бомбой в 100 кт, что в 10 раз больше самого разрушительного взрыва по последствиям для Алтайского края, стартовала с корабля в Тихом океане. Она должна была взорваться над Семипалатинским полигоном на высоте 10 км. Однако произошел сбой, ракета сработала всего на высоте 700 м над землей. Поэтому наземный взрыв принес более серьезные последствия. Образовавшееся облако выпало кислотным дождем на территории Новосибирской области. Радиоактивное загрязнение от этого взрыва стало рекордным для Новосибирска за всю историю радиометрических наблюдений. Радиоактивность осадков 18–19 сентября 1961 г. была в 4 тыс. раз выше фоновых значений.

Метеорологические приборы, которые фиксировали радиоактивность до 1 тыс. мкр/ч, зашкаливали до 25 сентября. Загрязненное облако двигалось на северо-восток от полигона, накрыв Новосибирск, Ордынский, Коченевский, Искитимский, Черепановский, Тогулчинский, Колыванский и Болотнинский районы. После взрыва за радиационным следом на Новосибирск летел специальный самолет-лаборатория, но данные авиационной разведки хранятся в Физико-техническом

институте Министерства обороны. Никто из жителей не подозревал о случившейся аварии, которую метеорологи сейчас называют не иначе как экологической катастрофой. Зашифрованная телеграмма с данными о суммарной радиоактивности строго по инструкции была отправлена в Москву, минуя местные органы управления².

Радиоактивное облако прошло по маршруту Камень-на-Оби – Новосибирск – Болотное. В Камне-на-Оби максимальная плотность выпадений составила 662,7 мКи/км² в сутки, что лишь незначительно отличается от аналогичной величины в Новосибирске – 641,6 мКи/км² в сутки. Еще более поражает максимальная среднесуточная плотность выпадений за 18–19 сентября 1961 г. – 641,6 мКи/км² в сутки, если сравнить ее с максимальной суточной плотностью за сентябрь 1993 г. – 0,16 мКи/км² в сутки, т. е. превышение составило более чем 4 тыс. раз.

Испытания на Семипалатинском полигоне способствовали тому, что в августе 1953 г. в юго-восточной и центральной частях области были отмечены выпадения радиоактивных осадков, а в 1961 г. загрязнения составляли до 5,5 Ки/км². Концентрация стронция-90 и цезия-137 в растительности была в 2 раза выше, чем в 1959 г. Мощность экспозиционной дозы с учетом добавления радиоактивных облаков после двух взрывов в 1962 г. оценивалась на юге области в 1,0–1,5 Р/н.

Прямое воздействие на радиоактивное загрязнение Новосибирской области оказало 21 ядерное испытание на Семипалатинском полигоне, из них 14 – на Новосибирск [8, с. 206–207; 10, с. 65–70, 75]. Общий уровень радиоактивных выпадений в области в 1959, 1960, 1961 и 1962 гг. составил соответственно 600, 710, 2070 и 1000 мКи/км², а накопление радионуклидов в почве соответственно 2000, 1100, 1070, 1300 мКи/км². Средние же показатели выпадений в Северном полушарии составляли 2,6–14,6 мКи/км², а накопление в почве – 33,3–51,5 мКи/км².

При испытании ядерного оружия на население воздействовало не только внешнее облучение, но и внутреннее, вызванное использованием загрязненных кормов животными, а затем продуктов питания животного и растительного происхождения, которые, попадая в организм человека, облучали его изнутри. В 1961 г. при областных ветеринарных бактериологических лабораториях региона были созданы радиологические отделы, которые осуществляли контроль продуктов животного и растительного происхождения, а также осадков, почвы, воды и планктона.

С 1963 по 1972 г. материалы радиологического отдела по обследованию продуктов животного и растительного происхождения были уничтожены в соответствии с инструкцией их хранения в секретных отделах организаций. Однако в годовом отчете за 1978 г. Ново-

² Новая газета. Сибирская газета. Ежедневник. 1998. № 16; Аргументы и факты. Региональное приложение «Сибирь». 2005. № 41.

Год	Суммарная активность в пробах сена (кюри/кг/л-10 ⁻⁷)	Накопление стронция-90 (СН/кг 10 ⁻¹²)		
		в молоке	в соломе	в сене
1961	17,5			
1962	78,0			1475
1963	70,0			1400
1964	32,5		1055,0	1560
1965	25,6		567,0	1191
1966	16,3		312,0	675
1967	16,8		153,0	531
1968	16,3	5,7	106,0	378
1969	19,1	4,3	112,0	376
1970	20,9	3,5	110,4	271
1971	21,2	4,2	104,2	266
1972	19,2	5,6	112,0	268
1974	16,5	9,1	36,6	260
1975	14,9	8,2	44,0	136
1976	14,4	5,9	87,0	96,2
1977	17,2	7,7	70,1	34,4*

* Суммарная бета-активность в пробах сена завышена ошибочно.

сибирского радиологического отдела сохранились данные, показывающие динамику за 1961–1977 гг. средней суммарной бета-активности в пробах сена и накопление стронция-90 в молоке, соломе и сене (см. таблицу)³.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что радиоактивное загрязнение этих продуктов было высоким в 1962–1965 гг. Так, суммарная бета-активность в пробах сена в 1962 г. увеличилась по сравнению с 1961 г. в 4,5 раза, а в последующие годы начала снижаться. В 1965 г. она была ниже по сравнению с 1962 г. почти в 3,5 раза. В последующие годы при общей тенденции снижения бета-активности в пробах сена были существенные повышения в 1969–1972 гг. и в 1977 г. Отсутствовала тенденция к снижению стронция-90 в молоке; накопление его в соломе уменьшилось с 1964 по 1977 г. в 15 раз, а в сене с 1962 г. – почти в 43 раза.

К 1970 г. загрязнение продуктов питания снизилось на два-три порядка. Вместе с тем содержание стронция-90 превышало среднесоюзный уровень в картофеле в 20 раз, пшеничном хлебе – в 2,3, в говядине – в 2,5, в молоке – в 1,3 раза. В 1971 г. в пресноводной рыбе содержание цезия-137 превышало среднесоюзное значение в 23 раза.

По данным радиологического отдела, в 1978–1997 гг. неустойчивость гамма-излучения продолжалась, повышенной она была в 1985–1989 гг., а в 1990-е гг. наметился спад⁴. А ученые СО РАН пришли к выводу, что на широте Новосибирской области со-

держание стронция-90 и цезия-137 в пшенице ряда урожаев в сотни раз выше, чем в пшенице, выращенной в Австралии. Содержание стронция-90 в костях крупного рогатого скота почти в 140 раз выше, чем в костях северных оленей [10, с. 93, 94, 96–98].

В зависимости от плотности радиоактивного загрязнения всю территорию Новосибирской области можно условно разделить на три группы радиационного риска. К первой группе отнесены жители городов Новосибирска и Бердска, Новосибирского, Болотнинского, Искитимского, Куйбышевского, Кыштовского, Маслянинского, Ордынского, Северного, Сузунского, Тогучинского и Черепановского районов. Во вторую группу включены жители Барабинского, Венгеровского, Доволенского, Здвинского, Каргатского, Колыванского, Коченевского, Краснозерского, Татарского, Убинского, Усть-Тарского, Чановского и Чулымского районов. В третью группу входили жители Баганского, Карасукского, Купинского и Чистоозерного районов.

Самые высокие показатели смертности в среднем за 1965–1969 гг. были в Маслянинском, Ордынском и Сузунском районах. Несмотря на то, что первая группа районов характеризуется сравнительно хорошими природно-климатическими условиями, средневзвешенные показатели смертности здесь были выше, чем в группе районов с неблагоприятными природно-климатическими условиями, менее интенсивными радиоактивными загрязнениями местности. Сравнительная оценка смертности населения от злокачественных новообразований за 1965–1990 гг. показала, что в СССР она увеличилась на 12,5 %, в Новосибирске – на 31,2, в Ордынском районе – на 38,3, в целом в Новосибирской области – на 30,3 % [11, с. 27–34, 17–26].

³ Текущий архив Новосибирского областного управления сельского хозяйства. Д. 17. Л. 8.

⁴ Текущий архив Новосибирского областного управления сельского хозяйства. Д. 17 (отчеты радиологического отдела за 1978–1995 гг.); Д. 15 (за 1986–1999 гг.); Д. 11 (за 1992–1997 гг.).

В Правительство Российской Федерации губернатором Новосибирской области было направлено два письма, в которых сообщалось о радиоактивном загрязнении территории Новосибирской области в основном в результате ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне и ставился вопрос о реабилитации территории и населения. Но на оба письма были присланы отрицательные ответы. В одном из них сообщалось, что облучение населения в таких малых дозах не может вызвать никаких соматических и генетических последствий. Последствия ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне являются необоснованными. Для того чтобы получить более точные данные о радиационной обстановке в Новосибирской области губернатор поручил председателю СО РАМН В.А. Труфакину провести объективный анализ состояния здоровья населения Черепановского, Маслянинского, Сузунского и Ордынского районов. Доклад о последствиях ядерных испытаний в Новосибирской области был направлен в Правительство Российской Федерации. Единственное, что оставалось сделать для признания области пострадавшей от радиации, – подтвердить данные местных специалистов заключением Физико-технического института Министерства обороны. Только это учреждение в стране могло рассчитать так называемую эффективную дозу облучения, полученную новосибирцами. Однако резолюцией к этому докладу стало «принять к сведению».

Новосибирская область, в отличие от Алтайского края, не получила статуса пострадавшей территории, хотя в области заболевания раком желудка выявлены у 81,2 чел. на 100 тыс. населения, а на Алтае этот показатель равнялся 75 чел. на 100 тыс. Рак молочной железы в области устанавливался у 210,7 чел. на 100 тыс. населения, а на Алтае – у 170,8 чел. на 100 тыс. Такая же картина и по некоторым другим онкологическим заболеваниям⁵.

Таким образом, в связи с испытаниями ядерного оружия на Семипалатинском полигоне многие территории города и населенные пункты Западной Сибири были загрязнены радиоактивными ингредиентами. В наибольшей мере эти загрязнения проявились в Алтай-

ском крае, которые привели к злокачественным заболеваниям, к смертности большого числа населения и оказали деградирующее влияние на природную среду. В несколько меньшей степени было это воздействие на территорию и население Новосибирской области. Но по некоторым злокачественным заболеваниям населения показатели в Новосибирской области были выше, чем в Алтайском крае. Несмотря на то, что местные органы управления приняли меры по исследованию радиационной обстановки в области и пришли к конкретным обоснованным выводам, Физико-технический институт Министерства обороны, который только и мог подтвердить полученные результаты, не согласился с выводами области. И Правительство РФ отклонило заявку Новосибирской области на реабилитацию населения и территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубасов Ю., Зеленцов С., Красилов Г. и др. Хронология ядерных испытаний в атмосфере на Семипалатинском полигоне и их радиационная характеристика // Вестник научной программы «Семипалатинский полигон – Алтай». 1992. № 4.
2. Круглов А.К. Как создавалась атомная промышленность в СССР. М., 1994.
3. Израэль Ю.А. Радиоактивное загрязнение земной поверхности // Вестник РАН. Т. 68, № 10.
4. Атомный проект СССР : документы и материалы. М.; Саров, 2003. Т. 2: Атомная бомба 1945–1954. Кн. 1.
5. Шойхет Я.Н., Киселев В.И., Лобарев В.М. и др. Ядерные испытания 29 августа 1949 г. // Радиационное воздействие на население Алтайского края. Барнаул, 1997.
6. Якубовская Е.М., Нагибин В.И., Суслин В.П. Семипалатинский ядерный полигон – 50 лет. Новосибирск, 1998.
7. Чухин С. Чаган // Атомная энергия. 1993. Т. 74, вып. 4.
8. Булатов В.И. Россия радиоактивная. Новосибирск, 1996.
9. Проблемы ликвидации на территории Алтайского края последствий ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне. Новосибирск, 1994.
10. Селегей В. Радиоактивное загрязнение Новосибирска – прошлое и настоящее. Новосибирск, 1997.
11. Суслин В.П. Исследование последствий радиоактивного загрязнения районов Новосибирской области. Новосибирск, 1995. Вып. 3.

Статья поступила
в редакцию 27.05.2013

⁵ Сов. Сибирь. 1994. 30 сент.; Аргументы и факты. Региональное приложение «Сибирь». 2005. № 41; 2001. № 35; Новая газета. Сибирская газета. 1998. № 16; Честное слово. 2001. № 15.

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(571.1/.5)''16/17''

П.С. ИГНАТКИН

СОЦИОНИМ «ИНОЗЕМЦЫ» ПРИМЕНИТЕЛЬНО К НАРОДАМ СИБИРИ В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ МОСКОВСКОЙ РУСИ (вторая половина XVI – начало XVII в.)*

Новосибирский государственный университет
e-mail: ignatkin-87@mail.ru

Статья посвящена определению времени введения в оборот в сибирское делопроизводство соционима «иноземцы» для обозначения народов Сибири, а также семантике этого понятия. Делается вывод, что данный соционим русские стали применять к сибирским народам со второй половины XVI в. Он содержал смысловую нагрузку культурной инаковости сибирских этносоциумов и отражал ситуацию их неполной подчиненности русской власти.

Ключевые слова: Сибирь, Северное Приуралье, иноземцы, русско-аборигенные отношения, христианство, XVI–XVII вв.

Соционим «иноземцы» широко применялся в русском языке в XVI–XVII вв. для обозначения представителей других стран – как европейских, так и азиатских. Русские маркировали им и народы, обитавшие в Сибири. Хронология, смысловые нагрузки, территория распространения, лексические и семантические связи, а также причины появления данного соционима к настоящему времени остаются не выясненными не только по отношению к народам Сибири, но и к другим этносам.

Наиболее дискуссионен вопрос о времени появления соционима «иноземцы» по отношению к народам Сибири. Так, С.В. Соколовский [1, с. 60], Л.М. Дамешек [2, с. 257], Е.П. Ковалешкина [3, с. 50] и Е.П. Мартынова [4, с. 13] датируют введение его в оборот XVI в., причем, скорее всего, умозрительно, поскольку не подкрепляют свои соображения ссылками на источники. По мнению А.С. Зуева [5, с. 82] и А.Ю. Конева, данный соционим стал вводиться в оборот с 1620-х гг. Особо отметим, что приведенный А.Ю. Коневым царский указ тобольским воеводам 1621 г., в котором западносибирские аборигены названы «иноземцами», до сих пор являлся самым ранним документированным случаем употребления соционима «иноземцы» применительно к коренным народам Сибири, известным в историографии [6, с. 19]. М.А. Демин полагал, что соционим «иноземцы» получил распространение с 1640-х гг. [7, с. 102].

Что касается смысловой нагрузки данного соционима, то точки зрения исследователей во многом совпадают. Но, отмечая его полисемантичность, ученые акцентируют внимание на разных значениях. Большинство исследователей придерживаются мнения, что в данный соционим вкладывался смысл преимущественно религиозно-культурной инаковости сибирских аборигенов и их неполной политической подчиненности властям [8, с. 3; 2, с. 257; 3, с. 50; 9, с. 166, 168–169; 7, с. 102–103; 1, с. 61; 6, с. 19; 5, с. 82–85; 4, с. 13–14]. Т.А. Опарина, занимаясь изучением биографий выходцев из Западной Европы, проживавших на территории Московского государства, справедливо предложила разделить всех «иноземцев» на две категории: «внутренних», к которым относились мусульмане и язычники бывшего Казанского, Астраханского и Сибирского ханств и «внешних», которые были иммигрантами, т. е. подданными других стран. По ее мнению, соционим «иноземцы» нес в основном конфессиональную нагрузку [10, с. 5–7].

Целью данной статьи является определение времени введения в сибирское делопроизводство соционима «иноземцы» для обозначения народов Сибири, а также выяснение его семантических рамок. Важно также понять, кем и чем определялся выбор именно этого слова. Изучение и анализ происхождения документов, содержащих соционим «иноземцы», а также его значений в текстовом окружении позволит ответить на поставленные вопросы.

Один из самых первых случаев употребления слова «иноземец» в русском языке зафиксирован в Новгородской I

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-01-00027.

летописи старшего и младшего изводов под 1203 г. по отношению к иностранным купцам, находившимся в Киеве: «а что гости, иноземья всякого языка» [11, с. 45, 240]. Вплоть до XVI в. интересующий нас соционим использовался в основном в книжности Северо-Западной Руси. В дипломатических актах данное слово стало широко употребляться со второй половины XVI в. для обозначения иностранцев, прибывавших с разными целями в Московскую Русь [12, с. 128].

Наиболее ранний, выявленный нами случай употребления соционима «иноземцы» применительно к автохтонам Сибири датируется 1565 г. Он зафиксирован в грамоте митрополита московского и всея Руси Афанасия, адресованной Г. Строганову и разрешавшей его слободским игуменам и священникам самостоятельно, без дополнительного благословения от московского митрополита, обращать в православную веру аборигенное население урало-сибирского региона – татар, вогулов и югричей. Необходимые санкции для крещения аборигенов, принимавшиеся в Москве, занимали время и поэтому препятствовали более быстрому распространению среди них православия, в связи с чем для пермских вотчин Строгановых отменялись: «И нынеча – деи приходят к ним иноземци татарове, и гогуличи, и югричи некрещенные люди, и помышляют креститься в нашу православную христианскую веру, и их – деи слобочке игумены и попы, без нашего благословения, крестити их не смеют, и мне бы благословити и велети слобочким и игуменом и попом приходящих иноземцов крестити...» [13, с. 153]. Всего же татары, вогулы и югричи «иноземцами» в документе обозначены три раза. Причем соционим «иноземцы» там коррелирует со словом «неверные», находящемся в инвокационной формуле грамоты. Обращает на себя внимание и то, что слово «иноземцы» было употреблено в контексте с определением «некрещенные люди». Все это позволяет утверждать, что в данном случае соционим «иноземцы» наделялся конфессиональной нагрузкой, весьма жестко связываясь с некрещеными группами населения, проживавшими в Русском государстве, и использовался для противопоставления их людям, исповедующим православие.

Второй известный нам случай обозначения представителей Сибири «иноземцами» появляется в источниках спустя почти 20 лет – в 1588 г. в челобитной Бахтаразы Мурзы Карамышева (шурина сибирского царевича Маметкула), оказавшегося в Московской Руси в 1586/87 г. Обратиться с челобитием к царю Федору Ивановичу Карамышева заставило его бедственное материальное положение, из-за чего ему приходилось «скитаться и волочиться меж двор». В челобитной он просил у царя, чтобы его пожаловали «царским денежным жалованьем и поместьем» и велели «устроить, как ты, государь жалуешь нашу братью иных нововыезжих иноземцов» [14, с. 32–33].

По мнению исследователей, Карамышев был сибирским татаринцем [15, с. 100, 250, 330]. Но, принимая во внимание тот факт, что в элиту Сибирского ханства второй половины XVI в. входили не только сибирские татары, но и выходцы из Средней Азии, нельзя исключать и несибирское происхождение Карамышева. В таком случае соционим «иноземец» мог быть применен к челобитчику не как к уроженцу Сибири, а как к представителю совсем другого региона. Однако в Московской Руси идентификация индивида осу-

ществлялась не столько по его этническому происхождению, сколько по политической принадлежности (подданству). Поэтому Карамышев, даже если и не являлся урожденным сибиряком, в Москве должен был восприниматься представителем «Сибирской земли» (татарского Сибирского юрта). К тому же в обращении к царю в самом начале челобитной он указал, что «бьет челом холоп твой государев нововыезжий сибирской Бахтураз Мурза Карамышов», а это свидетельствует в пользу того, что в документе он отнесен к «сибирцам».

Из источников неизвестно, владел ли Карамышев русским языком на момент создания челобитной. Возможно, она была записана с его слов кем-то из татар, владевших русским языком и знавших, что иностранцев русские называют «иноземцами». Если же обращение к царю диктовалось через переводчика и записывалось русским писарем (что вероятнее всего), то как раз они и могли отнести Карамышева к категории «иноземцев». Однако в любом случае челобитная Карамышева свидетельствует, что в России представителей Сибири называли «иноземцами» и в конце 1580-х гг.

Очень важно понять, кого следует понимать под «нововыезжими иноземцами», к категории которых Карамышев был отнесен в челобитной. «Выезжими», «нововыезжими» в то время считались представители других стран, прибывших на службу в Россию. С какой конкретно группой таких «иноземцев» объединен Карамышев, не совсем понятно. Но учитывая, что в ходе «сибирского взятия» знатные пленные «сибирцы» отсылались в Москву, Карамышев или составитель челобитной вполне мог под упомянутыми «иноземцами» иметь в виду как раз этих пленных, зачисляемых в русскую службу.

В челобитной соционим «иноземец» имеет смысловую связь со словом «нововыезжий». Это заставляет предполагать в его употреблении политический подтекст. Скорее всего, тем самым фиксировался факт недавнего подданства Карамышева иному государству – Сибирскому юрту. Это наблюдение над значением соционима «иноземцы», а также все другие интерпретации этого слова, имеющиеся в нашей работе, полностью согласуются с мнением указанных исследователей о его семантике.

В конце XVI в. русское правительство соционимом «иноземцы» маркировало также ненцев и, возможно, другие этносы Северного Приуралья и Северо-Западной Сибири, что следует из царской памяти 1597 г. в Приказ Большой казны. В ней сообщается, что пустозерскому воеводе В. Ухтомскому было «велено призывать самоедов и иных вер иноземцов и крестьян в православную христианскую веру» [16, с. 466]. Многие ненецкие роды ежегодно совершали перекочевки из Сибири в Европейскую Россию и в обратном направлении. Поэтому, хотя речь в документе идет о Северном Приуралье, упомянутых самоедов следует рассматривать и как жителей Сибири. Под «иных вер иноземцами» могли подразумеваться как другие роды ненцев, так и в целом все языческое население означенного региона, например манси. Обращает на себя внимание то, что соционим «иноземцы» увязан с указанием на их «иную веру». Надо учитывать и слабую подчиненность Москве в данное время народов Северного Приуралья. Очевидно, что все эти значения содержались в слове «иноземцы».

В отписке в Москву, датированной 1608/09 г., томские воеводы В. Волынский и М. Новосильцов называли «иноземца-

ми» аборигенов бассейна Средней Оби. Обвиняя своих предшественников – воевод М. Ржевского и С. Бартенева, они сообщали, что последние «государевых ясных людей сильно емлют к себе в холопи, и кабалы на них служивые емлют, и тех иноземцев продают и тем де корыстуютца. А которые де иноземцы в Томском городе крестились года по три и по четыре и били челом тебе государю о хлебом жалованье, и Матвей де и Семен новокрещеным запасу не дают...» [17, с. 409]. Под «томскими» иноземцами, вероятно, следует понимать томских и чатских татар, а также селькупов. Учитывая статус аборигенов данного региона как новых подданных Русского государства (их подчинение началось с основания Томска в 1604 г.) и положение некоторых из них как неофитов, можно полагать, что именно эти обстоятельства – прежде всего слабая политическая и религиозная включенность в русский социум – заставили томских воевод называть их «иноземцами».

В 1614 г. в отписке верхотурского воеводы Б. Зюзина в Пермь «иноземцами» поименованы сылвинские остяки. С ними беспощинно торговали пермские и усольские торговые люди, которые «тех сылвинских остяков отговаривают от Верхотурского города всегда, для своей безлепичны корысти, чтобы им волно было воровски с иноземцы, приезжая на Сылву, торговати, шоломы и пансыри и доспехи и сабли иноземцом продавати» [18, с. 84]. Опасение властей, вызванное вероятностью продажи вооружения сылвинским остякам, свидетельствует о том, что последние не рассматривались как полностью лояльные. Соответственно, мы вновь видим, что слово «иноземцы» несло определенную смысловую нагрузку: оно означало неполную политическую подчиненность и неблагонадежность тех, в чей адрес употреблялось.

В документе, составленном в 1614 г. в Москве в Печатном приказе, сибирский царевич, внук Кучума – Араслан Алеевич освобождался от уплаты пошлин со своих владений из-за своего «иноземства» [19, с. 372]. Тот факт, что он классифицировался «иноземцем», опять-таки объясняется тем, что он относительно недавно стал подданным России и к тому же оставался мусульманином.

Таким образом, первые случаи употребления соционима «иноземцы» применительно к народам Сибири относятся ко второй половине XVI – началу XVII в., что серьезным образом уточняет представления, сложившиеся в историографии, о начале его появления и распространения в сибирском делопроизводстве. В указанное время данный соционим фиксируется лишь в единичных случаях. Им маркировались различные этнические группы, обитавшие в Сибири.

Отметим еще раз, что проведенный анализ смысловых связей соционима «иноземцы» заставляет полностью согласиться с выводами упомянутых выше исследователей. Этот соционим означал этнические, культурные и религиозные отличия нерусского населения от русского, а также указывал как на политическую принадлежность к другой стране, так и на недавнюю подчиненность России. Его употребление свидетельствовало о стремлении подчеркнуть политическую и религиозную дистанцию между исконным населением Московского государства, с одной стороны, и новыми подданными – с другой.

Исходя из того, что самые первые случаи номинации народов Сибири «иноземцами» зафиксированы в грамоте

митрополита Афанасия 1565 г., в челобитной Карамышева от 1588 г., а также в царской памяти 1597 г. в Приказ Большой казны, можно прийти к выводу, что соционим «иноземцы» был введен в оборот в сибирском делопроизводстве столичными иерархами Церкви и приказными служащими, позаимствовавшими его из практики наименования иностранцев, находившихся в пределах Московской Руси. Довольно быстро соционим «иноземцы» появился и в лексиконе воевод, прибывавших на службу в Сибирь из Москвы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколовский С.В. Образы «Других»: историческая топология мышления о коренных народах в России // *Этнометодология: проблемы, подходы, концепции*: сб. ст. М., 1998. Вып. 5. С. 57–84.
2. Дамешек Л.М. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти // *Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв.*: сб. науч. тр. Барнаул, 2005. С. 257–266.
3. Ковалюшкина Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири: концепции государственной политики и областническая мысль. Томск, 2005. 326 с.
4. Мартынова Е.П. Народы Северо-Западной Сибири: дефиниции и научно-политический дискурс // *Этнографическое обозрение*. 2012. № 2. С. 13–18.
5. Зуев А.С. Российское государство и народы Сибири: характер и этапы взаимоотношений во второй половине XVI – начале XX в.: учеб. пособие. Новосибирск, 2011. 188 с.
6. Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX века): сб. правовых актов и док. / ред.-сост. А.Ю. Конев. Тюмень, 1999. 238 с.
7. Демин М.А. Коренные народы Сибири в ранней русской историографии. СПб.; Барнаул, 1995. 197 с.
8. Дамешек Л.М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX века. Иркутск, 1983. 136 с.
9. Люцидарская А.А. От «иноземцев» к «инородцам» (один из аспектов колонизации Сибири) // *Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур*: тез. Междунар. науч. конф. (Новосибирск, 26–30 июня 1995 г.). Новосибирск, 1995. Т. 2: Археология. Этнография. С. 165–169.
10. Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М., 2007. Кн. 1. 384 с.
11. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // *Полн. собр. рус. летописей*. 2-е изд. М., 2000. Т. 3. 720 с.
12. Сергеев Ф.П. Формирование русского дипломатического языка. Львов, 1978. 223 с.
13. Введенский А.А. Торговый дом XVI–XVII веков. Л., 1924. 182 с.
14. Лихачев Н. Библиотека и архив Московских Государей в XVI столетии. СПб., 1894. Приложения. С. 32–34.
15. Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011. 512 с.
16. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. СПб., 1841. Т. 1. 596 с.
17. Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. М., 1999. Т. 1. 430 с.
18. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедициею Императорской академии наук. Дополнены и изданы Высочайше учрежденною Коммиссиею. СПб., 1836. Т. 3. 518 с.
19. Документы Печатного двора (1613–1615 гг.). М., 1994. 479 с.

Статья поступила
в редакцию 24.04.2013

УДК 94(47).084.8

Н.С. КОРОБЕЙНИКОВА

**ВНЕБРАЧНАЯ РОЖДАЕМОСТЬ В ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(1944–1945 гг.)**

Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: ellpise@gmail.com

В статье представлен анализ такого явления, как внебрачная рождаемость на завершающем этапе Великой Отечественной войны в городах Западной Сибири. Изучены возрастная динамика рождений, социальная структура рождаемости, очередность рождений.

Ключевые слова: внебрачная рождаемость, очередность рождений, институционализация внебрачной рождаемости, охрана материнства, институт семьи.

В условиях Второй мировой войны в российском обществе произошли серьезные трансформации многих социально-демографических процессов, в их числе была и рождаемость. Для дальнейшего развития данного показателя эти изменения стали определяющими. Проблеме рождаемости в годы Второй мировой войны уделяется достаточно внимания в работах исследователей. Так, в коллективной монографии «Демографическая модернизация России» авторы, несмотря на то, что уделяют периоду войны меньше внимания по сравнению с другими периодами, отмечают снижение рождаемости, что объясняется, с одной стороны, реалиями военного времени, а с другой – объективными процессами, которые были характерны для демографического перехода [1]. В.А. Исупов в исследовании «Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века» выявляет общие тенденции изменения рождаемости [2]. В работе «Главный ресурс Победы» он более детально исследует непосредственно Западно-Сибирский регион и определяет региональные особенности развития показателя рождаемости [3]. В монографии Н.А. Араловец наряду с другими проблемами развития семьи в главе, посвященной Второй мировой войне, освещается такой аспект рождаемости, как развитие института одинокого материнства [4]. Данная проблема является не только одним из подчиненных вопросов исследования рождаемости, но и самостоятельным социальным вопросом, получившим в годы Второй мировой войны, особенно на ее завершающем этапе, в 1944–1945 гг., известную актуальность.

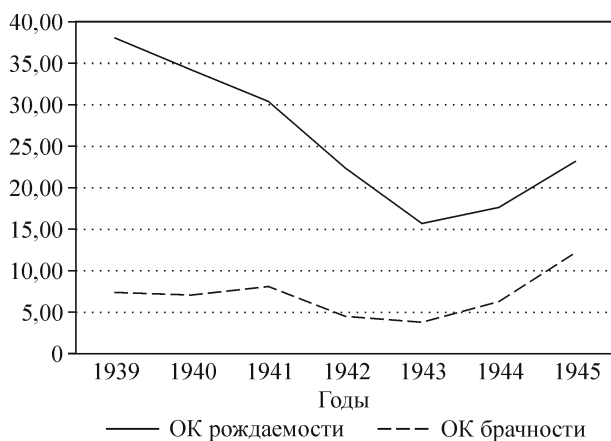
В рамках статьи планируется изучение некоторых аспектов этой проблемы. Внебрачная рождаемость является одним из значимых показателей семьи. Ее распространение имело большое значение в формировании дальнейшей логики развития семьи в последующие годы. В одной статье невозможно осветить все стороны данной проблемы. Поэтому основная цель данной статьи – лишь исследование динамики внебрачной рождаемости и некоторых ее аспектов. Для

достижения данной цели планируется решение следующих задач. Во-первых, изучение основных количественных изменений показателя. Во-вторых – его качественных характеристик. В третьих, определение значения внебрачной рождаемости для общей рождаемости в годы войны.

Хронологические рамки данной работы – завершающие годы Второй мировой войны, 1944 и 1945 гг. Однако для большей наглядности некоторых показателей, автором рассматривается и период с 1939 по 1943 г. Территориальные рамки – городские поселения Западной Сибири в границах на 1939 г.

Основными источниками послужили документы Центрального Статуправления СССР, которые хранятся в ГАРФ (ф. А-374, оп. 11). Кроме того использованы материалы ГАНО (ф. 11, оп. 2). Форма 26, которая регистрировала внебрачные рождения, была введена в оборот только с начала 1945 г., (форма была утверждена ЦСУ Госплана СССР 19 декабря 1944 г.) поэтому в ней содержатся данные только за два последних года войны. Помимо перечисленных выше документов по необходимости к исследованию привлечены материалы центральной прессы. Дополнительным источником информации являются статистические сборники, которые публиковались в СССР и отражают текущее положение вещей.

На рисунке отображается тенденция синхронизации кривых брачности и рождаемости к периоду последних лет войны. Фактически можно предположить, что после 1943 г., когда показатели брачности и рождаемости достигли наименьших значений, начался их непрерывный рост. При этом совпадение рисунка графиков предполагает, что развивались оба показателя синхронно, т. е. брачность и рождаемость практически совпадали, это означает, что в последние годы войны рождаемость была в основном брачной. Действительно накануне Великой Отечественной войны, до лета 1941 г., в городах имело большое распространение такое явление, как фактическая брачность. По этой причине, несмотря на

Динамика общего коэффициента брачности и общего коэффициента рождаемости (1939–1945 гг.)*

относительно низкий средний показатель рождаемости на одну женщину, который по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. составил 3,41¹, общий коэффициент рождаемости значительно превышал общий коэффициент брачности. Такой отрыв мог бы быть возможным при высоком уровне детности [5], однако в течение 1930-х гг. этот показатель в Западной Сибири, как и во всей РСФСР, непрерывно падал². Кроме того, хронологическое совпадение роста брачности и рождаемости также ставит под вопрос рост брачной рождаемости, так как показатель рождаемости должен «опаздывать» относительно показателя брачности. На данной же диаграмме это опоздание отсутствует. Таким образом, оба графика лишь демонстрируют количественный рост образования фертильных пар, причиной которого было то, что к 1944 г. гендерный баланс, спровоцированный мобилизациями в Красную Армию, начал стремиться к стабилизации.

В табл. 1 представлена динамика соотношения очередности рождений в 1944 и 1945 гг. Согласно представленным здесь данным, основная доля рождений приходилась на первое рождение. Причем, в 1945 г., в год Победы, данный показатель вырос с ¼ до ½. При этом относительный рост других очередностей был незначительным – в пределах 1,5 % для второго рождения. Такой всплеск рождаемости первых детей, при условии преобладания брачной рождаемости, предполагает аналогичную интенсивность роста брачности, которой, как видно из графиков, представленных на рисунке, не произошло. Из этого следует, что рост рождаемости произошел в том числе и за счет роста рождаемости внебрачной.

Согласно поставленным в настоящей статье задачам, необходимо выполнить анализ возрастных и социальных трансформаций внебрачной рождаемости в городах Западной Сибири в годы Второй мировой войны.

*Составлено по ГАРФ. Ф. А-374, Оп. 23. Д. 455. Л. 1, 24; Оп. 11. Д. 39. Л. 3, 5; Д. 40. Л. 3; Д. 77. Л. 69, 70, 73, 74; Д. 176. Л. 2, 62; Д. 255. Л. 3, 36, 82; Д. 293. Л. 1, 3, 81; Д. 294. Л. 9, 11, 69, 76; Д. 380. Л. 2, 75, 127, 178, 182; ГАНУ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 736. Л. 4; Д. 871. Л. 26, 28; Д. 991. Л. 18, 19.

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 641–643.

² РСФСР за 50 лет : стат. сб. М., 1967. С. 154.

Таблица 1

Динамика очередности рождаемости в 1944–1945 гг., %*

Год	Очередность рождения				
	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й
1944	25,17	16,76	14,01	9,32	6,17
1945	35,75	18,12	14,71	10,83	7,33

* Составлена по ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 270. Л. 7, 5, 113; Д. 271. Л. 12, 14, 17, 98, 104; Д. 360. Л. 3, 66, 115; Д. 361. Л. 47, 50; ГАНУ. Ф. 11. Д. 992. Оп. 2. Л. 21; Д. 991. Л. 20, 22, 23.

Таблица 2

Динамика общего коэффициента внебрачной рождаемости и специального коэффициента внебрачной рождаемости* в 1944–1945 гг.

Когорта, лет	Общий коэффициент, %**		Специальный коэффициент, %***	
	1944 г.	1945 г.	1944 г.	1945 г.
15–19	0,13	0,29	41,91	66,00
20–24	0,94	2,69	33,69	67,03
25–29	0,72	1,87	36,78	78,74
30–34	0,50	1,49	32,52	76,89
35–39	0,22	0,62	33,52	68,96
40–49	0,08	0,19	9,12	0,72
50–59	0,01	0,01	37,93	87,88
Итого:	0,37	1,02	32,21	63,74

* Составлена по: Форма 26. ГА РФ, Ф. А-374. Оп. 11. Д. 268. Л. 10, 17, 74, 78; Д. 269. Л. 61, 62, 213, 207, 71, 74; ГАНУ. Д. 991. Л. 26; Д. 992. Л. 22.

** Рассчитывается нами по формуле $N_{ix}^x/D \times 1000$, где N_{ix}^x – абсолютный показатель количества внебрачных рождений в возрастной когорте x ; D – общее количество населения, учтенного органами загс на момент заполнения формы 2.

*** Рассчитывается нами по формуле $N_{ix}^x/N^x \times 100$, где N_{ix}^x – абсолютный показатель внебрачной рождаемости в возрастной когорте x ; N^x – общее количество рождений в возрастной когорте x .

Представленные в табл. 2 показатели специального коэффициента внебрачной рождаемости (Сквр) показывают, что к 1944 г. внебрачная рождаемость доходила до 41,91 % в возрастной когорте матерей 15–19 лет. В среднем же по всем когортам она составляла 32,21 %. Самыми активными были традиционные фертильные когорты – с 20 до 39 лет. В 1945 г. происходит быстрое увеличение рассматриваемого показателя во всех когортах. Наибольшая доля внебрачных рождений приходится на две когорты, 25–29 лет и 30–34 года. Высоким был рост внебрачной рождаемости и в других возрастных группах. Фактически Сквр демонстрирует, что в 1945 г. число рождений вне зарегистрированных браков превысило 50 % среди всех рождений.

Показатели общего коэффициента внебрачной рождаемости (Оквр) также свидетельствуют о росте внебрачной

рождаемости в 1945 г. относительно 1944 г. Они также показывают интенсивное увеличение показателя во всех когортах, особенно с 20 до 34 лет. Однако Оквр, в отличие от Сквр, указывает, что наиболее интенсивный рост произошел в когорте матерей в возрасте 20–24 лет. В структуре рождаемости данной когорты обращает на себя внимание рост данного показателя по Кемеровской области: согласно зарегистрированным в ЦСУ данным, здесь внебрачная рождаемость составляла в 1944 г. 29,61 %, а в 1945 г. 65,91 % от общего числа рождений в данной когорте. При этом в Алтайском крае аналогичные показатели составили 34,17 и 74,38 %, а в Омской области – 33,00 и 69,37 %³.

Активность возрастных групп 20–39 лет во внебрачной рождаемости частично объясняется тем, что они представляли собой основные фертильные когорты. Именно от их активности в основном зависел уровень рождаемости. Произошедшее в 1940 г. снижение рождаемости было во многом вызвано количественным сокращением родительского поколения, причем оно коснулось не только потенциальных отцов, но и матерей. Именно эти когорты имели наибольшее значение для роста абсолютного числа внебрачных рождений. В 1944 г., когда предположительно было зачато основное число внебрачных детей, рожденных в 1945 г., шел третий год войны, начинался четвертый. Тогда было уже очевидно, что потери Красной Армии огромные и что потенциальные женихи, ушедшие на фронт, не вернутся. Большое число несостоявшихся «невест» осталось не у дел. Брачный рынок обещал для них большую нехватку будущих мужей. К ним добавлялись еще и молодые вдовы.

Такая ситуация на рынке брачности сложилась впервые. Никогда ранее регион не терял так много мужчин в активном брачном возрасте [3, с. 176]. Однако отсутствие женихов означало также снижение конкуренции на рынке труда. К 1945 г. массовая доля женщин в производстве превышала массовую долю мужчин и составляла 55 % к 45 %⁴. Занятость женщин на производстве не была новинкой для Советского

Союза. Еще в 1937 г. сборник статистических материалов «Женщина в СССР» декларировал, что доля женщин во всех сферах производства в СССР превышает все аналогичные показатели в странах Европы и США⁵. Если в 1930-е гг. это было предметом гордости и одним из символов успеха социализма, то теперь, в годы войны, женские руки были необходимы. Система социального обеспечения женщин была «отлажена» еще тогда, в относительно «мирные» 1930-е гг.: функционировала адаптированная к потребностям конкретных предприятий система детских садов и яслей, женских и детских консультаций, молочных кухонь и т.д. Рабочее время женщин оплачивалось наравне с мужчинами, кроме того, молодая мать имела право на перерывы для кормления грудного ребенка, который содержался в яслях прямо на предприятии, рядом с ней. Сталинское правительство пыталось создать оптимальные условия для того, чтобы ослабить стремительно развивающуюся тенденцию к сокращению рождаемости. Была создана система охраны материнства, которая предполагала ключевую роль государственных структур в жизни ребенка с первых недель его рождения.

В годы войны наличие этой системы позволило женщинам сочетать работу на предприятии с материнством. С одной стороны, женщины все чаще отказывались от своей традиционной роли матери (о чем свидетельствует непрерывный рост операций по прерыванию беременности) и выбирали работу и карьеру. С другой стороны, тот факт, что шанс на вступление в брак женщины, чей активный брачный возраст пришелся на годы войны, был ниже, чем у поколений старше и младше ее, стал одним из решающих факторов роста внебрачной рождаемости. В результате большая часть детей рождалась вне брака. В 1944 г. на производственных предприятиях большинство работников составляли женщины. Они могли позволить себе планировать лишь маленькую семью, которая состояла из матери и ребенка. Для понимания развития внебрачной рождаемости следует обратиться к изучению ее социальной структуры.

Т а б л и ц а 3

Социальная динамика внебрачной рождаемости в городах Западной Сибири в 1944–1945 гг., % *

Когорта, лет	1944 г.				1945 г.			
	I**	II**	III**	IV**	I	II	III	IV
15–19	63,78	0,79	20,47	8,66	67,82	0,83	22,61	8,75
20–24	71,51	0,86	16,34	11,29	68,01	0,36	19,43	12,19
25–29	73,41	0,78	17,96	7,85	70,40	0,13	20,73	8,74
30–34	65,59	0,50	26,56	7,34	64,93	0,72	25,61	8,73
35–39	64,87	0,23	27,87	9,60	60,28	0,55	31,40	7,77
40–49	45,63	9,09	0,00	72,73	47,38	1,01	41,88	10,21

* См. прим. к табл. 2.

Социальная динамика внебрачной рождаемости рассчитана по формуле: $N_{ij}^{sx}/N_{ij}^x \times 100$, где N_{ij}^{sx} – абсолютное число внебрачных рождений в социальной группе s в возрастной группе x, N_{ij}^x – абсолютное число внебрачных рождений в возрастной группе x. Таким образом, данная формула учитывает только социальную структуру внебрачных рождений.

** Социальные группы, учтенные ЦСУ при заполнении формы 2 в 1944 г.: I – работающие в государственных и кооперативных предприятиях, учреждениях; II – работающие в колхозах; III – домашние хозяйки; IV – прочие и не указавшие рода занятий.

³ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 268. Л. 10, 17, 74, 78; Д. 269. Л. 61, 62, 213, 207, 71, 74.

⁴ <http://istmat.info/node/26983>

⁵ Женщина в СССР : стат. сб. М., 1937. С. 79.

Данные табл. 3 показывают, что наиболее распространена внебрачная рождаемость в городах была среди женщин, работающих на предприятиях, – группа I. Они и составляли абсолютное большинство. Причем процентное соотношение в 1945 г. относительно 1944 г. практически не изменилось. Небольшое снижение во всех когортах произошло в 1945 г. за счет социальной группы III. Низкие показатели рожениц в социальной группе II объясняются тем, что в городских районах эти женщины редко рожали детей. Женщины, входящие в группу IV, имели низкую динамику рождаемости. Показатель в этой группе – около 10 %. В показателях рождаемости когорты 40–49 лет этой социальной группы произошел значительный спад, что объясняется количественными изменениями в материнском поколении. Наибольшее увеличение процентного соотношения произошло в группе I в пользу группы III в возрастных когортах 20–24 года и 25–29 лет. Данные изменения объясняются тем, что часть рождений произошла все-таки в полной семье. Однако родители такого ребенка по какой-либо причине не успели (или не пожелали, что также могло быть связано с получением определенных финансовых и социальных преимуществ одинокой матерью в связи с рождением ребенка, согласно изменениям в законодательстве, принятым в 1944 г.) зарегистрировать брак до рождения ребенка.

Таким образом, табл. 3 подтверждает тезис о преобладании занятых на предприятиях женщин в числе одиноких матерей. Данная тенденция сохранялась во всех возрастных когортах, что позволяет говорить об определенной закономерности. Фактически это означало, что социальная самостоятельность женщин достигла такого уровня, что они могли наравне с мужчинами возглавлять свою собственную семью. Причем возможности, предоставляемые государством, позволяли делать это в любом возрасте, с наступлением юридической зрелости, т. е. совершеннолетия. Сохранение процентного соотношения в группе работающих матерей свидетельствует об устойчивой тенденции.

В развитии внебрачного материнства значительную роль сыграли несколько законов, принятых в СССР. В 1936 г. было принято постановление ВЦИК и СНК СССР «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах»⁶. Согласно этому закону аборт по социальным показателям был приравнен к уголовному преступлению. Те, кто решался на эту операцию, в случае, если это становилось известно правоохранительным органам, получал «темное пятно» на своей биографии. Действие данного закона продолжалось и во время войны. Ограничение, наложенное этим законом, временно было снято лишь для территорий, находившихся под оккупацией [6, с. 44]. Для жительниц Западной Сибири действие постановления оставалось в силе на всем протяжении войны. Здесь аборт был опасен не только с юридической, но и с медицинской точки зрения. Так, в Новосибирске от перитонита и прочих воспалительных за-

болеваний, которые могли развиваться в результате неправильно проведенной операции, в 1941 г. умерли 32 женщины, в 1943 г. – 30⁷. Тем не менее, несмотря на запреты, аборт в годы войны сохранял свою злободневность, и это было подтверждено в исследованиях Е.А. Садвокасовой. Все законодательные инициативы сталинского правительства фактически создали общий идеологический фон для развития внебрачной рождаемости и одинокого материнства.

Однако в 1944 г. был принят принципиально новый указ «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”»⁸. Согласно данному документу, в СССР официально был закреплён юридический статус «одинокая мать», что означало признание государством такого явления, как внебрачная рождаемость. Это способствовало дальнейшей институционализации внебрачной рождаемости. Мать ребенка могла определить свой статус только до рождения ребенка, выйдя замуж. В противном случае она становилась матерью-одиночкой, а ее ребенок безвариантно получал в свидетельстве о рождении прочерк в графе «Отец». В условиях войны, когда число потенциальных мужей и отцов резко сократилось, для сталинского правительства это был один из немногих доступных выходов для поддержания уровня рождаемости.

Таким образом, в годы войны произошел рост внебрачной рождаемости, что нашло закрепление в формах статистического учета населения. В структуре внебрачной рождаемости, с точки зрения учета возрастных показателей, преобладали женщины наиболее активных фертильных возрастов. В социальной структуре одиноких матерей абсолютное большинство составляли сотрудницы предприятий и кооперативов. Фактически распространение такой формы рождаемости означало серьезные трансформации внутри института семьи в годы войны, которые предполагали появление нового типа семьи, во главе которой стояла женщина. С 1944 г. данная форма семьи была закреплена официально. С 1944 г. можно говорить о формировании нового института семьи, который теоретически относился к институту нуклеарной семьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демографическая модернизация России, 1900–2000. М., 2006.
2. Исунов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Новосибирск, 2000.
3. Исунов В.А. Главный ресурс Победы. Новосибирск, 2007.
4. Араловец Н.А. Городская семья в России. 1927–1959 гг. Тула, 2009.
5. Волков А.Г. Семья – объект демографии. М., 1978.
6. Садвокасова Е.А. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М., 1967.

Статья поступила
в редакцию 24.07.2013

⁶ Известия. 1936. 27 июня.

⁷ ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 607. Л. 81; Д. 736. Л. 38; Д. 991. Л. 36; Д. 871. Л. 54.

⁸ Правда. 1944. 9 июля.

УДК 94(470)''199''

Ю.А. МАРКОВ

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАДИКАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

Новосибирская академия водного транспорта
e-mail: markoff54@rambler.ru

На основе документов Государственного архива Новосибирской области в статье рассматривается динамика качества и уровня жизни населения Новосибирской области в условиях социально-экономических реформ последнего десятилетия XX в. Автор показывает, что в исследуемый период, несмотря на явный недостаток выделяемых государством средств, удалось обеспечить минимальную помощь остро нуждающимся и малоимущим гражданам.

Ключевые слова: уровень жизни, социальная работа, доходы населения, социальные программы.

В настоящее время Правительство РФ уделяет особое внимание вопросам повышения уровня жизни российских граждан. Данная проблема обострилась в период проведения радикальных реформ последнего десятилетия XX в. В связи с этим рассмотрим вопросы, связанные с уровнем и качеством жизни населения страны.

Существенные результаты в изучении данного круга проблем получены сибирскими исследователями. Учеными Института истории СО РАН С.С. Букиным и Д.В. Черновым опубликованы две монографии, касающиеся исследования такого слабо изученного аспекта социальной истории Сибири, как становление и развитие социальной работы в регионе. В монографии [1] анализируются социальные последствия рыночных реформ в Российской Федерации и на этом фоне раскрываются проявления общих тенденций и особенности становления социальной работы в г. Новосибирске. В другой монографии [2] исследуются экономические и социально-демографические проблемы, резко обострившиеся или вновь возникшие в 1990-е гг., и в этой связи раскрывается становление социальной работы в крупном сибирском городе.

Новосибирская область как типичный промышленно-научный центр в начале 1990-х гг. оказалась в тяжелом положении, резко обострились многие социальные проблемы: снизились доходы населения и произошел обесценивание накопленных сбережений, росла безработица, стремительно повышались цены и, как следствие, катастрофически ухудшилось социально-экономическое положение большей части жителей области.

В этих непростых условиях главным направлением деятельности региональной власти стала социальная составляющая проводимой политики.

В 1992 г. отличительной особенностью бюджетной политики являлось более активное применение возможностей бюджета для дополнительной поддержки непроизводственной сферы и отдельных отраслей народного хозяйства. Если брать цифры, то дополнительно к бюджетным ассигнова-

ниям на повышение зарплаты учителей было направлено 236 млн руб. За счет дополнительно полученных доходов и внебюджетных фондов в 1992 г. было профинансировано строительство объектов жилья и соцкультбыта на сумму 319 млн руб. На дотации и компенсации в целях стабилизации розничных цен на основные продукты питания в прошлом году было израсходовано почти 477 млн руб., на покрытие разницы в ценах на топливо, реализуемое населению, – 1 052 млн руб. Эти цифры содержались в отчете главы администрации области о деятельности администрации в 1992 г.¹ Данные меры позволили частично смягчить негативное влияние либерализации цен на жизненный уровень населения. Однако все же рост цен на товары более чем в 3 раза опережал денежные доходы населения. При таком соотношении роста цен и падения уровня доходов населения неизбежно сократилась продажа основных продуктов питания, одежды, обуви, бытовой техники, произошло свертывание сферы оказания бытовых услуг, особенно это касалось сельской местности.

В этих условиях проводились мероприятия по организации социальной защиты наименее обеспеченных слоев населения и поддержке бюджетной сферы. Еще в конце 1991 г. указом Президента РСФСР от 26 декабря № 328 были образованы республиканский и территориальный фонды социальной поддержки населения, а постановлением Верховного Совета РСФСР от 26 декабря 1991 г. № 3008-1 – Резервный фонд социальной защиты населения. Указанные фонды формировались за счет бюджетных и внебюджетных источников². Фактически с нуля создавалась государственная служба социальной защиты населения. В течение 1992 г. в Новосибирской области было организовано 43 самостоятельных отдела, 15 отделений срочной социальной помощи, которые обслуживали 7 123 одиноких и престарелых инвалидов.

Была разработана система учета остро нуждающихся граждан по категориям и видам помощи. На начало 1993 г.

¹ ГАНО. Ф.700. Оп. 1. Д. 97. Л. 25.

² ГА РФ. Ф. 10157. Оп. 1. Д. 162. Л. 189.

на учет поставлено 524 тыс. чел., в том числе 170 тыс. детей, что вдвое больше по сравнению с началом 1992 г.

Целевые денежные средства направлялись на компенсацию затрат на молоко, хлеб, питание школьников. Всего из фонда социальной поддержки и областного бюджета было выплачено 220 млн руб.

В районах и городах области были организованы бесплатные обеды, для чего со 120 столовыми были заключены соответствующие договоры. Бесплатные обеды в таких столовых получили свыше 36 тыс. чел.

Была организована работа 34 магазинов и 228 отделов по продаже продовольственных товаров для ветеранов и участников Великой Отечественной войны и приравненных к ним лиц, где обслуживалось 76,5 тыс. чел.³

Острая ситуация сложилась в социально-культурной сфере, прежде всего в здравоохранении, образовании, дошкольном воспитании. Связано это было с возникшим, весьма значительным, дефицитом государственного финансирования.

Но усилиями власти удалось сохранить существующую сеть лечебно-профилактических учреждений, и помощь населению оказывалась практически в прежнем объеме. На нужды здравоохранения дополнительно из областного бюджета было выделено 109 млн руб. Все это позволило продолжить капитальное строительство, а также избежать в отрасли такого социального потрясения, как забастовки.

С целью поддержки образования области администрация дополнительно выделила 236 млн руб. на повышение зарплаты учителям, 100 млн – на подготовку школ к новому учебному году, 6 млн – на питание учащихся. За год было построено и введено 15 школ на 7 384 места, что практически соответствовало уровню 1991 г. В целом расходы на эту отрасль составили 5 110 млн руб.⁴

В сложном положении находилась сеть дошкольного воспитания и дополнительного образования. В условиях сокращения доходов и кризиса в промышленности многие организации и предприятия вынужденно передавали на баланс местных органов власти ведомственные учреждения – детские сады, клубы, спортивные секции, летние лагеря и другие объекты. Только в течение 1992 г. на баланс местных органов было принято 260 дошкольных учреждений, при этом было введено дополнительно 925 мест для детей, посещающих эти учреждения.

Вместе с тем, следует отметить фрагментарность принимаемых усилий. В «недрах» регионального руководства отсутствовал концептуальный подход к проведению реформ. Вряд ли можно винить за это руководителей области, если учесть, что и на федеральном уровне ясная концепция рыночных реформ также отсутствовала.

В течение 1992 г. реальные доходы населения стремительно сокращались, об этом свидетельствует статистика покупательной способности населения. Уменьшились объемы продаж основных продуктов питания, одежды, бытовой техники. Ухудшилось обслуживание социально уязвимых групп населения – ветеранов войны и труда, инвалидов, одиноких пенсионеров, учащихся. В докладе заместителя главы адми-

нистрации области по потребительскому рынку Н.А. Бакунина отмечалось: «В 1992 г. продажа швейных, трикотажных, чулочно-носочных изделий сократилась на 20–25 %. За 6 месяцев текущего (1993 г. – Ю. М.) по сравнению с этим же периодом 1992 г. сократилась продажа населению телевизоров в 1,5 раза, радиоприемных устройств – 3,3 раза, швейных машин – в 3,6 раза. Удельный вес непродовольственных товаров в 1993 г. составил 33,7 %, что значительно ниже предыдущего года. Сократилось количество молочных, хлебных, овощных магазинов: произошло вымывание из ассортимента дешевых товаров повседневного спроса (соли, спичек, галантерейных, хозяйственных товаров)⁵».

Развал в ходе приватизации системы социально-бытового обслуживания населения, сети доступных торговых предприятий заставил областных депутатов искать меры по компенсации этих потерь. Они рекомендовали райгорсоветам, администрациям городов и районов изыскать возможность денежных дотаций на закупку продуктов, закладку овощей для школьных и студенческих столовых. Администрациям области, городов, районов, комитетам по управлению государственным имуществом Новосибирской области было предложено не включать в программы приватизации на 1993 г. муниципальные предприятия, магазины, склады и базы, специализирующиеся на обслуживании детских и лечебно-оздоровительных учреждений, столовых и буфетов учебных заведений, а также магазины, торгующие детскими товарами, школьно-письменными принадлежностями, хлебом, молоком, овощами⁶.

В 1994 г. была реализована целая серия программ в сфере социальной политики. Администрация области утвердила целевую программу под названием «Социальная поддержка», основной задачей которой стала организация адресной помощи. Всего на организацию помощи более чем 300 тыс. чел. было израсходовано около 18 млрд руб. За год почти вдвое увеличилась помощь престарелым и одиноким людям на дому, такую помощь стали получать более 13 тыс. чел. Было создано 12 территориальных центров социального обслуживания, 43 отделения по оказанию срочной социальной помощи, велось строительство специальных домов и реконструкция имеющихся зданий для одиноких престарелых граждан в Доволенском, Коченевском, Карасукском, Ордынском и Татарском районах⁷.

Одновременно происходила отработка программы «Здоровая семья». В области сложилась сложная ситуация с обеспечением социальных гарантий и прав детей. С началом реформ резко возросло количество брошенных детей. В 1993 и 1994 гг. насчитывалось 1 322 и 1 632 брошенных детей соответственно. Такая ситуация потребовала направления дополнительных средств на поддержку семей с детьми. Из фондов социальной помощи на оздоровление детей было использовано около 1 млрд руб.⁸

В 1994 г. работа над социальными программами была относительно упорядочена. В рамках областного Совета депутатов был создан специальный комитет по социальной

⁵ ГАНО. Ф. 700. Оп. 1. Д. 101. Л. 15.

⁶ Там же. Л. 18.

⁷ Там же. Д. 156. Л. 17.

⁸ Там же. Л. 18.

³ ГАНО. Ф. 700. Оп. 1. Д. 97. Л. 53.

⁴ Там же. Л. 55–56.

политике. С этого момента все важные проекты проходили экспертизу в рамках комитета, но решения комитета носили рекомендательный характер, поэтому без должного финансирования оставались большей частью на бумаге.

Отдельным аспектом в рамках антикризисных действий, принимаемых с целью предотвращения сокращения доходов населения, стали мероприятия по предупреждению массовой безработицы. С либерализацией рынка труда в области над занятыми в секторе промышленного производства нависла угроза массового высвобождения. В первую очередь это касалось предприятий оборонного комплекса.

Осенью 1992 г. на заседании Малого совета № 9 была принята программа занятости населения Новосибирской области в 1992 г.⁹ Программа была разработана Управлением труда и занятости населения с привлечением научных учреждений и заинтересованных организаций. Проект неоднократно дорабатывался.

В этой программе были отражены состояние и проблемы занятости населения в условиях обострения экономической и социальной обстановки в области, приведен прогноз рынка труда с учетом меняющейся ситуации, определены основные направления и методы решения проблемы, практические меры по стабилизации ситуации на рынке труда, в том числе касающиеся службы занятости населения области, а также порядок финансирования программы.

Реалии рынка труда области в 1992 г. не вселяли оптимизма. Ситуация в течение первого полугодия 1992 г. резко ухудшилась. В сфере производства объемы против соответствующего периода 1991 г. упали на 14,8 %, а по продовольственным товарам – на 23,3, в научно-исследовательских и проектных институтах объемы НИОКР и НИР снизились на 35 %. Прогноз рынка труда области на 1992 г. был рассчитан в принятой программе двумя способами: по рекомендации Минтруда РФ и по предложению нового регионального центра развития предпринимательства (РЦРП). Следует отметить, что региональное руководство и представители предпринимательства, несмотря на сложность ситуации, более оптимистично оценивали перспективы рынка труда. Так, если по прогнозам Минтруда РФ рынок труда должен был составить от 175,0 до 308,5 тыс. чел. (обратятся за помощью в службу занятости), то по оценкам РЦРП от 70,0 до 180,0 тыс. чел.

Важное место в программе отводилось организации общественных работ, что было особенно важно для небольших городов области с предприятиями-монополистами. Предусматривался и комплекс мероприятий по использованию незанятой (прежде всего в городах) рабочей силы в сельскохозяйственном производстве. Кроме того, включались мероприятия по обучению и переобучению высвобождаемых работников и незанятого населения. В этих целях предполагалась разработка территориальных программ профессиональной подготовки, повышения квалификации и переподготовки лиц, высвобождаемых и оказавшихся на рынке труда.

Организация финансирования программы осуществлялась в соответствии с действующими нормативами и методическими рекомендациями Минтруда РФ, Федеральной

службы занятости РФ. В программе отмечалось, что ее реализация в 1992 г. потребует (по различным вариантам расчета рынка труда) от 517,0 до 1265,3 млн руб.¹⁰

Положительно повлияли на состояние занятости населения в 1992 г. меры по приостановлению решений работодателей о массовом высвобождении работников и квотированию рабочих мест. Решением Советов в течение 1992 г. было квотировано 3,7 тыс. рабочих мест, в том числе для молодежи – свыше 1,0 тыс., для инвалидов – 409 мест, для освобожденных из исправительно-трудовых учреждений – 214, а также для граждан предпенсионного возраста и более года ищущих работу – 1,3 тыс. мест. Эти меры позволили сохранить ядро некоторых трудовых коллективов.¹¹

В целом в области удалось не допустить обвальной безработицы. Вместе с тем углубляющийся экономический кризис, остановка многих предприятий неизбежно увеличивали давление на местный рынок труда. Статистика свидетельствует, что в 1992 г. количество обратившихся в областную службу занятости превысило в 3 раза уровень 1991 г. Почти половину – 48,3 % составили работники, высвобожденные с остановившихся предприятий, кроме того, среди особо нуждающихся в социальной защите следует отметить молодежь в возрасте 16–18 лет (10,2 тыс. чел.), женщин, воспитывающих несовершеннолетних детей (14,6 тыс.), лиц предпенсионного возраста, инвалидов (2,5 тыс.).¹²

В 1993 г., несмотря на все предпринимаемые властью усилия, ситуация на рынке труда продолжала ухудшаться. Это заставило принять на региональном уровне очередную программу содействия занятости населения Новосибирской области в 1993 г. В отличие от предыдущей программы, она была более проработанной и научно обоснованной. К составлению программы были привлечены многие аналитические службы и заинтересованные организации: комитеты и управления администрации области, Федерация независимых профсоюзов области, Новосибирское отделение Всероссийского общества инвалидов, областная ассоциация многодетных матерей, облвоенкомат, управление УВД, фирма «Занятость», специалисты Института экономики и организации промышленного производства СО РАН и Западносибирского филиала НИИ труда, областной центр занятости населения и другие организации.

Тезисы программы содержали прогнозные цифры рынка труда на 1993 г. Исходя из них, количество занятых в народном хозяйстве должно было сократиться в 1993 г. на 141,5 тыс. чел. (или 11,3 %). По оптимистичному и пессимистичному прогнозам, рынок труда в области оценивался в 249,3 тыс. и 386,4 тыс. чел. соответственно. По среднему варианту (321,1 тыс. чел.) должны были обратиться за содействием в трудоустройстве в службу занятости 214,2 тыс. чел., или 66,7 %. Из последних по программе предусматривалось трудоустроить 20,5 %, переобучить – 5,3, оформить на досрочную пенсию – 16,1, признать безработными – 47,7 %. Появились и новые факторы, которые оказывали негативное воздействие на рынок труда: массовая ликвидация рабочих мест (исходя из заявки предприятий –

¹⁰ ГАНО. Ф. 700. Оп. 1. Д. 59. Л. 174–175.

¹¹ Там же. Д. 97. Л. 226.

¹² Там же. Д. 128. Л. 7.

⁹ ГАНО. Ф. 700. Оп. 1. Д. 59. Л. 173.

62,3 тыс. чел.) и большое число граждан, которые искали работу с 1992 г. (24,5 тыс. чел.)¹³.

Принципиальным отличием новой программы занятости стало значительное увеличение расходов на обучение и переобучение безработных. Так, предполагалось обучить 11,3 тыс. безработных, израсходовав на это 471 млн руб. (15 % от расходной части областного фонда занятости против 2,1 % в 1992 г.).

В 1994 г. была принята очередная областная программа содействия занятости населения. Было создано почти 10 тыс. новых рабочих мест, работодателям оказана финансовая помощь, которая достигла рекордной за предыдущие годы суммы – почти 2 млрд руб. Затраты на активную поддержку занятости в области оказались в 1,6 раза выше, чем в среднем по России. Было продолжено квотирование рабочих мест, велось переобучение и профориентация нуждающихся в трудоустройстве граждан. Разрабатывались специальные программы занятости молодежи, женщин и бывших военнослужащих¹⁴.

Несмотря на реализацию нескольких программ стимулирования занятости населения, в течение 1994 г. ситуация не улучшилась. В докладе главы области И.И. Индинка «О социально-экономическом положении в Новосибирской области», прозвучавшем 10 ноября 1994 г., называлась цифра официально зарегистрированных безработных: на 1 октября 1994 г. она составила 27 612 чел. В относительных цифрах, по данным статистики, уровень безработицы (от численности экономически активного населения) в среднем по области на 1 января 1995 г. составил 2,16 %, что в 2,1 раза выше, чем на соответствующую дату прошлого года¹⁵.

Приведенные данные касаются официально зарегистрированной безработицы. Очень сложно оценивать масштабы скрытой безработицы. В условиях реформ, породивших экономическую нестабильность, многим предприятиям приходилось сокращать объемы выпуска продукции, вплоть до

частичной или полной остановки производства на определенное время. В данных условиях получила широкое распространение практика предоставления работникам длительных отпусков без сохранения зарплаты или с частичной оплатой, изменение режима работы, другие формы скрытой безработицы. Масштабы этой безработицы не отражены в статистических сборниках, но встречаются отрывочные данные. Так, в первом квартале 1994 г. в Новосибирской области неполный рабочий день работали 87 тыс. чел., в первом полугодии – 119,6 тыс. чел. В административных отпусках находилось соответственно 76 и 96,6 тыс. чел. Таким образом, скрытая безработица в первом квартале составила 163 тыс. чел., а в первом полугодии – 216 тыс. чел.¹⁶ Если к этим данным прибавить неизвестное число лиц, не зарегистрированных ни на рабочих местах, ни в службах занятости, то очевидно, что скрытая безработица временами на порядок превышала официально зарегистрированную.

Приведенные данные показывают, что в исследуемый период, несмотря на явный недостаток выделяемых средств, удалось, тем не менее, оказать минимальную помощь остро нуждающимся и малоимущим гражданам. Вместе с тем в условиях гиперинфляции, возникшей в ходе реализации рыночных реформ, вряд ли возможно было рассчитывать, что меры по социальной поддержке, принимаемые местными органами власти, смогут кардинально повлиять на рост жизненного уровня малоимущих слоев области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Букин С.С., Чернов Д.В. Соцзащита. Помощь новосибирцам в годы реформ (1992–2002). Новосибирск, 2003. 125 с.
2. Букин С.С., Чернов Д.В. Социальная работа в Новосибирске: становление и развитие. Новосибирск, 2004. 204 с.

Статья поступила
в редакцию 01.09.2013

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕМИНАР «ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В АЗИИ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ, ГИПОТЕЗЫ БУДУЩЕГО (Новосибирск, 31 августа – 3 сентября 2013 г.)

Состоявшийся в Новосибирске Международный научный семинар, организованный Институтом истории СО РАН (Новосибирск), Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ) и Институтом азиатских исследований им. Мауланы Абул Калам Азада (Калькутта), стал десятым по счету научным форумом, посвященным сложнейшим проблемам развития народонаселения Азии. В семинаре приняли участие ученые из семи стран – Австралии, Индии, Казахстана, Монголии, России, Турции и Японии.

Семинар открыл чл.-кор. РАН, директор института Истории СО РАН В.А. Ламин, который подчеркнул особую практи-

ческую значимость демографической проблематики на современном этапе развития человечества. Интенсивные миграции, тесно связующие Азиатский континент с Европой, Австралией и Северной Америкой, а также то мощное давление, которое оказывает быстро растущий демографический потенциал Азии на все регионы земного шара, как отметил В.А. Ламин, делают эти проблемы чрезвычайно злободневными не только для Азии, но и для всего мира. Он дал высокую оценку предшествующим семинарам и проинформировал присутствующих об исследованиях в области демографической истории, проводимых в Институте истории СО РАН.

С приветственными воззваниями к участникам семинара обратились профессор, д-р ист. наук М.Н. Болдано

¹³ ГАНО. Ф. 700. Оп. 1. Д. 96. Л. 48.

¹⁴ Там же. Д. 156. Л. 19.

¹⁵ Там же. Д. 154. Л. 101.

¹⁶ Там же. Д. 157. Л. 58.

Участники конференции: 1-й ряд (слева направо): М.А. Шаршова, О.Н. Шелегина, Галиймаа Нямаа, А.Н. Алексеенко, Д.А. Ананьев, Ганбаатар Наран-Оюун, В.М. Рынков, Я.А. Кузнецова, Н.А. Кулперштох, В.А. Ламин, М.Н. Балдано, А.И. Тимошенко, А. Патнаик, М. Сиотани, П.Л. Даш, В.Ю. Малов, И. Сахин; 2-й ряд (слева направо): А.А. Кисенко, Е.В. Комлева, В.И. Дятлов, В.А. Исупов, С. Уиткрофт, Н.Ю. Пивоваров, В.И. Шишкин, В.А. Ильиных, А.И. Савин, С.Н. Андреевков, Р.Е. Романов.

(Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ) и профессор Ильхан Сахин (prof. İlhan Sahin), член исполнительного совета Комитета по османским и доосманским исследованиям (CIEPO, Турция).

Научную сессию, стартовавшую 1 сентября 2013 г. в Доме ученых Новосибирского академгородка, открыла работа секции «Демографические и миграционные процессы в Азии» под председательством профессора, д-р ист. наук А.Н. Алексеенко (Восточно-Казахстанский технический университет, г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан). Первым выступил профессор Аджай Патнаик – представитель Центра российских и центральноазиатских исследований Университета им. Дж. Неру (Нью-Дели, Индия) (prof. Ajay Patnaik, Centre for Russian & Central Asian Studies (CRCAS), School of International Studies, Jawaharal Nehru University, (New Delhi, India)). Он охарактеризовал как революционные те изменения, которые произошли за последнее время в пространственных перемещениях населения Евразии. Они привели не только к кардинальным сдвигам в численности населения различных регионов, но и к преобразованиям его структуры, подчеркнул проф. А. Патнаик.

Профессор Ильхан Сахин обрисовал важнейшие тенденции развития внутренних миграций в постсоветской Киргизии. В основу своего доклада турецкий ученый положил оригинальное социологическое исследование населе-

ния с. Воронцовка. Структурные изменения, произошедшие в населении села в постсоветский период, отразили сдвиги, имеющие место относительно населения Киргизии в целом. Профессор, д-р ист. наук А.А. Алексеенко темой своего доклада избрал «демографическую независимость» Казахстана, увязав эту категорию с проблемами социально-политического развития республики в XXI в.

Профессор Падма Лочан Даш (Университет Мумбай, Индия) (Prof. Padma Lochan Dash, University of Mumbai, India) в своем выступлении представил глубокую характеристику современной демографической ситуации в России. Этот «взгляд со стороны» оказался чрезвычайно интересным, выявив попытки нашей страны преодолеть сложную демографическую ситуацию. В.А. Исупов, д-р ист. наук, рассказал о российском опыте регистрации демографических событий и дал подробный ретроспективный анализ фиксации брачности, рождаемости и смертности в России. Проблемы урбанизации Бурятии и вопросы, связанные с демографической динамикой г. Улан-Удэ, нашли освещение в докладе д-ра ист. наук, профессора М.Н. Болдано.

Профессор Масачика Сиотани (Центр исследований Северо-Востока Азии, Университета Тохoku Япония / Prof. Masachika Shiotani, Center for Northeast Asian Studies, Tohoku University, Japan) раскрыл роль азиатских купцов в русской торговле XIX в., показал развитие транспортных путей Се-

верной и Средней Азии, рассмотрел влияние торговли на развитие системы расселения. Сложнейшие вопросы интеграции китайцев и корейцев в позднеимперской России сформулированы в выступлении д-ра ист. наук, профессора В.И. Дятлова (Иркутский государственный университет, Россия, Иркутск).

Заметный интерес вызвал доклад профессора Стивена Уиткрофта из Университета Мельбурна, Австралия (Prof. Stephen Wheatcroft, the University of Melbourne, Australia), посвященный причинам, развитию и демографическим последствиям голода в СССР в 1917–1922, 1927–1933 и 1942–1947 гг. в сопоставлении с эпидемиями голода в Китае и Индии.

Работой второй секции «Азиатский континент в прошлом и настоящем: Экономика, политика, культура» руководил д-р ист. наук В.Ю. Малов (Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Россия, Новосибирск). В своем докладе, посвященном развитию транспорта как важного элемента национальной безопасности, В.Ю. Малов сформировал идеи и перспективы динамики транспортных систем, соединяющих Азиатский и Европейский континенты. На этой же секции с докладом о развитии промышленности Монголии и о процессах индустриализации и урбанизации выступили профессор Галиймаа Нямаа и ее коллега, доктор Ганбаатар Наран-Оюун из монгольского Института гуманитарных исследований, г. Улан-Батор (prof. Nyamaa Galiimaa, Dr. Ganbaatar Naran-Oyun, Institute of Humanitarian Studies, Ulan-Bator, Mongolia).

Предметом обсуждения на третьей секции семинара (председатель – д-р ист. наук В.А. Ильиных, Институт истории СО РАН) стали научные проблемы истории Азиатской России XVII–XX вв. На этой секции выступали главным образом сотрудники Института истории СО РАН. Профессор, д-р ист. наук М.В. Шиловский сосредоточился на такой сложной проблеме, как специфика формирования и развития оборонительных линий на юге Западной Сибири в XVII – первой половине XIX в. И.Р. Соколовский, канд. ист. наук, представил доклад, в котором выявил основные тенденции изменения численности населения Сибири в ходе ее заселения в XVII в. К анализу зарубежной и отечественной литературы, отражающей проблемы аграрной истории Сибири конца XVIII – начала XX в., обратился канд. ист. наук Д.А. Ананьев.

Профессор, д-р ист. наук В.А. Зверев представил доклад о статистике медицинского ведомства Российской империи как источнике для изучения воспроизводства населения Азиатской России. Историко-демографическая тематика нашла также отражение в докладе В.Б. Лапердина, посвященном развитию населения Западной Сибири в послевоенные годы (1946–1950 гг.). Роль молодежных миграций в формировании населения районов нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг. была раскрыта в докладе канд. ист. наук А.И. Тимошенко. Блок докладов был посвящен проблемам социально-экономического и аграрного развития Сибири. С докладом о динамике сельскохозяйственного производства Сибири во второй половине 1960-х – начале 1980-х гг. выступил д-р ист. наук В.А. Ильиных. Выступление канд. ист. наук С.Н. Андреевского было посвящено преобразованиям колхозной системы в 1950-е гг. в Сибири. В докладе канд. ист. наук Н.А. Куперштох освещался процесс научного сопровождения проектов социально-экономического развития Сибири во второй половине XX в.

В тот же день были подведены некоторые первые итоги работы. Было подчеркнуто, что проведенный семинар продемонстрировал высокий интерес научной общественности к социально-демографической проблематике.

Второй день был посвящен работе круглого стола по региональным социально-демографическим проблемам Колыванского района Новосибирской области. Слово было представлено специалистам-управленцам Колыванского района, центром внимания которых стала собственно региональная проблематика. Выступили А.В. Лукан – специалист Управления образования администрации Колыванского района, Л.И. Копылов – директор районного Дома культуры, Н.А. Александров – руководитель Духовно-просветительного центра «Единство». Региональные проблемы Колыванского района вызвали значительный интерес участников семинара. Это отмечалось в выступлениях чл.-кор. РАН В.А. Ламина, профессоров С. Уиткрофта, Падмы Лочан Даш, Аджая Патнаик, И. Сахина, д-ра ист. наук В.А. Исупова.

Семинар завершился выездом участников в дер. Юрт-Акбылык с целью познакомиться с жизнью и бытом коренных татар.

Д-р ист. наук В.А. Исупов,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск

ТРЕТЬЯ ВСЕРОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ»

21–24 августа 2013 г. Институтом истории СО РАН совместно с Новосибирским национальным исследовательским университетом была проведена третья Всероссийская молодежная научная конференция с элементами научной школы «Актualityные проблемы исторических исследова-

ний: взгляд молодых ученых». Всего в научном форуме приняли участие более 80 чел. – докладчиков и тех, кто интересуется исторической наукой. Конференция собрала молодых исследователей-историков из тринадцати городов четырех федеральных округов Российской Федерации:

Центрального (Москва), Поволжского (Ижевск, Нижний Новгород, Пенза), Уральского (Екатеринбург, Пермь), Сибирского (Барнаул, Кемерово, Красноярск, Новокузнецк, Новосибирск, Омск, Томск).

Открытие конференции состоялось в Малом зале Дома ученых СО РАН. Мероприятие началось с приветственных выступлений директора Института истории СО РАН, чл.-кор. РАН В.А. Ламина и заместителя полномочного представителя Президента России в Сибирском федеральном округе Л.Е. Бурды. В.А. Ламин отметил активное участие молодых ученых ИИ СО РАН в научной и общественной жизни, подчеркнул наличие в институте условий для профессионального роста молодых исследователей, пожелал участникам конференции плодотворной и содержательной работы. Л.Е. Бурда указала на значимость мероприятия в контексте государственной политики по патриотическому воспитанию и формированию национальной идентичности граждан страны, выразила надежду на то, что участникам научного форума удастся плодотворно обсудить актуальные проблемы истории.

В рамках научной школы своим опытом с молодым поколением историков делились старшие коллеги. Доктор исторических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» И.Н. Данилевский в докладе «Изучают ли историки историческую реальность?» обозначил затруднения, с которыми сталкивается исследователь, пытаясь реконструировать историческое прошлое. В начале выступления лектор поставил вопрос о том, может ли ретроспективный взгляд историка на давно минувшие события быть объективным. Он подчеркнул, что основными принципами научной реконструкции прошлого является выяснение степени достоверности источников с помощью методов исторической текстологии, понимание замысла создания источника и логики его автора, а также анализ текстов для выделения в них верифицированной информации. С точки зрения исследователя, такая информация является надежной основой для реконструкции относительно достоверной картины изучаемой исторической эпохи.

Заведующая кафедрой Уральского государственного университета, д-р ист. наук Л.Н. Мазур в докладе «Стратегия и тактика исторического исследования: в поисках оптимальной познавательной модели» дала характеристику общим принципам, формам и методам научной работы историка. Были отмечены три составляющие труда историка: вера в возможность получения знания о прошлом, профессиональная компетенция и личные качества, позволяющие его познать. Кроме того, Л.Н. Мазур выделила критерии, которым должен соответствовать квалифицированный историк, основные тенденции развития исторической науки, стратегии, модели и проблемы организации исторического исследования, обратила внимание присутствовавших на мифы и убеждения, влияющие на характер научно-исследовательского поиска. В заключение она коротко обозначила секреты научного успеха историка-исследователя.

Ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, д-р ист. наук А.И. Куприянов в докладе «Практики фальсификации выборов в России (1760–1860-е годы)» продемонстрировал применение антропологического подхода в историческом исследовании. Применение этого подхода

позволило реконструировать изменение политического сознания российского дворянства на протяжении ста лет. Опираясь на дошедшие до наших дней свидетельства нарушений в ходе выборов и откровенных фальсификаций их результатов, а также (что особенно ценно!) на свидетельства «электорального» поведения дворян, исследователь пришел к заключению о том, что российское дворянство на протяжении всего исследуемого периода в большей степени было обеспечено не столько соблюдением законодательства и объективностью результатов выборов, сколько соблюдением своих сословных прав и привилегий.

Старший научный сотрудник Института истории СО РАН, канд. ист. наук С.Г. Петров в докладе «Делопроизводственная документация как исторический источник» осветил источниковедческие проблемы, связанные с введением в научный оборот делопроизводственных документов советского периода. В начале своего выступления С.Г. Петров обратил внимание на тонкости определения понятия «делопроизводственные документы», традиционные и новые классификации этого вида исторических источников, этапы развития делопроизводственной документации в России и СССР. На примере протоколов высших органов власти СССР он продемонстрировал специфику анализа делопроизводственных документов, рассказал о приемах работы с данным видом источников. В заключение исследователь отметил некоторые «подводные камни», с которыми сталкиваются историки при использовании делопроизводственных документов в своей научно-исследовательской работе.

На следующий день, после завершения работы научной школы, участники конференции разделились по пяти секциям: всеобщей истории, отечественной истории с XVI до середины XIX в., с середины XIX до начала XX в., с 1917 по 1945 г., с середины XX до начала XXI в. В ходе секционных заседаний состоялось обсуждение широкого круга актуальных проблем истории России и других стран.

Одной из основных проблем, находившихся в центре внимания участников конференции, были взаимоотношения власти и общества. Были рассмотрены различные аспекты процесса присоединения Сибири к Русскому государству в XVII в. Освещена деятельность тайных обществ в России в 1820-е гг., обсуждалась проблема размыwania традиционных представлений о нормах и ценностях царской семьи в период реформ Александра II. Дана характеристика чиновничьих жалоб и их оценка в отношении Алтайских горных заводов в контексте сложившейся общественной ситуации, деятельности волостного правления на примере Бердской волости Барнаульского уезда Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Раскрыты процесс создания и функционирования дамских комитетов в Сибири и динамика запросной активности Государственной думы в годы Первой мировой войны. Показаны внутрипартийные разногласия между правым и центристским крылом партии эсеров в Енисейской губернии в марте 1917 – июне 1918 г., рассмотрены проблемы отражения американской и японской интервенции в периодической печати Сибири и Дальнего Востока. Выявлены формы и методы партийного руководства сельским хозяйством Сибири в период нэпа, особенности секретарского корпуса первичных организаций колхозов и совхозов Новосибирской области в середине 1960-х – середине 1980-х гг. Охарактери-

зованы этапы реформирования отечественной высшей школы в конце 1980-х – начале 2000-х гг., а также анализировалась деятельность правительства России по защите интересов русских диаспор Казахстана в 1991–2012 гг.

Отдельно в общественно-политической тематике можно выделить доклады, касавшиеся изучения вопросов религиозной и светской идеологии. Участниками конференции принят анализ различных аспектов религиозного обоснования первого крестового похода, эволюции идеологической политики сербского государства в конце XIV–XV в. на примере культа князя Лазаря. Реконструированы взгляды Г. Болингброка в контексте торийской идеологии 1720–1750-х гг. Рассмотрены проблемы идеологии старообрядческих согласий в первой половине XIX в. и специфика модернистских течений в католицизме в начале XX в. Охарактеризована идеология «партийной истории» на примере деятельности революционерки Е.И. Худяковой и освещено влияние на историческую науку идеологической кампании, связанной с празднованием юбилея «Краткого курса истории ВКП(б)» в 1948 г.

В ряде секционных выступлений затрагивались проблемы социально-экономической истории. Показана динамика торговли Волжской Булгарии на основе арабо-персидских источников X в. Проанализированы основы организации винокурного производства в Пензенской губернии в период действия акцизной системы во второй половине XIX в. Раскрыты социально-экономические условия подвижнической деятельности священников-миссионеров в Сибири. Выявлены особенности функционирования и регулирования побочных лесных промыслов в структуре кабинетского хозяйства в Алтайском округе в начале XX в. на примере кедрового промысла. Дана характеристика развития промышленности Бийска в 1920-е гг. на страницах газеты «Звезда Алтая», рассмотрена продолжительность рабочего времени на оборонных предприятиях сибирского тыла. Определены мотивы, ход, масштабы и последствия перестройки аграрного строя в годы правления Н.С. Хрущёва, преобразования колхозов в совхозы во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг.

Часть докладов была посвящена социокультурной проблематике. Показаны острота проблемы борьбы с пьянством и принимаемые в ее рамках меры на железной дороге Сибири в начале XX в. Отмечены различные стороны жизни японских мигрантов на российском Дальнем Востоке на основе материалов «Амурской газеты» конца XIX – начала XX в. Реконструирован социокультурный портрет уголовных элементов, осужденных милицейскими «тройками» Алтайского края в 1937–1938 гг., анализировалась криминальная хроника газеты «Большевистская сталь» (г. Сталинск) в годы Великой Отечественной войны. Изучалась культурно-образовательная деятельность музеев Алтайского края, их фонды, а также рукописи оймонских старожилов из собрания музея-заповедника Н.К. и Е.И. Рерихов.

Ретроспективный взгляд на демографическую историю представлен в двух докладах. Так, были выделены особенности татарского населения в структуре жителей Енисейской губернии во второй половине XIX – начала XX в., факторы,

масштабы и последствия голода 1946–1947 гг. для населения Омской области.

Отдельного внимания заслуживают историографические сюжеты, изложенные в некоторых секционных выступлениях. Отмечены проблемы советской историографии социально-экономического развития эллинистических городов. Выявлены особенности историографической ситуации в изучении военного дела российских служилых татар. Реконструированы взгляды историка Н.В. Устюгова на характер башкирских восстаний XVII в. Охарактеризованы историографические оценки влияния действий Эриванского отряда на англо-иранскую торговлю в условиях Крымской войны. Проведен анализ немецкой историографии, в которой дана интерпретация взглядов канцлера Аденауэра на Советский Союз.

Завершающим мероприятием конференции стал круглый стол «Идеологическое в исторической науке: проблема и преодоление» (модератор – канд. ист. наук, младший научный сотрудник Института истории СО РАН, доцент Новосибирского государственного университета В.В. Журавлев). Данное мероприятие проходило в качественно новом формате. Участникам было предложено разделиться на несколько групп и силами группы найти ответы на вопросы: присутствует ли идеологический компонент в современных историко-научных исследованиях? В чем причина этого присутствия (отсутствия)? В чем плюсы и минусы данной ситуации? Какова роль личностных, внутринаучных, общественных факторов в процессах идеологизации / деидеологизации исторических исследований? После группового обсуждения перечисленных вопросов представители групп выступили с результатами работы перед всеми участниками круглого стола. Такой формат позволил выявить значение обозначенной в заглавии круглого стола проблемы для молодых историков. Участники актуализировали для себя проблему идеологического компонента в исторических исследованиях, попытались самостоятельно ответить на вопросы, которые так или иначе встают перед каждым исследователем, но зачастую отодвигаются на второй план. В результате все выступающие отметили наличие идеологического компонента в исторических исследованиях, сошлись во мнении о неоднозначности и сложности такого положения дел, выявили как положительные, так и отрицательные моменты влияния идеологических установок на исследовательский процесс.

Заключительным мероприятием конференции стало пленарное заседание, в ходе которого были подведены результаты трехдневной работы и отмечена плодотворность проведенных мероприятий в плане обсуждения актуальных проблем истории. По итогам конференции издан сборник «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых», в котором опубликованы статьи участников секционных заседаний.

Канд. ист. наук *Р.Е. Романов*,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск

КНИГА, КОТОРУЮ ЖДАЛИ: рецензия на монографию А.А. Долголюка «Сибирские строители в 1946–1970». Новосибирск: Параллель, 2013. 476 с.: илл.

Вызывает удивление, что за последние два десятилетия в отечественной историографии не появилось ни одного фундаментального исследования, посвященного истории капитального строительства в Сибири в советское время.

Достижения и проблемы строительной отрасли остались за пределами рефлексии со стороны научного сообщества историков. Отсутствие серьезных научных трудов по истории системообразующей, важнейшей отрасли советской экономики, по сути, лишало современное российское руководство исторического и идеологического фундамента для разработки проектов стратегического развития экономики страны и отдельных ее регионов. В то же время, не подведя итоги прошлому, не оценив масштабы и последствия сделанного, трудно продвигаться вперед, избегая ошибок.

В этом смысле актуальность подобных исследований непреходяща, что подтверждается фундаментальным исследованием А.А. Долголюка «Сибирские строители в 1946–1970 гг.». Автор хорошо известен историческому сообществу как профессиональный и талантливый исследователь, который на протяжении многих лет воссоздает историю строительной отрасли Сибири, особое внимание уделяя при этом трудовым и социальным аспектам данной темы.

Оценивая масштабность и фундаментальность нового исследования, можно с полным правом охарактеризовать его как плод многолетних творческих поисков автора, методичного сбора и обработки источников, анализа научной и научно-популярной литературы. В монографии рассмотрен практически весь комплекс социальных проблем строительной отрасли Сибири в 1946–1970-е гг.

В шести главах монографии проанализировано развитие строительной отрасли в Сибири, рассмотрены особенности формирования кадров, динамика их численности. Исследованы трансформации в социально-демографической структуре, образовательном уровне и профессионально-квалификационном составе строителей. Определены факторы, влиявшие на текучесть кадров в трудовых коллективах, показана многогранная деятельность хозяйственных, советских и партийных органов по стабилизации их деятельности. Обобщен опыт профессиональной подготовки рабочих как в учебных заведениях системы профессионально-технического образования, так и на производстве. Дан глубокий анализ работы по повышению квалификации рабочих, переподготовке инженерно-технических работников и служащих. Показаны формы организации труда в отрасли и условия, в которых протекала деятельность занятых в ней работников. Особое внимание уделено материально-бытовым условиям жизни строителей и их семей: оплате труда, жилищным условиям, промышленному и продовольственному снабжению, решению бытовых проблем.

А.А. Долголюк справедливо отмечает тот факт, что строительная отрасль в современной России испытывает глубочайший кризис и в случае реализации крупномасштабных инвестиционных проектов неизбежно возникнет потребность в формировании крупных трудовых коллективов, опыт

создания которых, как и практика эффективного решения социальных вопросов у современных чиновников и отечественного бизнеса, отсутствует.

В этом и заключается прикладное значение исследования, проведенного автором монографии. Историографическая актуальность работы, по мнению А.А. Долголюка, обусловлена явно недостаточным вниманием исторической науки к строительной индустрии, в отличие, например, от промышленности и транспорта.

В первой главе автор показал основные этапы индустриального строительства в Сибири, выделил направления государственных инвестиций и выявил специфику инвестиционной политики в различные исторические периоды.

Вторая глава монографии посвящена не менее актуальной теме – формированию кадрового потенциала на сибирских стройках, источникам пополнения строительного контингента. Особое внимание уделено сельскому населению как главному источнику трудовых ресурсов для строек Сибири. Интересным представляется вывод А.А. Долголюка о том, что для значительного числа селян из-за более низких требований к уровню квалификации строительные организации выступали своеобразным трансфертом для их дальнейшей работы в промышленности и на транспорте.

В третьей главе представлен тщательный анализ качественного состава работников отрасли, включая социально-демографические характеристики, образовательный и профессионально-квалификационный уровень, трудовой стаж. А.А. Долголюк отмечает, что специфика строительной отрасли весьма серьезно влияла на половозрастную структуру, которая кардинальным образом отличалась от аналогичных показателей в промышленности и на транспорте. Автор приходит к выводу о значительном отличии социально-демографической структуры сибирских строителей от среднероссийских показателей.

Что касается профессионально-квалификационного состава, то автор рассматривает несколько ключевых проблем: относительно низкие требования к квалификации рабочей силы; вопросы тарификации рабочих, соотношение рабочих – сдельщиков и повременщиков. Один из основных его выводов состоит в том, что культурно-технический уровень сибирских строителей соответствовал общесоюзным показателям, а в наиболее развитых в индустриальном отношении областях и краях сибирского региона даже превышал их.

В монографии изучены различные аспекты деятельности партийных, государственных и хозяйственных органов по совершенствованию условий и организации труда строителей. В сфере внимания А.А. Долголюка находятся казалось бы самые обыденные, повседневные темы, но без их освещения и систематизации понять, насколько сложно было организовывать быт и производство на новом месте – невозможно. Автор осветил и такие малоизученные темы, как обеспечение спецодеждой, оснащенность строительной и прочей техникой, уровень санитарной безопасности, организация питания на производстве.

Одной из самых сложных проблем в строительстве, особенно при возведении сложнейших технических объектов, является организация трудового процесса. Ей автор уделяет особо пристальное внимание. Он справедливо отмечает, что, в отличие от промышленности, в строительстве

невозможно организовать производственный поток даже в условиях широкого применения типовых проектов при возведении зданий и сооружений. Поэтому для руководства строек всегда актуальной оставалась задача: как рационализировать и организовать производственные процессы, чтобы максимально эффективно включить в них всех участников – от рядового работника до ИТР, служащих и руководящего состава.

Автор воссоздает очень подробную и интересную историю формирования бригадной формы организации труда, прослеживает изменения в ее структуре, анализирует объективные и субъективные факторы, способствовавшие появлению различных типов бригад – специализированных, укрупненных, комплексных, сквозных, выясняя при этом условия эффективности их труда.

В заключительной главе монографии автор обращается к наиболее животрепещущим проблемам, непосредственно затрагивающим каждого работника строительной отрасли и членов его семьи – оплате труда, жилищным условиям, обеспечению предметами потребления, решению бытовых вопросов. Им собран и систематизирован уникальный материал, позволяющий увидеть колоссальные трудности, с которыми столкнулась власть при формировании такой системы оплаты труда, которая бы, с одной стороны, учитывала количественные и качественные показатели работы, а с другой – способствовала улучшению качества жизни трудящихся.

В монографии приводятся статистические данные, подтверждающие преодоление чрезмерной перенаселенности квартир. Вместе с тем, признается, что практически везде масштабы жилищного строительства серьезно отставали от темпов возведения основных сооружений: гидроэлектростанций, заводов, других промышленных объектов. Автор приходит к выводу об эффективности государственной политики в области жилищного строительства в конце 1950-х – начале 1960-х гг., позволившей за относительно короткое время коренным образом улучшить жилищные условия строителей.

Завершается исследование логичным и закономерным выводом о весомом вкладе сибирских строителей в индустриальное и социально-культурное развитие региона. Они построили промышленные объекты мирового уровня, проложили новые дороги и железнодорожные магистрали, линии связи, возвели новые города и поселки с полным набором необходимых объектов социально-бытового и культурного назначения. Плодами их усилий сибирский регион пользуется и сегодня.

К безусловным достоинствам монографии относится качественная и систематизированная подборка фотографий строительных объектов, знатных строителей, руководителей строительных организаций. Фотографии органично дополняют текст, наполняя его жизнью.

На наш взгляд, данная монография позволит автору продолжить исследование, как минимум, в двух направлениях. Перспективной может стать работа историко-социологического плана с использованием методов исторической антропологии: человек – строитель в контексте «большой» истории. История строительной отрасли дает множество примеров беззаветного служения делу рабочих, бригадиров, инженеров, руководителей. Рассказать об этих людях – важная гражданская, патриотическая задача. Второе направление – продолжение анализа развития капитального строительства в Сибири с 1971 г. до начала 1990-х гг. Несмотря на большое количество работ об отдельных аспектах развития этой отрасли в период «позднего социализма», фундаментальный труд, позволяющий представить развитие и функционирование строительного комплекса Сибири, пока не создан. Решение этих двух задач во многом позволит ликвидировать серьезный пробел в сибирской историографии советского периода.

Е.Н. Волосов,
д-р ист. наук, директор Усть-Илимского филиала
Иркутского государственного университета

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА ПОКРОВСКОГО (20 июня 1930 – 13 октября 2013)

Ушел из жизни Николай Николаевич Покровский – академик РАН, профессор, председатель Сибирского отделения Археографической комиссии, заведующий сектором археологии и источниковедения Института истории СО РАН.

Н.Н. Покровский родился в Ростове-на-Дону в семье профессора, специалиста по истории Кавказа Николая Ильича Покровского – организатора и первого декана историко-филологического факультета Ростовского государственного университета. После окончания исторического факультета Московского государственного университета, учебы в аспирантуре и успешной защиты в 1955 г. кандидатской диссертации по теме «Актовые источники по истории феодальной собственности в России XIV–XVI вв.» Н.Н. Покровский стал преподавателем на орга-

низованной и возглавляемой его учителем М.Н. Тихомировым кафедре источниковедения Московского государственного университета.

В 1957 г. за участие в неформальном кружке молодых историков Московского университета Н.Н. Покровский был приговорен к шести годам заключения. До 1963 г. отбывал наказание в мордовских лагерях. Только в 1989 г. он был реабилитирован, приговор отменен за отсутствием состава преступления. После освобождения из лагеря в 1964 г. Н.Н. Покровский стал заведующим отделом, затем заместителем директора по науке Владимиро-Суздальского музея-заповедника, а в 1965 г. переехал в Новосибирск. С этого времени его жизнь была неразрывно связана с Академгородком, с Сибирским отделением Академии наук.

«Опальный» историк был принят в отдел гуманитарных исследований Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР, в 1966 г. преобразованный в Институт истории, филологии и философии (с 1990 г. – Институт истории в составе Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН, с 2007 г. – Институт истории СО РАН). Параллельно с работой в Институте Н.Н. Покровский стал преподавать на открывшемся гуманитарном факультете Новосибирского государственного университета.

С момента появления в Сибири Н.Н. Покровский был неизменным организатором, руководителем и участником археографических экспедиций, благодаря которым на государственное хранение поставлено большое количество уникальных рукописей и старопечатных книг. Эти находки позволили всерьез говорить об археографическом открытии Сибири. Полевая экспедиционная работа дополнялась камеральной. Н.Н. Покровский создал и возглавил археографическую лабораторию, входившую в состав сектора истории Сибири досоветского периода, а в 1975 г. ставшую самостоятельным сектором археографии и источниковедения Института истории. Опыт экспедиционной работы нашел отражение в монографии «Путешествие за редкими книгами», выдержавшей три издания (М., 1984, 1988; Новосибирск, 2005).

Введение в научный оборот письменных источников, их публикация, а также новая интерпретация уже известных стала приоритетным направлением деятельности Н.Н. Покровского. Уже в 1971 г. он осуществил издание обнаруженного им в ходе археографической экспедиции ценнейшего источника по общественно-политической истории России первой половины XVI в. – «Судные списки Максима Гре-

ка и Исаа Собаки». В обстоятельной вступительной статье содержался детальный источниковедческий анализ памятника, подробный разбор содержания и характеристика научного значения сведений, заключенных в публикуемом тексте.

Этот принцип сочетания научной публикации источника с его исследованием стал характерной чертой для основанной Н.Н. Покровским серии «История Сибири. Первоисточники». В 14 вышедших из печати выпусках опубликованы ценнейшие источники по истории Сибири, начиная с 2-томного справочника «Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г.Ф. Миллера. Описи копийных книг» (Новосибирск, 1993–1995) и заканчивая трехтомным изданием текстов, созданных старообрядцами в XVII–XX вв. («Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв.» Новосибирск, 1999–2011), а также изданием мемуаров сибирского врача (Вишняков Н.И. Записки военного врача. Новосибирск, 2011).

В 1977 г. в Томском краеведческом музее Н.Н. Покровский обнаружил древнейший список «Степенной книги царского родословия» – первого обобщающего сочинения по русской истории, написанного в эпоху правления Ивана Грозного. Результаты многолетней работы Н.Н. Покровского совместно с учеными Новосибирска, Санкт-Петербурга и Лос-Анджелеса нашли отражение в трех томах комментированного научного издания этого памятника (Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам / отв. ред. Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф. М., 2007. Т. 1; 2008. Т. 2; 2012. Т. 3). После этого проекта совместно с петербургским ученым А.В. Сиреновым он обратился к изданию Латухинской Степенной книги, в тексте которой, как показал Н.Н. Покровский, нашла отражение общность судеб и исто-

рии трех восточнославянских народов (Латухинская Степенная книга. 1676 год. М., 2012).

В ходе «архивной революции» начала 1990-х гг. Н.Н. Покровский получил возможность одним из первых ознакомиться с сверхсекретными кремлевскими архивами и применить используемые медиевистами приемы анализа и публикации к хранившимся там документам. В результате этой работы, сделанной совместно с С.Г. Петровым, на свет появился двухтомный сборник документов, посвященный особенностям проведения антирелигиозной политики большевиков в отношении Русской православной церкви (Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. М.; Новосибирск, 1997. Кн. 1; 1998. Кн. 2). Особую ценность в нем имеют подробнейшие комментарии и обширная аналитическая статья, написанная Н.Н. Покровским.

С 1975 г. начали выходить сборники основанной Н.Н. Покровским серии «Археография и источниковедение Сибири» (при жизни Н.Н. Покровского увидел свет 31 выпуск). Статьи, составляющие сборники, посвящены исследованию актуальных проблем истории России, отечественной культуры, которые решаются благодаря анализу исторических источников, как вновь вводимых в научный оборот, так и уже известных. Сборники включают раздел научных публикаций источников. Серия давно получила международное признание, которое нашло отражение в опубликованных рецензиях.

Уже в ранних работах Н.Н. Покровского был задан вектор всех его дальнейших исследований, сформировавший также одну из главных особенностей возглавляемой им научной школы: верность письменному источнику, привлечение для его анализа различных методов исторических, филологических и смежных с ними дисциплин. В 1973 г. в новосибирском издательстве «Наука» увидела свет монография «Актовые источники по истории черносотного землевладения в России XIV – начала XVI в.», подводящая итог исследованию Н.Н. Покровским русских актовых материалов.

В 1974 г. вышла из печати ставшая сегодня классикой отечественной историографии книга «Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в.», в которой впервые в советское время поднимались и решались на огромном источниковом материале сложные вопросы истории и идеологии старообрядчества. Н.Н. Покровскому удалось привлечь внимание историков к этому религиозно-общественному движению, значительно расширив круг привлекаемых для анализа источников и показав их ценность

для решения научных проблем, касающихся изучения общественного сознания населения России.

Н.Н. Покровский уделял большое внимание изучению культуры русских старообрядцев, что нашло отражение в научных статьях и в написанной совместно с Н.Д. Зольниковой монографии «Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания» (М., 2002). Изучение им старообрядчества, крестьянской урало-сибирской письменности XVIII–XX вв. существенно изменило представления о духовной жизни русского крестьянства, выявив ее богатство и многообразие.

Н.Н. Покровский интересовался широким кругом проблем российской истории XVI–XX вв. Вопросам взаимоотношений власти, церкви и общества, монархии и сословных организаций в мирный период и во время социальных потрясений XVII в. он посвятил две свои крупнейшие работы: монографию «Томск. 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры» (Новосибирск, 1988) и написанную вместе с известным сибиреведом В.А. Александровым книгу «Власть и общество. Сибирь в XVII в.» (Новосибирск, 1991).

В 2009–2010 гг. Н.Н. Покровский по приглашению Православной гимназии во имя преподобного Сергия Радонежского прочитал лекционный курс, посвященный истории взаимоотношений Русского государства и Православной церкви в XIII–XVI вв. Эти лекции были положены в основу его последней книги – «Русская Церковь и государство в XIII–XVI вв.» (Новосибирск, 2013). Данное учебное пособие отличает академизм в изложении сложнейших проблем российской истории, которые предстают ясными и понятными для читателя.

Признание заслуг Н.Н. Покровского выразилось в присвоении ему в 1987 г. звания члена-корреспондента АН СССР, а в 1992 г. – академика РАН; в 1995 г. он стал лауреатом Демидовской премии, в 1998 г. награжден орденом Почета, в 2005 г. – орденом Дружбы. Научная и просветительская деятельность Н.Н. Покровского отмечена Русской православной церковью: в 1998 г. – благодарностью патриарха Алексия II, в 2002 г. – орденом св. митрополита Макария III степени, в 2009 г. – орденом преп. Сергия Радонежского III степени. Давно получила известность его научная школа археографических и источниковедческих исследований.

Ушел из жизни замечательный ученый и прекрасный человек.

Коллеги

SUMMARY

Yesikova M.M. Peasant Farms' Agriculture in Russia in the Late XIX – Early XX Centuries: Factors and Evolutionary Dynamics

The paper analyzes factors and dynamics of peasant farms' agriculture in Russia in the late XIX – early XX centuries. It is stated that main deterrents preventing from increase of agriculture's effectiveness were the peasants' poverty as well as egalitarian approach typical for the communal peasantry's moral principles. The rise of agriculture was facilitated by the activities of the zemstvo agronomic service and technical equipment of the farms. All this led to the yield increases at the beginning of the XX century, while the village came close to introduction of the multiple crop rotation.

Key words: peasantry, moral economy, agriculture, agro-technics, crop capacity, agronomic service.

Rynkov V.M. Abundance of Refined Intellectuals: Administrative Authorities in Agriculture of Siberia (June 14th, 1918 – January 5th, 1920)

The paper based on the analysis of legislation and archival documents considers the history of formation and interaction between the central and local agriculture administration authorities in Siberia in the summer of 1918 – 1919. Main attention is paid to analysis of the structure and personnel of the Russian Government's Ministry of Agriculture. The author shows difference in viewpoints of the heads of the Ministry and zemstvo officials who acted at the local level and on whom the implementation of agricultural policy depended to a considerable degree. It is proven that central authorities suffered from the inflated staff while the Ministry could not find adequate solutions to many practical tasks it faced.

Key words: agrarian question, governmental authorities, Civil War, Siberia.

Salamatova M.S. Electoral Behavior of the Peasantry in the 1920s

The paper analyzes key features of electoral behavior of the peasantry in Soviet Russia in the 1920s. The peasants' behavior during the elections varied, ranging from the protest to the active support. The degree of peasants' loyalty to the Soviet power during the electoral meetings depended on many factors, mostly economic in character. Peasants and authorities demonstrated the biggest difference in opinions in regard to the problem of the Soviets personal structure. Peasants nominated their candidates based on the traditional understanding of social justice and labor ethics while the Bolsheviks acted on the premise that the Marxist ideology was of the highest value.

Key words: peasantry, agrarian sector, electoral campaigns, Soviet political system, electoral behavior, civil responsibility.

Stasyukevich S.M. Food Policy of the Soviet State in the Far East in 1922-1928

The paper traces formation of the food policy of the Soviet state in the Far East; reveals its main aspects such as refusal from imports and self-provision of the region. The author comes to conclusion that such agrarian and food policy led to the crisis in the grain market.

Key words: grain market, agrarian policy, subsistence, NEP, Far East.

Yesikov S.A. Collectivization of Agriculture as an Instrument of Modernization

The paper considers social and economic prerequisites of mass collectivization. The author believes that NEP didn't create a mechanism of sustainable development of agriculture. By the late 1920s the cultivated areas didn't reach the level of the pre-war period. It is concluded that under the concrete historical circumstances at the turn of 1920s and 1930s neither Bukharin's nor Chayanov's and Kondratyev's alternatives to the Stalin's forced collectivization had any real chances to be implemented.

Key words: peasant economy, NEP, crisis of grain procurement, agricultural cooperation, alternatives to the socioeconomic development, collectivization, modernization.

Ilyinykh V.A. Collectivization of the Village: Projects and Realities

The paper considers prerequisites, alternatives, plans of implementation and socio-economic results of the forced collectivization. The author comes to conclusion that aims formulated by the ideologists of the Bolshevik regime were not achieved due to the opposition of peasants, whose traditional mental principles of life activity were not taken into account in the development of plans for socialist reconstruction of agriculture.

Key words: collectivization, projects of agrarian development, Stalin, kolkhoz system, historiography.

Kondrashin V.V. Soviet Grain Procurement Policy during the First 5-Year Plan and Its Results

The paper characterizes reasons, mechanism and consequences of the forced grain procurement in the USSR during the first 5-year plan. Based on the documents from the Russian Presidential Archives and other sources it shows the role played by I.V. Stalin in the grain procurement policy realization; analyzes its regional specifics and other important aspects.

Key words: grain procurement, collectivization, agrarian policy, phenomenon of Stalinism, industrialization, grain exports, famine.

Laperdin V.B. Consequences of Famine in the Omsk Region in 1946-1947

The paper considers consequences of famine in the Omsk region in 1946-1947; its impact on the demographic and social spheres. Famine led to negative changes in dynamics of death-rate and population structure. It had specific social consequences as it stroke the most unprotected groups of population. After famine was over the social and demographic processes were stabilized.

Key words: historical demography, famine, mortality, death-rate, social policy of the state.

Andreenkov S.N. Reasons and Alternatives for Reorganization of the Machine and Tractor Stations in 1958

The paper analyzes some important problems of agrarian and economic history of the USSR in the 1950s when the government took measures to raise mechanization level of agricultural industry. The author studied governmental measures aimed at development of MTS; analyzed the projects of reforms proposed in the middle of 1950s; tried to determine reasons that led to liquidation of MTS in the late 1950s. The article contains different views of researchers on the reasons of MTS reforms. For the first time in historiography the author analyzes the alternative project of this reform that was denied for political reasons.

Key words: machine and tractor stations, kolkhozes, reorganization of MTS, agrarian policy, N.S. Khrushchev, agriculture.

Gorbachev O.V. Transformation of the Rural Family in the Central Non-Black Soil Zone in 1940s-1980s

The paper deals with changing structure and numbers of rural families in Central Russia during the period of the most intensive urbanization processes. The author reveals dependence of the families' transformation on the regional specifics of settlements, type of economic organization, as well as specifics of agrarian reforms realization. It also discusses the economic role of families and prospects of cottage industry.

Key words: rural family, historical demography, agrarian reforms, urbanization, kolkhozes, displacement of rural population, Non-black soil zone.

Lurye B.D., Pishchik I.I., Koroleva Ye.V. On the Expert Evaluation of the Monument of Peasant Architecture in the Village of Verkh-Uymon

The paper presents results of scientific investigation aimed at evaluating the quality of reconstruction of the monument of peasant architecture – the house of V.S. Atamanov in the village of Verkh-Uymon (Ust-Koks District of the Altai Republic). This investigation resulted in determining the archaic construction technology of Verkh-Uymon as an Altai variant of the North-Russian architecture tradition. The age of wood was dated with non-destroying method of I.I. Pishchik giving the range of dates from 1457 to 1857.

Key words: reconstruction, expert evaluation, Uymon Old-Believers, monument of wooden architecture.

Zhuravel O.D. The Prefaces in Old-Believers' Manuscript Tradition

The paper deals with the problems of Old-Believers Literary Culture at the beginning of the XVIII - XX centuries. The

author studies prefaces to the manuscript collections and explores the methods of work of the Old-Believers' writers. The article focuses on the prefaces of the "Ural-Siberian Paterik (Patericon)". The author identifies the sources of prefaces of the "Ural-Siberian Paterik", including collections of the Vyg Old-Believers' writers of the XVIII century. It is established that along with textual borrowings some ideas and concepts were transmitted, the ones that were important elements in the ideology of Old Believers (utopian, eschatological ideas).

Key words: Old Believers, the manuscript collection, Ural-Siberian Paterik, rhetoric, baroque, Literary Culture, Utopia, eschatological ideas.

Khudjakov, J. S. Participation of Tartar Warriors in the Russian Troops in Military Operations in Western Siberia in the Late XVI and Early XVII century

The article deals with the historical evidence of involvement of military units made up of Siberian Tatars who were in the Russian service in military operations against the supporters and heirs of Kuchum Khan seeking to restore the Siberian Khanate. It also shows the role of the service class of Siberian Tatars in guarding of borders and construction of new ostrogs.

Key words: Tartar warriors, the Russian service, Siberian Khanate, Western Siberia.

Nikanorov I.N. Resolution of the Legendary Old-Believers Assembly and the Corpus of "Paternal Testaments"

The paper deals with research of the manuscript tradition of the Old-Believers corpus of "Paternal testaments". It considers the fact of inclusion of the legendary assembly's resolution into one of the versions of "Paternal testaments" in the latter half of the XIX century. It is concluded that the Fedoseevtsy changed their attitudes to the authoritative texts and modified their polemical methods in the second half of the XIX century.

Key words: Old-Believers, Fedoseevtsy, Preobrazhenskoye cemetery, tradition, manuscript collection, Church, reform of Patriarch Nikon.

Troyev P.S. Escape of the Narodnik Exiles from Yakutia in the Last Quarter of the XIX Century

The paper considers security issues in places of exile as well as relationships between the exiles and local citizens of the region. The author describes the role of the head of Boturussky Ulus E.D. Nikolaev, an ethnic Yakut, in organizing a daring and successful escape of exiles from the remotest ulus to France.

Key words: tsarism, strictest measures, "Black Partition", "People's Will", remote sites, secret letter.

Shishkin V.I. "The State is in Extremely Critical Situation, That is Why Creation of Its Combat Power is of Utmost Importance"

The paper introduces into scientific use the major document containing key information about the principles of recruit induction to the armed forces of the Provisional Siberian government in the late summer of 1918.

Key words: population, army, draft call, mobilization, replacement, volunteers, non-commissioned officers, officers, reserve units.

Petrov S.G. Renovationist Church Schism in Siberia

The paper examines specifics of antireligious policy carried out by the state and party management in Siberia during the first two decades of the Soviet regime. It reviews major events connected with the beginning of the Renovationist Church schism and its further development in this largest region.

Key words: The Russian Orthodox Church, renovationism, Siberia, the «metropolitan» Peter Blinov.

Kupershtokh N.A. Academician A.V. Nikolaev – Organizer of Scientific Research in Inorganic Chemistry in the Siberian Branch of Academy of Sciences of the USSR

The paper considers activities of Academician A.V. Nikolaev – an outstanding scientist and first director of the Institute of Inorganic Chemistry of Academy of Sciences of the USSR/Russian Academy of Sciences. He organized scientific research in the branch of learning new for Siberia; formed a research team and a system of staff training for specialists in inorganic chemistry. On A.V. Nikolaev's initiative scientific centers of chemical studies were created in Novosibirsk, Krasnoyarsk and Kemerovo. Nowadays the Institute of Inorganic Chemistry named after A.V. Nikolaev is an acclaimed center of fundamental and applied research as a part of the Russian Academy of Sciences.

Key words: Academician A.V. Nikolaev, scientific research in inorganic chemistry, scientific schools of thought, Institute of Inorganic Chemistry of SBAS.

Savitskiy I.M. Impact of the Semipalatinsk Nuclear Tests on the Natural Environment and Population in Western Siberia during the “Cold War”

The paper evaluates impact of numerous and various nuclear tests of the Semipalatinsk Nuclear Test Site on the natural environment and population of Western Siberia in the late 1940s – late 1980s. It characterizes radiation environment and its correlation with cancer morbidity in the Altai and Novosibirsk Regions.

Key words: nuclear tests, natural environment, nuclear fallout, radiation environment, territory contamination, contamination of settlements, contamination analysis.

Ignatkin P. S. The Socionym «Inozemtsy» with Regard to the Siberian Natives in the Office Work of the Moscow State (Second Half of the XVI – Early XVII Centuries)

The paper deals with semantics of the concept of “inozemtsy” and attempts at finding out when it was introduced into use in paperwork as a term for designation of Siberian aborigines. The author comes to conclusion that Russians started to apply this socionym to the Siberian peoples from the second half of the XVI century. It contained the meaning of cultural “otherness” of Siberian natives and reflected a situation of their incomplete subjugation to the Russian power.

Key words: Siberia, inozemtsy, Russian-aboriginal relations, XVI–XVII centuries.

Korobeynikova N.S. Exnuptial Birth Rate in West-Siberian Cities in the Final Stage of the Great Patriotic War (1944–1945)

The article presents analysis of the phenomenon of illegitimate birth rate in the final stages of the Great Patriotic War in the cities of Western Siberia. The author studies age-related dynamics of birth, social structure of fertility, birth order.

Key words: out-of-wedlock births, birth order, institutionalization of illegitimate births.

Markov Y.A. Living Standards of the Novosibirsk Region Population in the Early Stage of the Radical Economic Reforms

On the basis of documents from the State Archive of the Novosibirsk Region, the article discusses the dynamics of quality and standards of living in the Novosibirsk Region under the circumstances of socio-economic reforms during the last decade of the XX century. The author shows that during this period at least the minimal help was provided for the low-income citizens, despite the obvious lack of funds allocated by the state.

Key words: standard of living, social work, income, social programs.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ **(Требования к статьям и сообщениям)**

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- археология;
- этнография, этнология и антропология;
- историография, источниковедение и методы исторического исследования;
- история науки и техники;
- история международных отношений и внешней политики.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии.

2. Автор представляет:

- заверенную рецензию доктора или кандидата наук по специальности;
- статью в файле в формате Microsoft Word (кроме Word-2007) (файлы с расширением doc или rtf);
- идентичный текст в печатном виде;
- краткую аннотацию (700–850 знаков с пробелами) на русском и английском языках, которая должна включать: фамилию автора, название, цель статьи, характеристику проблемного поля, перечень основных проблем, затронутых в статье, основные научные результаты, ключевые слова (не более 10);

Титул статьи должен содержать фамилию, имя, отчество, должность, ученую степень, место работы, служебный адрес, электронную почту, индекс УДК. Объем статьи не должен превышать 0,5 п.л. (20 тыс. знаков) с учетом пробелов, примечаний и объема аннотации, а также таблиц и рисунков; объем информационных заметок и рецензий – 0,2 п.л.

3. Статья оформляется со следующими параметрами:

- стандартный набор шрифтов Windows, кегль 14;
- если автор использует дополнительные шрифты, не входящие в основной набор Windows, эти шрифты должны быть записаны в электронном виде и переданы со статьей;
- межстрочный интервал – 1,5;
- не использовать макросы и стилевые оформления Microsoft Word;

Список литературы оформляется в конце статьи:

- названия работ приводятся в порядке упоминания;
- ссылки в тексте на упомянутые труды оформляются в квадратных скобках [1], при необходимости с указанием страницы [1, с. 21].

– сноски пояснительного характера, а также ссылки на архивы, рукописные собрания даются постранично с использованием последовательной нумерации (1...10 и т.д.), причем в тексте статьи номер сноски печатается в верхнем регистре;

– в публикациях документов могут быть использованы буквенные постраничные ссылки.

Графики и диаграммы представляются отдельными файлами, выполненными в Microsoft Excel 6.0/7.0/97/2000; иллюстрации в формате JPG.

4. От автора к публикации принимается не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с аспирантов за публикацию не взимается. Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу членов редколлегии и при необходимости направляются на внешнее рецензирование. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

Полная текстовая версия выставляется <http://e-library.ru>

Web-страница журнала: www.sibran.ru/gumnw.htm; www.history.nsc.ru/hum.htm.

Рукописи направлять по адресу:

*630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301.
Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири».
E-mail: gumnauki@gmail.com*